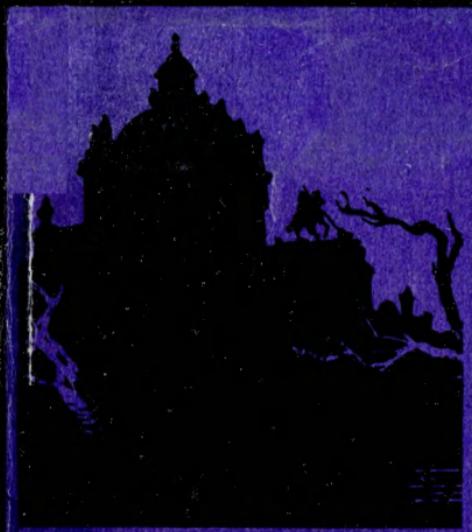

Владимир Добрычев

В тени святого Юра

Начало карьеры

- Новые интриги
- Миссионеры его экзальтаций
- Благодействия униатского владыки
- Дела чудотворные
- Суфраганские раздоры
- Осиное гнездо
- На службе реакции
- Фашистские наемники
- Бесславный конец

Владимир Добрычев

**В тени
святого
Юра**

МОСКВА 1971

**Издательство
политической
литературы**

Авторизованный перевод с украинского

Добрычев В. П.
Д57   В тени святого Юра. М., Политиздат, 1971.
136 с. с илл.

Эта книга разоблачает реакционную роль униатской церкви, ее главы митрополита Андрея Шептицкого, который вместе со своими приспешниками в течение многих лет вынашивал планы «окатоличивания» России, отторжения от нее Украины. Основанная на фактах и документах, многие из которых впервые публикуются на русском языке, книга показывает иезуитские методы униатов, пытавшихся осуществить свои замыслы.

Книга представит интерес для пропагандистов и агитаторов, для студентов и преподавателей высших учебных заведений, для всех, кто занимается проблемами научного атеизма.

Предисловие

Со времени распространения на Руси христианства, пришедшего из Византии в середине IX столетия, Рим любой ценой стремился подчинить себе восточнославянские земли. Выдавая себя за «божьих слуг», католические миссионеры в действительности выполняли функции лазутчиков тевтонских рыцарей, польских и венгерских помещиков, шведских феодалов. Но на Руси своевременно разгадывали захватнические замыслы римской курии и оказывали ей упорное сопротивление. Неудачи не останавливали папство, напротив, после очередного провала своих планов папы снова начинали плести интриги, создавать заговоры. Об этой колонизаторской тенденции Рима писал Иван Франко: «Как древний Катон каждое свое выступление в римском сенате заканчивал напоминанием о необходимости разрушения Карфагена, так и в Ватикане каждый владыка папского престола передавал другому неизменное римское: Ceterum Censco — Orienten esse Conver tendum»¹.

В конце XV столетия католическая церковь заняла господствующее положение в польско-литовском государстве. Без папского нунция не решался ни один государственный вопрос. Вынашивая планы покорения России, воинственная католическая римская курия рассматривала приграничные земли польско-литовского государства как плацдарм для будущего наступления. Поддерживаемые иезуитами, католические епископы повели неистовую борьбу за «окато-

---

¹ «Кроме того, я думаю, что Восток должен быть обращен в католицизм».

личивание» украинцев и белорусов, живших с давних пор на этих землях. Иноzemные захватчики рассчитывали на то, что, приняв католицизм, украинцы и белорусы отрекутся от своей исконной связи с русским народом и станут послушными исполнителями их воли. Принималось во внимание и то, что отпадение Украины и Белоруссии от России в значительной мере ослабило бы ее силы.

Принудительное «окатоличивание» встретило сопротивление населения. Народные массы, не разбираясь глубоко в догматической разнице между православием и католицизмом, отождествляли борьбу за православную веру с борьбой за свою независимость от иноzemных поработителей. Но чем более возрастило сопротивление масс, тем настойчивей становился Ватикан. Для осуществления своих планов католические иерархи прибегли к старому, проверенному, коварному способу склонения к католицизму — созданию унии¹. Это была полумера, но Ватикан на первых порах был согласен и на нее. В 1596 году верхушка православного духовенства на Украине, заботясь прежде всего о своих личных интересах, подписала так называемую Брестскую церковную унию. По указанию Ватикана отцы-униаты, действуя совместно с польскими и литовскими панами, вносили раскол среди братских народов, разжигая национальную и религиозную вражду, принимали активное участие в подавлении крестьянских восстаний.

После трех разделов Речи Посполитой большая часть Правобережной Украины воссоединилась в Левобережной и таким образом вошла в состав Российской государства. Лишенная поддержки иезуитов и польской шляхты, уния быстро нашла здесь свой бесславный конец. Совсем иное положение сложилось в Галиции, которую захватила Австро-Венгрия. Греко-католическое духовенство преданно служило габсбургской монархии. Пользуясь всесторонней помощью и поддержкой австрийских правителей, уни-

¹ Уния (от лат. *unio* — союз) — объединение католической церкви с другой христианской церковью на основе подчинения последней папе Римскому.

атская церковь постепенно превратилась в крупнейшего землевладельца. Церковные и поповские вклады составляли основную часть капитала большинства буржуазных промышленных предприятий и банков Западной Украины.

Во время первой мировой войны и позднее, в годы Великой Октябрьской социалистической революции, греко-католические священнослужители, возглавляемые митрополитом Шептицким, продолжая с фанатическим упорством осуществлять план насаждения на Украине унии, активно помогали австро-немецким оккупантам в порабощении трудящихся. После захвата Западной Украины панской Польшей они стали ревностно служить новым хозяевам, с целью подавления революционно-освободительного движения объединили все реакционные силы края.

Особенно распоясались «благочестивые» отцы-униаты и их прихвостни украинские буржуазные националисты в период социалистического строительства на Советской Украине. Предавая интересы народа, они стремились превратить Западную Украину в плацдарм для нападения на Советский Союз.

Коммунистическая партия Западной Украины вела большую работу, направленную на освобождение трудящихся из-под влияния униатской церкви, за национальное и социальное освобождение и воссоединение с братскими народами СССР. Шептицкий и его помощники понимали, что приближается время, когда они окончательно утратят влияние на верующих. Для того чтобы предотвратить это, греко-католические иерархи стали искать союза с фашистскими силами Германии.

Воссоединение Западной Украины с братским народом Советской Украины униатское духовенство встретило враждебно. Не отказываясь от абсурдной идеи распространения католицизма на территории СССР, Шептицкий 9 октября 1939 года «делит» Советский Союз на униатские экзархаты.

В годы Великой Отечественной войны Шептицкий и его слуги открыто сотрудничали с гитлеровцами, помогали им отбирать у населения продовольствие, насильно вывозить советских людей на каторжные работы в Германию. Шептицкий стал инициатором

ром организации дивизии СС¹ «Галичина», которая в составе германских войск боролась против Советской Армии.

После освобождения западных областей Украины от фашистских захватчиков отцы-униаты всячески помогали буржуазно-националистическим бандам. Униатский митрополит Шептицкий и его клир стали вдохновителями и пособниками бандитской деятельности организации украинских националистов. После разоблачения черного воинства Шептицкого греко-католическая церковь окончательно утратила свое влияние на верующих. В марте 1946 года Львовский церковный собор принял решение о ликвидации Брестской унии. Так бесславно закончила свое существование уния, насилием навязанная украинскому народу 350 лет назад католическим Римом.

Последнее время душпастыри бывшей греко-католической церкви и буржуазные украинские националисты за границей затеяли возню, связанную с канонизацией умершего митрополита Шептицкого. Оказавшись на свалке истории, они кричат о своей готовности к крестовому походу против Советского Союза под знаменем новоявленного униатского «святого» Шептицкого. Но напрасны их потуги. Украинский народ хорошо помнит историю униатской церкви. Возврата к старому нет.

В этой книге раскрываются лишь некоторые страницы деятельности митрополита Шептицкого и его приближенных. Но и они позволяют судить о той роли, которую играли униаты в осуществлении планов Запада, пытавшихся поработить украинский народ.

---

¹ Сичевые стрельцы.

Начало карьеры

В один из зимних дней 1901 года церковные колокола сзывали жителей древнего Львова, входившего тогда в состав австро-венгерской монархии, на торжество греко-католической церкви. В святоюрскую¹ митрополичью резиденцию въезжал новый владыка — тридцатипятилетний граф Андрей Шептицкий.

В 1888 году сын польского графа офицер австро-венгерской армии Роман Шептицкий внезапно оставил службу в гусарском полку, снял военный мундир и, сменив вероисповедание, став из правоверного католика униатом, отправился в василианский монастырь², где постригся в монахи под именем Андрея. Бывалые люди утверждали, что этот шаг любимец австрийской императрицы Роман Шептицкий сделал по требованию своего дяди, польского графа Ледоховского, который со временем стал генералом ордена иезуитов. Благословение и поддержка папы Льва XIII и кардинала Ледоховского помогли монаху Андрею Шептицкому в короткое время сделать поразительную карьеру. В тридцать четыре года Шептицкий стал станиславским³ епископом, а через полтора года — митрополитом Галиции⁴.

¹ Собор святого Юра — резиденция митрополита униатской церкви во Львове.

² Василиане (базилиане) — члены монашеского ордена, основанного для распространения христианства, принявшие устав, авторство которого приписывается одному из «отцов церкви» Василию Великому. В Западной Украине активно начал действовать после Брестской церковной унии 1596 года.

³ Станислав. ныне Ивано-Франковск, в то время был в составе Австро-Венгрии.

⁴ Галиция — в прошлом область в составе Австро-Венгрии.

Появление воспитанника иезуитов на львовском митрополичьем престоле не было случайным. Это был период, когда многонациональная австро-венгерская империя Габсбургов под ударами революционных сил народа расплзлась по швам. Чтобы отвлечь внимание галицийских рабочих и крестьян от революционного движения, австро-венгерские правящие круги использовали старую провокационную идею об извечной враждебности России к украинскому народу. Активная роль в антирусской пропаганде отводилась униатской церкви. Но для того чтобы она могла успешно выполнять свою роль, нужно было найти сильную личность, способную возглавить унию. Ватиканская курия и правительственные круги австро-венгерской монархии остановились на кандидатуре Романа Шептицкого. Это был «свой» человек по происхождению, по связям с политическими и милитаристскими кругами, а главное — по образу мыслей. Род Шептицких всегда верно служил австрийской короне. Священник И. Шпитковский в книге «Род и герб Шептицких», изданной в 1936 году, сообщил такие, например, интересные подробности. В длительной борьбе между униатскими и православными епископами за власть и влияние Шептицкие, в зависимости от обстоятельств, выступали на стороне то униатской, то православной церкви. Наиболее ловким карьеристом был Лев Шептицкий, назначенный в свое время киевским митрополитом. Он «простился» тем, писал И. Шпитковский, что — «первым выдвинул идею присоединения к Галицкой Украине всей остальной Украины под эгидой австрийской короны».

Да, по своей родословной митрополит Андрей Шептицкий целиком отвечал требованиям Ватикана и австро-немецких империалистов, которые стремились превратить Галицию в своеобразный плацдарм для наступления на Украину и Россию. Этим захватническим планам черных сил реакции Шептицкий и посвятил всю свою жизнь.

...Поздравить молодого митрополита съехалось много именитых гостей. Армянский архиепископ во Львове Исакович, вручая Шептицкому митрополичий жезл, заявил: «Напомню вашему высокопреосвящен-

ству ту минуту, когда мы оба были у кардинала Ледоховского. Вы были тогда еще молодым монахом. Высшим духом предсказал я вам тогда эту карьеру».

Вторя ему, наместник Галиции граф Пинский добавил, что держава возлагает на Шептицкого «большие надежды». В свою очередь командующий львовским корпусом австрийский генерал Фидлер напомнил, что он, Андрей Шептицкий, еще не так давно был австрийским офицером и должен знать: армия держится на дисциплине и выполнении каждым своих обязанностей. Ведь только благодаря неукоснительному выполнению своих обязанностей Шептицкий занял «почетное, видное и ответственное положение — генерала в Христовой армии»¹.

С деятельностью Андрея Шептицкого связана последняя глава истории униатской церкви в Галиции. Всю свою власть, свой авторитет польский граф использовал для служения австро-венгерской монархии, для поддержки в осуществлении ее планов. В 1926 году один из униатских священников, И. Рудович, с горечью писал: «В Австрии дали незначительные льготы украинцам, Галиция должна была стать украинским Пиемонтом. В 1885 году венские руководящие круги выслали князя Рудольфа в Галицию на праздник закладки углового камня под духовную семинарию. По этому поводу он сказал несколько похвальных слов об украинской культуре и искусстве. В ноябре 1890 г. в галицком сейме было провозглашено о «новой эре», а в народе пущена сказка о том, что народу засветила надежда на лучшую долю в Австрии. Бывший немецкий дипломат в Петербурге, железный канцлер кн. Бисмарк, наиболее удачно оценив украинский вопрос, высказал мысль о необходимости создания независимой Украины для удержания равновесия и мира в Европе. Отторжение Украины было бы тяжелой ампутацией для России»².

Хорошо зная планы австро-венгерской монархии в отношении создания «независимой Украины», Шептицкий делал все, что от него зависело, с одной

¹ И. Рудович. Вступлення митрополита Андрея Шептицького на митрополичий престол у Львові. «Богословія». Львів, 1926, стр. 229—230.

² Там же, стр. 219.

целью, чтобы о нем не забыли и не обошли, когда начнется «ампутация России». С самого начала духовной и политической карьеры он очень заботился об укреплении своей репутации и чутко улавливал настроения. Одно время он, например, заигрывал с московофилами¹. Когда же в московофилах отпала нужда, он без сожаления расстался с ними. Впрочем, он на протяжении всей жизни легко менял пристрастия. Беспринципный политикан, он мог без сожаления принести в жертву вчерашних друзей. По этому поводу одна из львовских газет писала: «В политике митрополит никогда не имел раз навсегда избранного пути. Будучи еще станиславским епископом, Шептицкий вызывал ненависть к себе со стороны всех кругов украинской общественности. Заносчивый монах, который уже в то время решил сыграть большую политическую роль, учитывая, что большая часть станиславской капитулы² состояла из каноников-московофилов, присоединился к ним, и только московофилам он обязан своей первой популярностью.

Став львовским митрополитом и пользуясь поддержкой различных украинских товариществ, Шептицкий оставил лагерь московофилов и обратил свои взгляды на народовцев³.

В той же статье рассказывается, как Шептицкий создавал вокруг себя ореол защитника страждущих. В своей проповеди в церкви святого Юра в 1908 году митрополит метал громы и молнии по поводу убийства студентом-украинцем Мирославом Сичинским наместника Галиции графа Потоцкого в знак протеста против национального угнетения и жестокой эксплуатации. Однако увидев, что огромное большинство украинского населения Галиции восприняло поступок Сичинского как подвиг во имя народа и требовало его помилования, Шептицкий быстро перестроился. Он понял, что, осуждая Сичинского, может потерять влияние среди верующих украинцев, и, чтобы спасти положение, помчался в Вену. С помощью князя Лих-

¹ Москофилами называли в Галиции украинцев, которые выражали симпатии к России и выступали за объединение с ней.

² Совещательный орган при епископе.

³ Партия народовцев — мелкобуржуазная партия, существовавшая в Галиции до первой мировой войны.

тенштейна добился встречи с дочерью императора Франца-Иосифа Валерией и убедил ее просить императора, чтобы тот сохранил жизнь Сичинскому. Франц-Иосиф для поддержания авторитета своего ставленника Шептицкого помиловал Сичинского. А в роли «спасителя» оказался митрополит. Отцы-униаты постарались раздуть его «заслугу». Буржуазные националисты начали всемерно прославлять «отеческую» доброту Франца-Иосифа и «миротворца» Шептицкого.

Стремясь укрепить свою популярность среди украинцев, Шептицкий организовал дьяковскую бурсу, а в одном из своих домов открыл «народную больницу». Дьяковская бурса, широко разрекламированная монахами-vasiliianами как «народная школа», в действительности нужна была униатскому духовенству для подготовки низшего звена служителей греко-католической церкви.

Что же касается «народной больницы», то она существовала главным образом на добровольные пожертвования украинского населения Львова. В то же время Шептицкий отпускал огромные средства на содержание монахов-vasiliian, которых он использовал для разжигания национальной вражды между русским и украинским народами и борьбы с революционным движением. О том, какие суммы Шептицкий тратил на черное воинство, свидетельствует одно из благодарственных писем василиан, датированное 15 мая 1914 года.

«Ваша эксцеленция!

Мы, нижеподписавшиеся, монахи -- представители ордена святого Василия Великого о. Платонид Филяс — протоигумен, о. Малатий Лончина и о. Иероним Мелетий Лончинати, о. Иероним Малицкий... имеем честь подтвердить, что галицкая провинция ордена святого Василия великого получила от Вашей эксцеленции на ее нужды сумму в 100 000 крон наличными, и за этот великодушный княжеский дар выносят... Вашей эксцеленции глубокую и сердечную благодарность¹.

¹ Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА) УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 2, дело 199, стр. 167.

С целью упрочить авторитет Шептицкого как защитника и благодетеля украинского народа отцы униаты подняли вокруг дьяковской бурсы и «народной больницы» такой шум, что это подчас шокировало даже украинских буржуазных националистов. В националистической газете «Діло» появилась статья ее редактора Лонгина Цегельского. Человек, который отличался редким политическим бесстыдством, на сей раз не выдержал и попытался приподнять завесу над некоторыми темными делами униатского владыки:

«Объективные факты заставляют нас констатировать, что граф Андрей Шептицкий сбросил маску, которой до сих пор прикрывал свое настоящее национальное лицо,— писал Л. Цегельский.— Перед нами предстал чужак, вдохновляемый традицией валенродизма¹, враждебной нашей общественности, который пробрался на русский² митрополичий престол разве только для того, чтобы внести раздор в круги русской общественности, ослабить силу ее сопротивления враждебному напору... Для маскировки этих планов служила графу Шептицкому его нынешняя псевдопатриотическая деятельность, которая завершилась строительством дьяковской бурсы и основанием «народной больницы». Прикрываясь этими декоративными институтами, их псевдопатриотизмом, расширялась и углублялась и становилась все ярче, виднее разрушительная работа митрополита внутри нашей общественности»³.

Попытка показать украинской общественности не-приглядные дела униатского владыки весьма дорого обошлась Цегельскому. Уже на следующий день газету «Діло» возглавил другой редактор. Поскольку же принципиальности Цегельского хватило ненадолго, то уже через несколько месяцев он начал вымаливать у Шептицкого прощение. Позднее, чтобы

¹ Валенродизм — захватничество, разбой. По имени гроссмейстера тевтонского ордена Конрада фон Валенрода, который предпринял безуспешный разбойничий поход на Польшу в 1392 году.

² Галицкие украинцы до первой мировой войны называли себя русинами.

³ «Діло», 14 августа 1968.

окончательно оправдать себя в глазах греко-католического владыки, Цегельский написал о деяниях митрополита брошюру, в которой чрезмерные восхваления чередовались с явными выдумками. Брошюра была положительно встречена владыкой и всем униатским духовенством, а басни Цегельского на протяжении многих лет использовались душпастырями¹ для обмана верующих.

И все же, несмотря на иезуитскую ловкость, Шептицкому не всегда удавалось замаскировать свои истинные дела. Время от времени появлялись материалы, в которых рассказывалось, что за показным благочестием униатского владыки скрывается преступная деятельность. Так, одна из анонимных статей разоблачала Шептицкого как лютого врага украинского народа: «Польский граф, пролезший на русский митрополичий престол,— говорилось в ней,— достиг своей цели. Он теперь одним своим «милостивым» взглядом держит огромное большинство галицийского русского образованного общества в цепких иезуитских руках и направляет национальную и церковную политику... Растет культ ножа и дубины... Тот же, кто призван насаждать и укреплять в народе любовь и правду... разжигает огонь страстей, усиливает разрушающее пламя, благословляетдишую борьбу, которая должна уничтожить галицийскую Русь»².

Однако трезвые голоса заглушались речами отцов-униатов и украинских буржуазных националистов. Шептицкий же старался расправиться с авторами неугодных ему статей, уничтожить их морально, а если удавалось, то привлечь этих авторов на свою сторону, как это было с Цегельским.

Применяя чисто иезуитские методы «отбора», галицийский митрополит постепенно окружил себя преданными людьми из кругов униатского духовенства и украинских буржуазных националистов. Шептицкий и так называемая «украинская парламентарная группа»³, возглавляемая оголтелыми украински-

¹ Душпастырь — священник.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 32, стр. 172.

³ Представители украинской буржуазии в австрийском парламенте.

ми буржуазными националистами К. Левицким и М. Василько, низкопоклонничали перед австрийской монархией и воинственным немецким империализмом.

В начале первой мировой войны Шептицкий обратился с пастырским посланием к украинскому населению Галиции, в котором призывал защищать «отчество» — австро-венгерскую империю, жестоко угнетавшую украинцев и другие национальные меньшинства, помочь немецкой армии, которая вела захватническую войну. «В огне этой страшной войны куется для нас лучшая доля,— патетически воскликнул владыка.— По воле бога — с австрийской державой и династией Габсбургов общая наша доля и недоля. Когда войско нашего императора победит (а с помощью бога оно победит), нас ждет лучшая доля. Будьте же до последней капли крови верны императору»¹.

Пастырское послание владыки, разумеется, было согласовано с австро-венгерским наместником Галиции. «Украинский митрополит во Львове, его эксцепленция граф Шептицкий,— извещал наместник генеральный штаб австрийской армии,— намерен опубликовать пастырское послание, содержащее поучение украинскому народу о его обязанностях по отношению к кайзеру и рейху... Чтобы активнее содействовать выступлению митрополита, необходимо поддержать его в распространении этого послания всеми способами, имеющимися в нашем распоряжении»².

Следовательно, митрополит Андрей действовал в согласии с австро-венгерскими властями и при их полной поддержке. Шептицкому подпевали «патриоты» из националистического лагеря. Так, газета «Діло» цинично заявила: «Борьба за будущее габсбургской монархии является для нас так же борьбой за будущее Украины и, как никогда, связана с победами австро-венгерской армии и ее немецкого союзника»³.

И все эти фразы провозглашались в то время, когда австро-венгерские войска бесчинствовали в го-

¹ ЦГИА в г. Львове, ф. 146, оп. 8, дело 82, стр. 2—3.

² Там же, стр. 1.

³ «Діло», 19 сентября 1914.

родах и селах Галиции, не щадили ни женщин, ни детей, когда тысячи крестьян были повешены только за проявление симпатии к братьям из-за Збруча¹, а в концлагерях Телергоф, Освенцим и других гибли десятки тысяч ни в чем не повинных людей. Ни Шептицкий, ни деятели из так называемой «украинской парламентарной группы» ни слова не сказали в защиту жертв террора. Наоборот, К. Левицкий, который заседал в венском гарнизонном суде, указывая пальцем на арестованных украинских крестьян, требовал, чтобы их немедленно повесили.

Приведенные выше заявления верхушки униатской церкви и украинских буржуазных националистов не исчерпывают их позорной деятельности. Организованный националистами при самой активной помощи Шептицкого легион «украинских сичевых стрельцов»² старательно выполнял карательные функции в украинских селах. Вот что писал про «героическую» борьбу этого легиона со своим народом В. Ваврик в книжке «Телергоф», изданной в 1934 году во Львове: «Сичевые стрельцы, которых украинские (националистические.— В. Д.) газеты прославляют как народных героев, били родной народ до крови... На пограничной станции Лавочное в Карпатах они накинулись со штыками на транспорт арестованных, чтобы переколоть ненавистных «изменников»³.

В результате военно-полицейского террора австро-венгерских карателей и их прислужников — сичевиков 60 тысяч человек были повешены и расстреляны без суда и следствия, 100 тысяч погибли в концлагерях.

В начале августа 1914 года русская армия вошла во Львов. Большинство попов-униатов и руководителей украинских буржуазных националистов бежали в Вену под защиту австро-немецких войск. Остав-

¹ Река Збруч — государственная граница между Россией и Австро-Венгрией до первой мировой войны.

² Легион «украинских сичевых стрельцов» входил в состав австро-венгерской армии в период первой мировой войны.

³ Так сичевики цинично именовали трудящихся Западной Украины, которые не хотели принимать участия в братоубийственной войне против России.

вшись в своей резиденции, Шептицкий продолжал с церковного амвона сеять семена национальной розни. Командующий русской армией А. А. Брусилов вспоминал позже о враждебной деятельности митрополита: «Я его (Шептицкого — В. Д.) вызвал к себе и предложил дать слово чести, что он никаких враждебных действий как явных, так и тайных, против нас предпринимать не будет; на таких условиях я разрешил ему остаться во Львове для исполнения духовных обязанностей. Он охотно дал мне слово, но, к сожалению, вслед за этим начал снова баламутить и провозглашать церковные проповеди явно нам враждебные. Тогда я выслал его в Киев в распоряжение главнокомандующего»¹.

По прибытии в Киев Шептицкий быстро «меняет кожу». Из активного «патриота» габсбургской монархии он превращается в пламенного сторонника русского царя-батюшки. Хитрый иезуит пишет царю Николаю II на русском языке смиреннейшее письмо, в котором заверяет, что, как православно-католический галицийско-русский митрополит, он «поворгает к стопам императорского величества чистосердечные поздравления по случаю объединения разорванных частей русской земли». Одновременно митрополит спешит заверить царя, что он за это великое дело готов положить «свою жизнь и душу на жертвенный алтарь»².

Конечно, Шептицкий не осознавал, какую жалкую роль играл, выслуживаясь перед Ватиканом и Габсбургами. Просто он дрожал за собственную шкуру. Русские власти вот-вот могли найти разоблачающие его документы. Это была последняя попытка срочно сменить хозяина. Шептицкий прекрасно понимал, что православные иерархи, в руках которых он очутился, заточат его как своего пленника в одну из монастырских тюрем, и ему придется навсегда распрощаться с честолюбивыми мечтами. Письмо к царю было последней надеждой спастись от монастырской кельи.

Но хитрость не помогла опытному иезуиту, его

¹ А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М., Воениздат, 1963, стр. 100.

² «Сила», 19 октября 1930.

выслали в глубь России под надзор синода православной церкви. Вскоре русская разведка нашла тайник, где хранились компрометирующие Шептицкого документы: тайная переписка с покойным эрцгерцогом Францем-Фердинандом, деятелями националистического «Союза освобождения Украины» в Вене, с командующим легионом украинских сичевых стрельцов, рукописи для газеты «Діло» с приветствием «освободителю Украины» кайзеру Вильгельму, собственноручно написанный план устройства украинской «автономии», переданный австрийскому правительству, и другие материалы. Между прочим, последний из вышенназванных документов начинался такой многозначительной фразой: «Как только победоносная австрийская армия вступит на территорию Российской Украины, нам придется решать тройную задачу: военную, правовую и церковную организацию края». Далее указывалось, что следует предпринять для того, чтобы оторвать Украину от России. Так, в военной области Шептицкий предлагал организовать военные казачьи части, ибо слово «казак» якобы является в народе «синонимом давнего национального героя». Командовать «казаками» должен был гетман, «назначенный нашим императором».

По правовым вопросам митрополит Шептицкий рекомендовал «опубликовать австрийский гражданский кодекс (в переводе на украинский язык), объявив его законодательным».

Это был детально разработанный план, из которого было видно, что униатский владыка во всем шел навстречу захватническим планам австро-немецких оккупантов на Украине.

В церковной жизни Шептицкий также предлагал ряд реформ: ликвидировать синод, запретить молебны за русского царя, а отправлять службы только за императора Франца-Иосифа. Все церковные декреты должны были исходить от «митрополита Галиции и всей Украины» и после утверждения их австро-немецким командованием вступать в законную силу. Наибольшие права на митрополичий престол всей Украины, по мысли Шептицкого, имел он сам. Забыв всякую скромность, униатский владыка писал: «Я мог бы осуществить все это, как митрополит, ибо,

согласно основному положению восточноцерковного права, традициям моих предшественников и полномочиям со стороны Рима, я имею власть во всех этих областях. Некоторое число епископов, именно тех, которые являются уроженцами Великороссии, и тех, которые не желают подчиниться распоряжениям, можно будет немедленно отстранить и на их место назначить других, настроенных проукраински и проавстрийски»¹.

Этот документ откровенно говорит о том, кому и как служил митрополит униатской церкви, какую «свободу» несли украинскому народу сичевые стрельцы вместе с австрийской армией.

Шептицкий был освобожден из монастыря после падения самодержавия по приказу Керенского, который в борьбе с революционно настроенными массами народа хотел заручиться поддержкой не только бывших союзников царской России, но и врагов ее. Митрополит спешно начал плести интриги против православной церкви, которая в свою очередь скомпрометировала себя в глазах народа, как верная союзница самодержавия, черносотенной реакции и мракобесия.

План «окатоличивания» России Ватикан и непосредственный исполнитель его воли — Шептицкий вынашивали задолго до войны. «Слушая советы известных римских каноников... я просил как можно более широких полномочий, и мне не было в них отказано»², — писал позже в минуту откровения митрополит. Но наделенный папой Пием X «самыми большими полномочиями», святоюрский владыка долгое время не мог ими воспользоваться. Удобный момент наступил после Февральской революции. Временное правительство (и лично Керенский) в это время начали заигрывать с Ватиканом, надеясь на его поддержку в борьбе с нарастающим революционным движением. Еще жива была в памяти буржуазии папская энциклика 1905 года, обязывавшая епископов католической церкви в России призывать верующих до конца быть преданными царю. Николай II

¹ ЦГИА УССР в г. Киеве, ф. 365, оп. 1, дело 97, стр. 60-а — 60-б.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 460, стр. 9.

выслал тогда папе «личную благодарность». Временное правительство надеялось, что точно так же папа поддержит и его. Ведь цель их, в конце концов, совпадала — погасить пламя революции в России.

«Князь» униатской церкви Шептицкий приложил все усилия, чтобы с наибольшей для себя выгодой использовать создавшееся положение. В Петрограде он встретился с рядом влиятельных представителей русской буржуазии, с верхушкой старообрядческой церкви и, наконец, провел собор греко-католической церкви. И хотя на нем присутствовали только восемь священников, собор без всяких на то прав, по требованию Шептицкого, назначил экзархом греко-католической церкви в России Леонида Федорова.

Подводя «правовую базу» под решение основать в столице России экзархат, владыка писал: «Время, о котором говорил блаженной памяти Пий X, настало: я показал документы тогдашнему главе и администратору Могилевской епархии преосвященному епископу Цепляку (позднее его выдворили из нашей страны.— В. Д.). Он подтвердил аутентичность документов и согласился со мной, что теперь пришла пора дать ход моим полномочиям... Такого же мнения придерживался преосвященный Ропп (за антисоветскую деятельность его также выслали из СССР.— В. Д.). На этом основании я сделал экзархом русских католиков отца Леонида Федорова и передал ему полученные мной на этот случай от папы полномочия»¹.

Таким образом, решения Пия X и признание католических епископов стали «юридической базой» для вмешательства в политическую жизнь России. «Святейшая» контрреволюция получила «юридически оформленные права» плести новые интриги, раздувать пламя национальной междоусобицы в России.

Новые интриги

Тогда же, в 1917 году, назначив Федорова экзархом России, Шептицкий оставил его в Петрограде, а сам отправился в Киев. Он быстро нашел общий

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 460, стр. 11.

язык с деятелями буржуазной украинской Центральной рады и ее председателем — профессором Грушевским. Зная, что наиболее надежные воинские части Центральной рады состояли из военнопленных украинских сичевых стрельцов, духовных сынов униатского владыки, Грушевский был с Шептицким исключительно любезен и говорчив.

Имея от папы соответствующие полномочия, Шептицкий организовал в Киеве греко-католическую епархию, наделив ее широкими правами. Во главе епархии поставил М. Цегельского, а его заместителем — Щепанюка из монашеского ордена василиан. Выполняя указание своего пастыря, они начали спешно создавать в разных городах Украины униатские пароходства¹, вокруг которых группировались сичевые стрельцы. Со временем пароходства стали гнездами контрреволюции и антисоветской пропаганды.

С чувством выполненного долга 10 сентября 1917 г. Шептицкий возвратился во Львов. Церковным звоном и пышными речами встречали «царского узника» отцы-униаты и украинские буржуазные националисты. Махровый реакционер и провокатор К. Левицкий договорился до того, что назвал Шептицкого «народным мучеником» и высказал надежду, что он и дальше будет стоять «крепко в первых рядах борцов за волю и права самостийного украинского народа»².

Сразу же после речи К. Левицкого новоиспеченный «боец за волю украинского народа» вместе с «претендентом на гетманский престол Украины» Василием Вышиваным³ сел в автомобиль и под звуки австрийского гимна направился в свою резиденцию.

Приезд во Львов Вышиваного в качестве представителя австро-венгерского императора для встречи Шептицкого украинские националисты восприняли как проявление особой монаршей милости. С лакейским угодничеством они уверяли Василия Вышива-

¹ Пароходия — приход.

² «Царський в'язень». Львів, 1918, стр. 157.

³ Василий Вышиваный, он же Вильгельм Габсбург — внучатный племянник императора Франца-Иосифа, готовился к габсбургской монархией в гетманы Украины.

ного, что украинский народ только и ждет «из рук своего великодушного монарха лучшей доли»¹.

Следует отметить, что верноподданныческие речи украинские буржуазные националисты провозглашали в то время, когда в созданных австро-венграми лагерях смерти Телергоф, Освенцим и других гибли от голодной смерти тысячи людей, те, кто был заподозрен в революционных настроениях и сочувствии русским. Сам Шептицкий по дороге во Львов заглянул в Освенцим. Этот визит детально описан в книге «Царський в'язень» (узник), но ни единственным словом в ней не упоминается о помощи митрополита обреченным на смерть людям. Владыка ограничился призывом к молитве и терпению.

В конце 1917 года в Харькове состоялся 1-й Всеукраинский съезд Советов, провозгласивший Украину Советской Республикой. Буржуазно-националистическая Центральная рада, заседавшая в Киеве, была объявлена вне закона. В Брест-Литовске во время мирных переговоров в ноябре 1917 года делегация Центральной рады вступила в тайный сговор с немцами об организации похода немецкой армии на Украину и отторжении ее от России.

В этой обстановке, с приездом Шептицкого во Львов, развернулась еще более деятельная подготовка буржуазных националистов к новому походу на Украину. Вечером в день приезда владыка пригласил «на чай» около сотни человек. Среди гостей было немало австрийских военных во главе с Вышиваным. Чем же занимался Василий Вышиваный на приеме у митрополита? Об этом весьма подробно рассказывает книга «Царський в'язень»: «Его высочество князь Вильгельм удостоил своей беседой целый ряд наших людей; с особым удовольствием он разговаривал с представителями У. С. войска², расспрашивал подробно об организации и отношениях в нашем легионе. Вообще в митрополичьей палате царила необыкновенно теплая атмосфера, напоминавшая лучшие минуты прошлого»³.

¹ «Царський в'язень», стр. 133.

² Представителями украинских сечевых стрельцов.

³ «Царський в'язень», стр. 176.

А через месяц, оставив свою паству, Шептицкий поехал к сичевым стрельцам в Розвадов, где ему была устроена помпезная встреча. Затем состоялся полевой молебен, во время которого Шептицкий освятил знамя сичевых стрельцов. Под этим знаменем несколько месяцев спустя сичевые стрельцы вместе с австро-немецкими войсками вступили на Украину как оккупанты. Подготовка к оккупации велась под лозунгом необходимости разгрома русской армии и создания «самостийной» Украины. На знамени же были «соединены гербы Киева и Галицкой земли как символ соборности украинских земель»¹. Знамя было изготовлено еще в 1916 году, когда легион сичевых стрельцов был составной частью австрийской армии.

Освящая знамя, владыка произнес проповедь, в которой призывал сичевых стрельцов готовиться к новому «освободительному» походу на Украину в составе австро-немецких войск. Он уверял, что на Украине их с нетерпением ждут, что им предстоит триумфальный въезд в златоглавый Киев, что подвиги их войдут в историю. Глядя на возбужденную толпу сичевых стрельцов, владыка думал о патриаршем престоле, путь к которому они должны были ему проложить. Его не смущало то обстоятельство, что большинству из этих людей было суждено стать братоубийцами и преступниками, а многим сложить головы вдали от родины, так и не поняв той бесславной роли, которая была уготована им униатским митрополитом Шептицким. Воспитанник иезуитов помнил одно: «цель оправдывает средства».

Во имя все той же цели — создания униатского патриархата на Украине — 9 декабря 1917 года Шептицкий обратился с секретным пастырским письмом к униатскому духовенству. Владыка писал, что в связи с приближающимся наступлением австро-немецких войск на Украину перед духовенством открывается новое поле деятельности. Задача же миссионеров — «земли те назад вернуть для дела святой унии»². Иначе говоря, святоюрский митрополит меч-

¹ «Українські січові стрільці у 20-ліття виступу». Львів, 1935, стр. 123.

² ЦГІА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1817, стр. 7.

тал отдать Украину во власть римского папы и иностранных завоевателей.

В феврале 1918 года, нарушив договор о перемирии, австро-немецкие войска оккупировали значительную часть Советской Украины. Вместе с оккупантами в этот грабительский поход отправились униатские «ловцы душ». Они вели проавстрийскую пропаганду среди украинского населения.

Одетые в австрийскую военную форму, сичевые стрельцы пришли на Украину в составе 25-го австрийского оккупационного корпуса. Однако это не мешало им лицемерно заявлять, что их легион является зародышем будущей «украинской национальной армии».

Каждый шаг, каждое выступление сичевых стрельцов на Украине были заранее подготовлены. Они строго выполняли инструкцию, разработанную во Львове. Начиналась она словами: «На украинских землях создаются одновременно государство и нация». Сичевые же стрельцы якобы идут «закладывать основы строительства украинской нации и государства под фирмой Укр. Центральной Рады».

Для выполнения этих «грандиозных» планов нужны были люди и деньги. В инструкции было сказано исчерпывающее: «Материальные средства нужно добыть от местного населения (из бюджетов городских дум, общин и т. д.), людей также оттуда...» Опытные иезуиты поучали: «Первым делом, после приезда на место расположения, нужно узнать о местных отношениях, то есть имена, фамилии и профессию видных людей (и иностранцев), о требованиях и материальном положении населения в отдельных общинах, об агитационных призывах, распространяющихся там, и о результатах этих призывов (настроение). Все это сразу записать (особенно фамилии и положение видных людей). На свою память особенно не полагаться. Информацию получать не менее чем от трех человек. Записывать разрешается только в присутствии местных интеллигентов, ибо мужики подозревают записывающих в плохих намерениях... Заметки надо передавать друг другу. В присутствии посторонних между собой не спорить... так как это подрывает уважение к вам».

Если в первые дни оккупации австро-немецкими войсками Украины сичевые стрельцы пытались играть роль посредников между захватчиками и мирным населением, то некоторое время спустя сбросили маску и открыто начали выполнять приказы австро-немецкого командования. Они стали принимать активное участие в карательных акциях оккупантов. Вот как об этом писал, например, в своих воспоминаниях старшина сичевых стрельцов Иван Висловский: «Немецкие войска окружали улицы и целые предместья, а мы, сичевые стрельцы, тщательно обыскивали все дома, шкафы, склады, конюшни и т. д. Почти в каждом доме рабочих мы находили ружья, револьверы, ручные бомбы, пистолеты, а часто и пулеметы, особенно льюисы и кольты. Это все складывали в большие кучи на перекрестках улиц, откуда немецкие автомашины отвозили в немецкие склады, а потом в Германию».

Пролетариат Киева готовился к вооруженному восстанию против оккупантов, а сичевые стрельцы, прикрываясь националистической демагогией о создании «независимой, соборной Украины» действовали заодно с австро-немецкими захватчиками. Это вызывало к ним ненависть широких слоев населения.

Особенно скомпрометировали себя сичевые стрельцы в 1918 году, во время вооруженного восстания рабочих киевского завода «Арсенал» против оккупантов. Сичевики под командованием офицера австро-венгерской армии Евгения Коновалца расстреливали и вешали арсенальцев.

Вместе с австро-немецкими оккупантами сичевые стрельцы вели борьбу против восставших крестьян, воевали против Красной Армии.

В середине 1918 года немецкое оккупационное командование установило на Украине власть гетмана Скоропадского, бывшего царского генерала. Оккупантам нужна была «сильная рука», которая могла бы держать народ в узде. Они сделали ставку на Скоропадского, потомка гетманского рода, крупнейшего помещика на Украине. В борьбе против Красной Армии и украинских повстанцев гетман широко использовал корпус сичевых стрельцов. Шептицкий стал активно поддерживать Скоропадского. Ведь в

данном случае интересы их совпали: оба во что бы то ни стало стремились задушить власть Советов на Украине, сохранить свои классовые привилегии. Шептицкий же, кроме того, надеялся с помощью гетмана стать патриархом Украины.

Об этих планах митрополита свидетельствует одно из тайных писем, которое он написал Вышиваному: «Я узнал, что основная часть состава украинской церкви, которая должна собраться 21 июня 1918 года, имеет намерение дать мне сан украинского патриарха... Это выступление было бы, с одной стороны, выражением протеста против избрания Антония¹ митрополитом киевским, а с другой — подтвердило бы конкретным образом автокефалию украинской церкви... Гетман провозгласил, что на случай, если бы синод не вынес решения по этому вопросу, ему не останется ничего больше, как самому провозгласить эту автокефалию».

Забыв о шляхетской спеси, Шептицкий сбивается на верноподданнический тон и уверяет Вышиваного, что, даже будучи «избранным» патриархом Украины, он все равно останется верным слугой австрийской монархии: «Если бы первая часть плана осуществилась, то ваша королевская светлость с моей стороны была бы об этом извещена, и тогда бы уточнили позицию, которую я должен был бы занять в этом деле... Нечего и говорить о том, что такое избрание равнозначно принятию унии. Рим должен утвердить избрание. Пока что полномочий, которые я получил от папы Пия X, могло бы хватить. Вполне естественно, что на все это я должен был бы испросить согласие его величества»².

Но надежды Шептицкого и украинских буржуазных националистов на австро-немецкие войска и их ставленника гетмана Скоропадского не оправдались. Трудящиеся Советской Украины при поддержке Красной Армии начали решительную борьбу

¹ Антоний Храповицкий — волынский архиепископ, один из наиболее ярых реакционеров, впоследствии глава эмигрантской православной так называемой карловацикой церкви.

² Цит. по ст. Н. Суровцев. Конец иллюзий. «Нова громада», 1924, № 1, стр. 41.

против иностранных оккупантов и внутренней контрреволюции.

Революционные настроения проникли и в австро-немецкую армию, которая оккупировала Украину. От прусской дисциплины не осталось и следа. Армия захватчиков была деморализована, солдаты начали бросать оружие и в беспорядке возвращаться на родину.

Гетман Скоропадский бежал в Германию. Спасая положение, националистическая верхушка украинской буржуазии 13 октября 1918 года собралась на тайное совещание и сформировала «правительство» так называемой Директории во главе с Винниченко и Петлюрой. Упоминавшийся уже выше Л. Цегельский при помощи Шептицкого получил в новом украинском буржуазном «правительстве» пост заместителя министра иностранных дел. Давно прошли те времена, когда Цегельский осмеливался выступать против святоюрского владыки. Заглаживая старые грехи, он с необычайной предупредительностью выполнял любые поручения Шептицкого по созданию на Украине автокефальной церкви. Когда же идея создания такой церкви не нашла поддержки и Директория начала делать первые шаги к созданию на Украине независимого от России патриархата, Цегельский предпринял ряд закулисных маневров, чтобы на патриарший престол «избрали» Шептицкого.

Однако и на сей раз надеждам митрополита и его приспешников не суждено было сбыться. На Украине все шире разгоралась партизанская война против австро-немецких оккупантов и Директории. Их дни были сочтены.

В октябре 1918 года рухнула австро-венгерская монархия. На ее руинах украинская национальная буржуазия Галиции предприняла попытки создать свою собственную «национальную державу». Спекулируя демагогическими лозунгами «национального объединения», главари националистов Е. Петрушевич, К. Левицкий рассчитывали при поддержке Шептицкого закрепить свое господство в Галиции, чтобы со временем преобразовать ее в плацдарм контрреволюции. 19 октября 1918 года они собрали

во Львове представителей буржуазно-националистических партий, депутатов бывшего австрийского парламента и галицийского сейма, униатских священников и провозгласили создание в составе бывшей австро-венгерской империи Западноукраинской Народной Республики (ЗУНР).

После провозглашения ЗУНР Шептицкий выступил ее защитником перед Антантой. Владыка был вдохновителем драконовских законов, которые приняла новоиспеченная «держава» с целью подавления революционных выступлений трудящихся. В частности, «правительство» ЗУНР расширило жандармерию, снова ввело военно-полевые суды, которые были ликвидированы после развала австро-венгерской империи.

Но несмотря на все мероприятия «правительства», ЗУНР в действительности была опереточным государством. Украинский писатель Мирослав Ирчан, описывая жизнь «державы», писал: «На фронте: не войско, а серая жалкая масса... За фронтом: Станислав — столица. Европа!.. Светятся окна кафе и звенят бокалы. И мелодично звучит смех женщин. Блестящие сапоги с серебряными шпорами, привлекательный шелест шелков и гордые нашивки золотом на воротниках. Дамские капеллы и дамские «приюты для отдыха» (Европа!). Тьма-тьмущая офицеров (каждый спешит, каждый: «ах, работа!») и тьма-тьмущая чиновников. Никто не знает, что такое голод и что такое мороз. Налетают с «оселедцами»¹ и длиннохвостыми шапками «атаманы» Петлюры. Пьют вино и разбивают бутылки и морды. На боку торба, полная денег. Платит за кофе 2 кроны и гордо отбрасывает 900 крон, которые возвращает с тысячи официант ресторана. Секретариаты² работают... Чиновники с задранными носами и с пустыми головами... Жандармы — привилегированная каста. Газеты появляются с белыми пятнами. Рабоче-крестьянский съезд разгоняется... Секретариат военных дел Витовского сушит мозги над новыми отличиями для офицеров, но не в силах организовать

¹ Оселедец — клок волос на бритой голове.

² Министерства.

ни одной запасной дивизии... В секретariate иностранных дел Голубовича — высокая политика... Его обязанность доказать Антанте, что Галиция — верный ее слуга. Пищутся ноты, читаются ноты и умалчиваются ноты. Принимаются с оркестрами иностранные делегации и отправляются свои — в Париж, Лондон... Станислав — гордая столица легкомысленных господ и безнадежных «государственных мужей». Здесь политика и культура (Европа!). Борислав¹ — вторая столица, но спекулянтов и воров. Нефтью торгуют и национал-демократы и социал-демократы. Все для собственного кармана. Несет нефтью от государственных комиссаров, любовниц, покупателей, государственных учреждений и членов национального совета. Декрет о запрещении вывоза в кармане, а целые поезда нефти спокойно перевозят за границу. Рявкают автомобили, шипит вино, и умирает на фронте голая, босая армия. Поэзия контрастов и проклятия бедного племени нашего»².

Мирослав Ирчан с уничтожающим сарказмом показал подлинную сущность «патриотизма» галицийской буржуазии, которая лезла к власти. Он рассказал, как, прикрываясь социально-политической демагогией, популярными среди народа лозунгами национальной независимости, спекулируя на национально-освободительных чувствах народа, украинская буржуазия стремилась достигнуть своей цели, не останавливаясь ни перед чем.

«С каждой новой неделей армия разлагается. Не хватает чего-то, что поддерживало бы в ней веру. В некоторых частях всыхивают бунты, и их жестоко подавляют. В Дрогобыче разгорается рабочее восстание, которое своей смелостью всколыхнуло всю Галицию. Печать называет это «авантюром польских комиссаров»... А командование высыпает с фронта войска для наведения порядка при помощи пулеметов и пушек»³.

Коротким и кровавым было существование ЗУНР во главе с диктатором Е. Петрушевичем. Не имея

¹ Центр нефтедобычи в Галиции.

² Мирослав Ирчан. В бур'янах. Харьков — Киев. Изд-во «Західна Україна», 1931, стр. 153—155.

³ Мирослав Ирчан. В бур'янах, стр. 155.

опоры в массах, опираясь только на штыки армии, ЗУНР была на краю пропасти. «Во время великого национального и социального движения в истории Украины Галиция на протяжении 1918—1920 гг. сыграла позорную роль не только врага освобождения широких трудящихся масс, но и политического невежды», — писал гневно Мирослав Ирчан. К такому выводу пришел писатель, который был в центре событий того времени.

В период оккупации Западной Украины польской армией под командованием генерала Галлера правительство ЗУНР бросило все войска не на борьбу с иностранными захватчиками, а против Украинской Советской Республики. Для этого они сначала присоединились к петлюровской армии, а затем к Деникину, который вел борьбу за «единую, неделимую» царскую Россию и, как известно, выступал против национального самоопределения Украины.

Контрреволюционная деятельность «правительства» ЗУНР направлялась и контролировалась Шептицким, главной целью которого было занять патриарший престол в Киеве.

Последнюю надежду создать на Украине униатский патриархат Шептицкий связывал с походом белополяков на Советскую Украину в 1920 году. Мечты о патриаршем престоле, казалось, должны были вот-вот осуществиться, ибо 4-й армией белополяков, наступавшей на Украину, а потом всем литовско-белорусским фронтом командовал его родной брат — польский генерал Станислав Шептицкий. Но надежды митрополита окончательно развеяла 1-я конная армия Буденного, под натиском которой захватчики в панике покатались с Украины на запад.

Опечаленный разгромом белополяков, Шептицкий в 1920 году отбыл в вояж по Европе, а потом, с согласия папы, в США, где обивал пороги государственных деятелей. Он даже умудрился попасть на прием к самому президенту Гардингу. Используя свой многолетний опыт интригана, он пытался заинтересовать президента «украинской» проблемой. Однако кроме весьма неопределенных обещаний митрополит Шептицкий ничего не добился, ибо страны Антанты давно уже делали ставку на пансскую Польшу. Сориен-

тировавшись, хитрый иезуит круто изменил свою политику и стал ревностно отстаивать интересы Пилсудского.

Слухи о связи Шептицкого с Пилсудским проникли в прессу. Украинских эмигрантов в Америке возмутило поведение митрополита. Одна из украинских газет дала ему достойную отповедь: «Мы, галичане, живущие в США, в г. Гловленд, штат Огайо, выражаем вам, граф, наше презрение и требуем, чтобы вы отреклись от русского митрополичьего престола во Львове! Помните, граф, что Русь для русин, а вы — поляк, и им остаетесь. Русь в отступниках не нуждается»¹.

Сотрудничество с польскими панами серьезно скомпрометировало Шептицкого в глазах верующих униатов. Это обеспокоило и Ватикан и польское правительство, военным министром которого в то время был брат митрополита генерал Станислав Шептицкий. Чтобы поднять популярность владыки в массах верующих, польское правительство, решило создать вокруг него ореол мученика. Когда в 1922 году Шептицкий вернулся в Польшу, его отправили «под наблюдение» в монастырь. Униатские душпастыри перепугались. В их газетах стали печататься слезливые статьи об изменчивой судьбе и новых «муках» митрополита Андрея. Греко-католические иерархи организовали сборища, на которых «от имени украинского народа» выносились резолюции о немедленном освобождении Шептицкого.

Не сидел сложа руки и сам владыка. Вскоре он сговорился с польскими правительственными кругами и получил разрешение возвратиться во Львов. А в 1925 году Ватикан и Польша подписали конкордат, согласно которому греко-католическое духовенство переходило на содержание государства. В свою очередь отцы-униаты присягнули на верность Польше.

Так бесславно закончилась одна из страниц борьбы Шептицкого и римской курии за патриарший престол в Киеве. История преподнесла предателям народа суровый урок. Вместо верной прислужницы Антанты, буржуазно-националистической украинской

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 32, стр. 154.

державы, которую они хотели иметь, в огне революции родилась Украинская Советская Социалистическая Республика.

Несмотря на поражение, Шептицкий не расставался с мыслью о новой попытке создания на Украине униатского патриархата, а следовательно, и реставрации капитализма. В декабре 1937 года журнал «Лицарство пресвятої Богородиці» напечатал очерк под весьма откровенным заглавием — «Замисły владыки». Были в нем следующие строки: «И владыка на святоюрской горе переносится мыслью в далекое будущее. И вот... море-море... голов... Святософьевская площадь¹ волнуется... Вот посредине людского моря выстроился длинный ряд. Его не сдерживают уже красные солдаты — нет! Это выстроились украинские стрельцы, те самые, чьи знамена освящал митрополит. Но вдруг стотысячная масса зашевелилась, забурлило море оваций. Патриарх Украины и глава государства направляются к возвышению. Оркестр государственной оперы играет национальный гимн. Начинается молебен... Владыка на святоюрской горе из мира грез вернулся к действительности. Две большие слезы скатились из его глаз...»

Заканчивается этот рассказ о мечтах Шептицкого прямым призывом готовиться к «великому дню», когда снова «божья благодать засияет на киевских горах».

«Великий день», о котором мечтал Шептицкий, наступил для него и его приспешников после нападения фашистской Германии на Советский Союз. На сей раз Шептицкий благословлял не только убийц из батальонов «Нахтигаль», «Роланд» и дивизии СС «Галичина»², но и немецких оккупантов. «Отцовское благословение» митрополита Шептицкого стоило украинскому народу миллионов убитых, многих тысяч сожженных городов и сел. И снова Шептицкий и его приспешники, несмотря на все их старания, лживую демагогию, подлость и кровавый террор, потерпели

¹ Имеется в виду площадь перед древним Софийским собором в Киеве.

² «Нахтигаль», «Роланд» и СС «Галичина» — воинские части, сформированные фашистами из украинских буржуазных националистов в 1941—1943 годах.

поражение. Фашистская Германия, на которую делал ставку Шептицкий, была разгромлена, а над древним Львовом, который стараниями униатского духовенства и украинских буржуазных националистов был превращен в своего рода центр антисоветской клеветы и пропаганды, взвилось красное знамя.

Казалось, что после такой основательной «науки» больше уже не будет желающих строить планы по созданию на Украине униатского патриархата. Но нет, на этот раз планы Шептицкого взялся претворить в жизнь его преемник, сравнительно недавно посвященный Ватиканом в кардиналы, Иосиф Слипый.

В годы второй мировой войны архиепископ Иосиф Слипый был ближайшим помощником Шептицкого, наследником митрополичьего престола. Он принимал активное участие в формировании для борьбы с Советской Армией дивизии СС «Галичина». Используя руководящее положение в греко-католической церкви, он помогал немецким оккупантам угонять украинскую молодежь на каторгу в Германию, призывал духовенство и верующих всячески помогать немецким захватчикам, вел антисоветскую пропаганду. За сотрудничество с оккупантами в 1946 году был осужден советским судом. После отбытия срока наказания Слипый был выдворен за пределы Советского Союза. 24 января 1965 года папа Павел VI сделал его кардиналом.

Миссионеры его экспансии

Как указывалось, Батикан всеми силами стремился обратить народы России в католицизм, что должно было значительно облегчить их покорение австро-немецкими империалистами. Для осуществления этой цели Шептицкий еще задолго до первой мировой войны стал собирать вокруг себя разношерстных и разноплеменных авантюристов, людей без чести и родины, способных на все. Наиболее ловких из них митрополит посыпал учиться за счет униатской церкви в католические университеты Инсбрука, Фрайбурга, Вены и Рима. Усиленно, в строгом секрете

те готовил он кадры униатских миссионеров и во Львове — в духовной семинарии и в монастырях.

Одновременно Шептицкий разрабатывал различные способы заброски униатских миссионеров в Россию. Одним из них было направление в Россию миссионеров легально, под видом эмигрантов. Для осуществления этого плана поданный австрийской монархии Шептицкий обратился с челобитной к царскому премьер-министру Столыпину. Он просил его «проявить к эмигрантам из Галиции русское гостеприимство» и помочь им получить землю. Письма с просьбой о помощи Шептицкий писал и другим высокопоставленным лицам в России. В одном из них митрополит выдавал себя даже за сторонника объединения славян и патетически воскликнул: «Пусть поможет нам бог осуществить этот замысел для укрепления славянства...»¹

Клятвенно уверяя царских сановников в миролюбии, Шептицкий в то же время посыпал своего помощника Тита Войнаровского под видом немца — перекупщика леса в Белоруссию с тайной миссией: активизировать деятельность местных униатов. И хотя Войнаровский «вошел в роль» немца-коммерсанта и даже имел при себе переводчика, русская контрразведка вскоре разгадала истинную цель его приезда, и «перекупщику леса» ничего не оставалось, как убраться восвояси.

Только перед смертью Войнаровский в своих записках предал гласности планы Шептицкого. Он рассказал, в частности, что митрополит имел намерение поселить в деревнях не менее чем по десять землевладельцев из числа «сознательных галицийских крестьян-патриотов», наделив их бесплатно землей, примерно по 50 десятин. За это они должны были бы распространять среди местного населения «украинскую национальную сознательность» (читай: украинский буржуазный национализм.— В. Д.)².

Еще раньше планы Шептицкого стали известны царскому правительству. Шептицкому предложили

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1578, стр. 127.

² Там же, дело 2088, стр. 82.

для заселения земли Сибири. Митрополит сразу решительно отказался, тем самым выдав себя с головой: его интересовали не благотворительные дела, а создание униатских миссионерских центров вдоль границ с Россией.

Известно, что сам Шептицкий по заданию Ватикана и австрийской разведки нелегально побывал в России. Целью поездки владыки было знакомство со своими сторонниками и оживление их деятельности. Митрополит утверждал позже, что он является единственным наследником древней киевской митрополии и это дает ему право вмешиваться в политическую и духовную жизнь России. При этом он ссылался на полномочия римского престола: «Папа Пий X одобрил мое мнение и призвал меня в меру сил и возможностей помочь и заботиться о католиках восточного обряда. Это было в феврале 1907 года. Папа выразил мне свое пожелание лишь устно, не закрепив его каким-либо документом. На основании данных мне папой прав я назначил Алексея Зерчанинова первым викарием каменецкой¹ епархии, снабдил его широкими правами в остальных униатских епархиях и предложил ему, между прочим, иметь свое управление в Петербурге»².

Это утверждение, претендующее на то, чтобы юридически оформить «законность» нелегальной деятельности Шептицкого и его подопечных в России, красноречиво свидетельствует о вмешательстве католической церкви в политическую и духовную жизнь суверенной страны. Впрочем, митрополит отлично понимал незаконность своих действий, о чем свидетельствует, в частности, письмо православного «законоучителя» П. С. Аксенова, который предлагал святоюрскому владыке план создания нелегальной, глубоко законспирированной от «рук и глаз улицы» греко-католической миссии в России. «Законоучитель» послал также Шептицкому шифр для тайной переписки³.

Накануне первой мировой войны Шептицкому

¹ Имеется в виду Каменец-Подольск на Украине.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 460, стр. 10.

³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1459, стр. 51—53.

удалось организовать в России хорошо замаскированные миссионерские центры. Не последнюю роль играли в них некоторые православные и старообрядческие священники, которые тайком приняли унию. Они не только регулярно переписывались с митрополитом, информируя обо всем, что происходило в России, но и нелегально приезжали во Львов с устными сообщениями. Некоторые были даже направлены Шептицким в Рим для беседы с чиновниками Ватикана и лично с папой.

Активно сотрудничали с Шептицким русская княгиня Елизавета Волконская и два ее сына, княгиня Наталья Ушакова, монашки и игуменья тайного монастыря III ордена доминиканок в Москве Абрикосова, ее бывший муж православный священник Владимир Абрикосов и другие. Следует отметить, что для осуществления своих планов львовский митрополит с особой охотой использовал связи великосветских дам Волконской и Ушаковой. Например, Ушакова по его заданию ездила даже к папе в Ватикан. Сохранилось письмо, в котором Шептицкий инструктировал Ушакову, как ей вести себя в Ватикане. Владыка писал: «Настоящее мое письмо к вам прошу сохранить в совершенной тайне, принимая... во внимание, что моя юрисдикция негласная... представлена мне святым отцом устно и неофициально. Официальных же полномочий не дадут, так как опасаются, что об этом станет известно правительству... Наталья Сергеевна! Речь идет о весьма важном деле: если Россия сохранит свой великолепный обряд и постепенно обратится к единству, то этим украсит и святую церковь... Россия будет влиять через Рим на весь мир и обновит весь Восток, ибо от России зависит все на Востоке... Действуйте же энергично, осторожно, но о письме моем не упоминайте»¹.

В этом письме, как в зеркале, отразилось многообразие методов и средств, к которым прибегал Шептицкий. Но оно же отразило и самые заветные его планы — захватить престол русской православной церкви, после чего он мог бы стать на одну ступень

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1515, стр. 10.

с самим папой, «ибо от России зависит все на Востоке».

Главным исполнителем митрополичьей воли в России, его духовным заместителем по интригам был униатский священник Леонид Федоров. Он родился в православной семье. По окончании гимназии поступил в православную духовную академию. Затем оставил ее и отправился в Рим, где на средства Шептицкого учился в Ватикане, а потом в католическом университете в Фрейбурге. Отцам-иезуитам, да и самому униатскому владыке, пришлось немало потрудиться над тем, чтобы Федоров стал послушным орудием их воли. О его сомнениях в отношении возможности насадить в России унию свидетельствует, в частности, одно из писем Шептицкому: «А что, если все то, что ты защищаешь, не имеет реальной основы? Как черная туча встает передо мной вопрос: что, если уния в действительности лишена вселенской благодати и духа? Что, если она не растет нормально, а только прозябает? Что, если все попытки оживить ее подобны вливанию нового вина «в мехи ветхие»? Что, если ты хочешь соединить несоединяемое? Что, наконец, если для того, чтобы дать унии жизнь, тебе придется отречься от своих идеалов? Не станешь ли ты только платным наемником, работающим на чужой ниве? Не лучше ли тебе, пока не поздно, бросить все и самому разрушить воздвигнутый замок твоих иллюзий? Я, вероятно, и сделаю так, если господь не укрепит меня!»¹.

Но Федоров все же стал «наемником, работающим на чужой ниве». Сохранились документы, свидетельствующие о том, что по поручению Шептицкого он с фальшивыми документами несколько раз ездил в Россию, где собирал информацию, которая интересовалась не столько митрополита, сколько австрийскую разведку. Доклады Федорова были всеобъемлющими и касались самых разнообразных сфер, не имевших ничего общего с делами церкви. Так, в одном из сообщений он довольно подробно, со знанием дела писал о мерах, которые принимало самодержавие, что-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1577, стр. 197.

бы усилить армию, о коррупции, разъедавшей государственный аппарат царской России. Об этом свидетельствует хотя бы следующая депеша Федорова:

«...дела с постройкой дредноутов и вообще с укреплением флота движутся с черепашьей скоростью; в военном министерстве работа идет живее: создаются новые корпуса, расширяется авиационное дело, но основательных реформ нет и там. В главном штабе идет борьба между старыми, заплесневелыми тактиками и молодыми талантливыми офицерами, причем победа клонится на сторону первых. Во главе военного министерства стоит абсолютный нуль — генерал Сухомлинов, во главе академии главного штаба — также полное ничтожество, годное только для кутежей и танцев, — генерал Енгаличев. В интендантстве и по сие время действует система воровства и взяточничества. В министерстве внутренних дел, как говорят, и конь не валялся. Сам Маклаков — однобокий бюрократ и тупой черносотенец. В министерстве финансов — лучше: Коковцов оставил после себя хорошее наследство, и денег про черный день хватит. Но не угодил черносотенцам и Гришке¹, и его попросили об уходе»².

По совету митрополичьего двора Федоров заигрывал со старообрядцами, с которыми униатский владыка думал договориться, чтобы привлечь их на свою сторону в борьбе против православной церкви. Отец Леонид стремился найти со старообрядцами общий язык на почве религиозных обрядов. Он, например, писал Шептицкому, что у старообрядческой верхушки, с которой вел переговоры, «известие о том, что папа благословляет двоеперстием, произвело настоящий фурор», что они «с удовольствием слушают человека, который отзывается с уважением об их обрядах, обычаях...». Далее Федоров советовал Шептицкому найти человека, который мог бы истолковать католические догматы в приемлемом для старообрядцев духе. Одновременно он напоминал митрополиту, что католическая церковь ввела инквизицию в Испании, а православная с такой же энергией преследует

¹ Речь идет о царском фаворите Григории Распутине.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1677, стр. 54.

старообрядцев, и что именно поэтому в борьбе против православной церковной иерархии старообрядцы будут надежными союзниками.

Для сбора различных сведений отец Леонид, как и его наставник, охотно использовал женщин. Ему, например, удалось привлечь к тайному сотрудничеству фрейлину императрицы Юлию Николаевну Данзас. Фрейлина имела в Зимнем дворце свой кабинет и была хорошо осведомлена обо всем, что касалось царской семьи, похождений Распутина, плутней министров и прочего. Именно поэтому донесения Федорова поражают точностью информации о всех придворных интригах.

В архиве сохранились письма Федорова с подробным описанием личности и похождений Распутина, его роли и влияния на Николая II и придворных. Эти сообщения наталкивают на мысль, что отец Леонид не случайно интересовался Распутиным, а выполнял задания Шептицкого и определенных австрийских кругов, которые имели намерение использовать влияние этого «старца» на царя.

Чтобы полнее представить себе «бурную» деятельность Леонида Федорова, стоит ознакомиться еще с одним письмом отца Леонида, которое привел князь П. Волконский, собиравший материалы о жизни Федорова с целью приобщения его к лицу святых: «Прямо из Петербурга,— пишет Федоров,— еду в Москву, а оттуда в Нижний Новгород, вернусь во Львов через Румынию, так как надо мной висит уже Дамоклов меч! Буду также в Саратове, где познакомлюсь с епископом Кесслером и его клиром. Подробности — после».

Как видим, энергии и ловкости «смиренного и недостойного» послушника митрополита Шептицкого мог позавидовать любой агент иностранной разведки, орудовавший тогда в царской России.

В этом же отрывке упоминается и «законоучитель» Петр Аксенов, которого Федоров использовал как подставное лицо для пересылки сообщений Шептицкому. В свою очередь митрополит через Аксенова пересыпал Федорову деньги. Между прочим, сохранился интересный документ — письмо «законоучителя» к Шептицкому. «Прошу, ваше преосвященство

во,— писал Аксенов,— если найдете нужным, писать мне или по-французски, или по ключу... наиболее интимные данные, пожалуйста, непременно по ключу, как и свою подпись...»¹

После поездок в Россию Федоров часто отдыхал во львовском монастыре студитов, где обдумывал новые планы миссионерских деяний. Возможно, во время отдыха ему пришла мысль создать во Львове специальный институт, который бы готовил кадры миссионеров вблизи границ России. Шептицкий горячо поддержал эту идею, и вскоре такой «институт» был открыт. Сначала его воспитанниками были десять монахов ордена студитов. Обучал их сам Федоров. О жизни будущих миссионеров, их обычаях рассказал личный секретарь митрополита Иосиф Гродский. Он называл воспитанников отца Леонида «трутнями», «пиявками» и другими столь же непривлекательными словами. Гнев Гродского был понятным: часть студентов пристроилась в «институт» лишь для того, чтобы прокормиться, остальные, как позже выяснилось, собирали сведения о намерениях Шептицкого, чтобы выгодно продать их царской разведке.

Начало первой мировой войны застало отца Леонида в России. Сюда же в сентябре 1914 года был вывезен царскими войсками, вошедшими во Львов, митрополит Шептицкий. Он безбедно жил в различных православных монастырях, некоторое время даже получал содержание епископа. Встретились оба иерарха — Шептицкий и Федоров — вскоре после падения самодержавия. Первым шагом Шептицкого после его освобождения было назначение Федорова униатским экзархом² всей России.

В конце апреля 1917 года Шептицкий прибыл в Петроград, где созвал «собор» в составе восьми католических и униатских священников. Это соборище вынесло «решение» о создании в России католического экзархата.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1459, стр. 51—53.

² Экзарх — высший церковный сановник, глава церковного округа, охватывающего административно-территориальную область.

В 1931 году, когда униаты с помпой отмечали тридцатилетний юбилей церковного служения Шептицкого, будущий его наследник, нынешний кардинал И. Слипый, напечатал статью под громким названием «Петроградский собор 1917 года». Какие цели в то время ставили униаты, свидетельствуют всего лишь несколько строк из этой статьи: «Русской католическою церковью правит экзарх в до-стоинстве протопресвитора. Его территория прости-рается на всю царскую Россию со включением Укра-ины и Белоруссии в их этнографических границах»¹.

Как видим, аппетит у Шептицкого и его приспешников был немалый. Совершенно не интересуясь, как будет это «решение» принято народом России, Шептицкий решил подчинить его Ватикану «явоч-ным порядком».

Однако Октябрьская революция 1917 года внесла коренные изменения в планы Шептицкого. На фоне гигантских революционных преобразований в России «решения» собора униатских попов выглядели смеш-ными. Такие «решения» могли принять только люди, абсолютно не разбирающиеся в политической жизни России. Планы Шептицкого разлетелись в прах по воле народа, с которым он не хотел считаться. И здесь митрополиту не помогли ни Временное правительство Керенского, ни агентура из сановитого дворянства, ни униатские миссионеры, принявшие облик гражданских лиц.

Новоиспеченный экзарх Федоров с большой энер-гией развернул свою деятельность. В тот период Федоров докладывал Шептицкому: «В последний мой приезд в Москву я должен был заняться состав-лением отчета для папы. Для этой цели меня и вы-звал о. Владимир (Владимир Абрикосов.— В. Д.), ибо только из Москвы была возможность передать мой отчет непосредственно в руки святого отца. Княжна Волконская писала Абрикосовым, что меня с нетер-пением ждут в Риме и, если невозможно приехать, требуют прислать подробный отчет самому папе. Я так и сделал. В своем отчете я подробно описал

---

¹ «Богословия». Львів, 1931, стр. 289.

нашу миссию, ее тяжелое положение, развитие и задачи»¹.

Для конспирации отец Леонид переправлял свои донесения через иностранные посольства, иногда даже со специальными курьерами. Кроме того, Федоров послал в Рим священника Владимира Абрикосова, чтобы иметь там свои «уста, глаза и уши». В письме к Абрикосову экзарх поучал, как следует себя вести, играя на антисоветских настроениях Пия X. «Выгнали в дверь — лезьте в окно, выгнали в окно — лезьте в щель. Помните, Рим любит настойчивость и энергию... Я послал по этому поводу подробное письмо генералу Ледоховскому (главе ордена иезуитов.— В. Д.), обращая его внимание на необходимость помочь вам. Пожалуйста, пойдите к нему и расскажите все, как было. Затем нужно принять участие в составлении для святого отца меморандума о положении в России, в особенности оттеняя политическую сторону дела. В Риме всегда интересовались в первую очередь этим, так как считают, что успех всякой миссии зависит от определенного политического положения страны. Отсюда — и первый вопрос папы: о политике. Если же вы ответили сугубо мистической фразой, что коммунистическое движение прежде всего антихристианское, то папа (очевидно, далеко не мистик, а практический деятель) поймет, что имеет дело с чудаком, и его интерес к вам сразу пропадет»².

Приведенные выше документы в достаточной степени показывают, каковы были на самом деле «богугодные» дела, которыми занимался в Советской России новоявленный экзарх греко-католической церкви. Но и этим не ограничивалась его деятельность. Федоров поддерживал самые тесные контакты с разведчиками империалистических держав, которые орудовали в то время в Москве и Петрограде. Так, рассказывая священнику Владимиру о своих взаимоотношениях с американским шпионом в Петрограде, Федоров с гордостью писал, что « удалось

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1968, стр. 26.

² Там же, стр. 45.

поставить на свое место американца» и что они «теперь с ним большие друзья (дал два миллиарда и обещал вещевые посылки)¹.

За деньги и заграничные тряпки эззарх продавал не только свою душу, но и родину.

Деятельность Федорова в Советской России была направлена на выполнение указаний, сформулированных польскими реакционерами и ксендзами в Петрограде. Эти тезисы он сам привел в письме к священнику Владимиру Абрикосову в Рим. Вот некоторые из них:

«1. Россия гибнет, она уже не государство, в ней невозможно развитие каких-либо культурных идей, она потеряла свои национальные черты.

2. Следовательно, с ней нечего больше церемониться, а нужно смотреть на нее как на Китай или Индию...

6. Энергичной, сатанинской работе большевиков можно противопоставить только католичество... Силе следует противопоставить силу, энергии — энергию, а не восточный фатализм, туманную мистику, дряблость, рутину, лень»².

Это была программа закабаления народов России иностранными империалистами. И Федоров в письмах к Владимиру Абрикосову не считал необходимым это скрывать.

Для осуществления контрреволюционных планов нужны были люди, которые яростно ненавидели Советскую власть. Чтобы их как-то сплотить, отец Леонид с помощью Юлии Данзас создал в Петрограде так называемый «дом ученых», служивший удобным прикрытием для разного рода авантюристов. Федоров с явной иронией писал Шептицкому: «Как видите, я попал в число «ученых»³. Деятельность этого «ученого» заключалась в том, что он собирал шпионские сведения, сеял провокационные слухи и всеми средствами противодействовал любым начинаниям Советской власти.

Чувствуя, что его могут со дня на день аресто-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1968, стр. 45.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, дело 1970, стр. 5.

вать, Федоров в этот период составляет завещание. Он делит экзархат России на две части и вручает бразды правления ими греко-католическим священникам Зерчанинову и Александрову. Из редкого по своему цинизму документа мы узнаем, что духовная «власть Шептицкого и экзарха Федорова» распространяется едва ли не на половину РСФСР. Это «юридически» оформленное завещание представляет определенный интерес. В нем говорится:

«В случае моего ареста, высылки за границу или ссылки в пределах России, поручаю вам заведовать с правом временного администратора, вплоть до нового постановления его высокопреосвященства митрополита Андрея Шептицкого или святого престола, частью экзархата в составе губерний Центральной России, Сибири, Средней Азии и Кавказа. Границей Центральной России являются губернии: Смоленская, Московская, Владимирская, Тамбовская, Пензенская, Самарская, Уфимская, Оренбургская»¹.

Огромная территория без ведома и согласия законного правительства Советской Республики вручалась под «духовную» опеку священнику Зерчанинову. На таких же условиях священник Александров получил «право духовного правления» другой частью РСФСР, куда входили Петроградская, Псковская, Тверская, Вятская, Пермская, Омская, Вологодская и Архангельская губернии.

Миссионерская деятельность Леонида Федорова в Советской России потерпела полный крах: он был разоблачен и осужден. Юлию Данзас выслали за пределы СССР, тайный монастырь III ордена доминиканок распустили.

Однако Шептицкий не сложил оружия. Имея на руках «завещание» Федорова, он надеялся в недалеком будущем предъявить свои «права» на указанную территорию. Такой момент наступил в 1939 году: униатские иерархи решили воспользоваться воссоединением Западной Украины с Советской Украиной для осуществления своей давней мечты — распространения унии на Украине, в Белоруссии и в России.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1969, стр. 5—6.

В ту пору этого им сделать не удалось. И только в 1941 году, когда началась Великая Отечественная война и орды гитлеровских захватчиков вторглись на территорию Советской Украины, Шептицкий и его помощники снова вернулись к планам создания униатского патриархата.

В 1941 году от митрополита на имя секретаря Восточной конгрегации в Ватикане кардинала Евгения Тиссерана поступил документ, в котором говорилось, что основанный в 1917 году Шептицким экзархат греко-католической церкви в России «...не потерял своего значения и требует наставника». В связи с этим львовский архиепископ и галицкий митрополит А. Шептицкий поделил всю Советскую Россию на «экзархаты апостольской столицы». Униатские иерархи просили святой престол, чтобы он «милостиво подтвердил и утвердил» их «планы и предложения»¹.

Ответ из Рима пришел только в конце декабря 1941 года за подписью кардинала Тиссерана. Его письмо насквозь пронизано радостью и надеждой. Еще бы! Святой престол после долгих веков борьбы наконец дождался исполнения своей мечты. Его представители вот-вот получат возможность насаждать католицизм во всех концах Советского Союза. Правда, пока еще только там, где находятся немецкие оккупанты, но кардинал лелеет надежду, что дни Советской власти сочтены. А пока что кардинал спешит сообщить, что после его личного доклада папа Пий XII согласился с планами Шептицкого и разрешил огласить такие назначения: униатского епископа Николая Чарнецкого — экзархом на Волынь и Полесье. Игумена монашеского ордена студитов Клиmenta Шептицкого — экзархом России и Сибири. Иосифа Слипого, будущего униатского митрополита — экзархом всей Украины. Униатского священника Антона Неманцевича — экзархом Белоруссии. Самого Андрея Шептицкого папа Пий XII назначил руководителем вышеуказанных апостольских экзархов.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 1, дело 6114, стр. 1—7.

Таким образом, одним росчерком пера папа Пий XII создал в нашей стране патриархат униатской церкви во главе с Шептицким.

На землях Советского Союза шла жестокая война, гибли миллионы людей, пылали в огне города и села. Советские люди с оружием в руках защищали свою землю и свободу. А в это время Шептицкий и его приспешники с благословения римского папы разрабатывали планы «окатоличивания» народов Советского Союза. Подготовка к этому велась в глубокой тайне от верующих. Кардинал Тиссеран строго предупреждал Шептицкого: «Святой отец постановляет, что вышеупомянутые фамилии не будут опубликованы... в русской церковной провинции, пока святая столица не даст на это ясного согласия»¹.

В июне 1942 года состоялся львовский собор экзархов, которые были назначены папой Пием XII. Докладывая о положении униатской церкви на территории Украины, И. Слипый сообщил, что в Киеве имеется уже два униатских священника и городская власть формально признала греко-католический приход, насчитывающий около сотни человек, но они не имеют церкви. Главной новостью было то, что гетман Павел Скоропадский² намерен поддерживать дружеские взаимоотношения с греко-католической церковью, однако в спор между автокефалистами³ и униатами вмешиваться не хочет. Иосиф Слипый доложил также участникам собора, что немецкие власти почему-то противятся распространению унии на Украине и поэтому, несмотря на все свои старания, он «не мог получить разрешения на поездку в Киев»⁴.

Сообщая эти весьма неутешительные новости, Слипый делал вид, что не знает, почему именно ему

¹ «Правда про унію». Львов, изд-во «Каменяр», 1968, стр. 316—318.

² Скоропадский жил в то время в Берлине на содержании фашистского правительства.

³ Сторонники православной автокефальной церкви, возглавлявшейся украинской буржуазией и использовавшейся в борьбе против Советской власти на Украине в годы гражданской и Великой Отечественной войн.

⁴ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 1, дело 6114, стр. 139.

не была разрешена поездка в Киев. В действительности же он понимал, что немецкие оккупанты охотно вели переговоры с ним во Львове, но распространять унию там, где в будущем, по их планам, должны были расселяться немецкие колонисты, считали излишним. Захватчики не имели никакого желания делиться с кем-либо богатствами оккупированной территории.

На этом же соборе митрополит Шептицкий дал указание искать могилу Леонида Федорова. Всем было хорошо известно, что Федорова решено было причислить к лику униатских «святых». Распространение легенд о его «святой» деятельности на оккупированных землях Советского Союза помогло бы укреплению унии. Тем более что, согласно его завещанию, эти земли давно уже подлежали юрисдикции митрополита Шептицкого.

Собор также дал подробные указания униатским миссионерам, готовившимся к поездке на оккупированные советские земли. В разработанной «памятке» миссионерам указывалось, как себя вести, как постепенно вводить католицизм. Однако все замыслы униатских иерархов потерпели крах. Ставка на немецких оккупантов провалилась. А вскоре фашистская Германия была разгромлена. Таким образом, все старания распространить унию в СССР пошли прахом и оказались такими же далекими от осуществления, как в свое время планы Федорова.

Долгие годы Федоров превозносился греко-католическими иерархами и белоэмигрантами как образец для подражания и воспитания новых миссионеров. В 1937 году князь П. Волконский, работавший в русской католической семинарии «Руссикуме» в Риме, с явным удовлетворением сообщал Шептицкому, что дух Федорова живет в сердцах воспитанников. «Его портрет, написанный маслом, вывешен на самом видном месте. Евреинов в своей речи упоминал о нем как о святом. Конференция окончилась молитвой об унии, написанной Леонидом»¹.

Кто же в то время учился в «Руссикуме»? Об этом свидетельствуют документы, сохранившиеся до

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2474, стр. 9.

наших дней. В июне 1929 года к Шептицкому обратился бывший каратель, белогвардейский офицер Михаил Недточин, который жил тогда в Китае. О себе он сообщал следующее: «Я русский, мне 31 год, бывший офицер (окончил 2-й Петербургский кадетский корпус и Павловское военное училище). Два года занимался в С(анкт)-Петербургском университете, сирота, холост. Около года живу в монастыре св. Франциска при миссии немецких францисканцев в Китае. Около полугода воссоединен со святой католической церковью и мечтаю посвятить ей всю дальнейшую жизнь»¹. Далее он высказал желание учиться в одной из семинарий, опекавшихся Шептицким, чтобы «получить необходимую и желающую подготовку».

Через пять лет Недточин послал митрополиту Шептицкому еще одно письмо. Он писал, что закончил «Руссикум». Так благодаря опеке Шептицкого и отцов иезуитов белогвардейский офицер-каратель превратился в «доброго» пастыря для «бедной России».

В «духе Федорова», то есть в духе предательства и ненависти, воспитывались и те, кто учился в «институте» св. Иосафата во Львове. Это учебное заведение униатский владыка создал с той же целью, с какой в свое время был основан студитский «институт» отца Леонида. Миссионеры, получившие «воспитание» в «институте» св. Иосафата, не чурались самых подлых методов борьбы против СССР. Один из кандидатов в «ловцы душ», семинарист Теодор Мацкив, который в годы второй мировой войны пошел добровольцем в дивизию СС «Галичина», «прославившуюся» зверскими расправами над украинским населением, прислал Шептицкому с восточного фронта поздравления, горячо заверяя владыку в преданности. Он писал: «Я только рядовой солдат, родом с Долинчины², который стольким обязан вашей эксцеленции, бывший питомец института им. св. Иосафата, решил написать эти строки, чтобы до-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1642, стр. 49.

² Долинчина — г. Долина Ивано-Франковской области в УССР. В оккупированной панской Польшей Галиции был уездным центром.

казать, что солдат, в какой бы он форме и где бы он ни был, всегда помнит о греко-католической церкви и ее архипастыре. Мы просим вашего благословения. 16 мая 1943 года. Теодор Мацкив».

Наш рассказ о миссионерах Шептицкого был бы неполным, если бы мы не упомянули еще о священниках Щепанюке и Ласько, которые занимались униатской деятельностью на Украине, в то время как Федоров подвизался в Петрограде. Действовали они плечом к плечу с ксендзами Ловейко, Жилинским, Скальским, Федукевичем и другими. Правда, Щепанюк по своим способностям во многом уступал Федорову, но он также имел ряд «заслуг» перед греко-католической церковью. В своих письмах он твердил, что «объединение церквей — путь к реформам и обновлению религиозной жизни и даже укреплению советского государства».

Щепанюк был подготовлен значительно хуже Федорова, да и деятельность его ограничивалась сравнительно небольшой территорией. Однако Шептицкий регулярно оплачивал его услуги.

Соучастники Щепанюка долгие годы ловко маскировались. Они пользовались всеми правами, предоставляемыми Советским государством своим гражданам. Так, Иван Ласько, активный помощник Щепанюка, закончил фармацевтический институт и трехгодичные курсы немецкого языка. После этого он стал преподавать в институте. Коллеги Ласько знали, что он верующий, но не догадывались о «второй стороне» его жизни. Когда началась Отечественная война и гитлеровцы оккупировали Киев, Ласько стал фашистским наемником. В автобиографии, написанной специально для Шептицкого, этот выученик униатов услужливо сообщал, что 23 сентября 1941 года поступил в немецкую комендатуру города Киева на должность «консультанта по украинским делам». Тут же он не преминул подчеркнуть, что имеет желание стать миссионером для распространения греко-католической веры на Украине. «Я считаю, — писал Ласько, — что наступило время сеять слово божье в сердцах украинского народа»¹. Слово

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 6116, стр. 84.

же божье он считал необходимым сеять при помощи немецких захватчиков.

Кадры миссионеров митрополит набирал также из числа белоэмигрантов. В этом отношении весьма примечательны письма бывшего царского генерала Череп-Спиридовича. Еще 23 марта 1920 года генерал писал Шептицкому: «Я хочу посвятить жизнь воссоединению церквей и молю вас помочь мне и рекомендовать меня святейшему престолу... Рекомендуите меня генералу Ледоховскому. Если меня немного поддержать и поднять, я легко стал бы славянским Бисмарком, и тогда Болгария, Сербия, Украина и т. д.— все присоединились бы к святому престолу, и это единственный способ победить большевизм»¹.

Кроме белогвардейского охвостья, Шептицкий привлекал к миссионерской деятельности иностранцев. В частности, он предоставил бельгийскому ордену редемптористов², девизом которого было «присоединение Востока», возможность осесть в Галиции, ознакомиться с обычаями украинского народа, изучать язык. Здесь миссионеры проходили подготовку, прежде чем их направляли в СССР. Об этом Шептицкий прямо писал в одном из своих писем в 1933 году новоиспеченным миссионерам ордена редемптористов. «Только недавно вы получили величайшее звание священника и готовитесь к миссионерской работе среди нашего народа в Галиции, а если бог благословит, то в будущем и на большой Украине или даже в большевистской Москве»³.

Забочась о подготовке миссионеров для СССР, Шептицкий не забывал и о других государствах. Так, в Канаду выезжал епископ Никита Будка, униатские уполномоченные ездили в государства Латинской Америки. Активную переписку Шептицкий вел с католическими священниками в Китае. Он хотел основать в Китае монастырь студентов для распространения униатства среди украинского населения, попавшего туда в годы первой мировой войны. Вла-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1869, стр. 17–18.

² Католический монашеский орден основан в 1732 году.

³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2306, стр. 42.

дыка спешно искал священников, желающих поехать в Китай. По его указанию униатская газета «Мета»¹ 3 апреля 1932 года поместила рекламную статью о священнике Николае Бабии, который, вступив в немецкий монашеский орден «Общество божьего слова», отправился в Китай миссионером. «Мета» восторженно писала, что в Галиции Н. Бабий имеет «много сыновей и родственников, которые радуются, что их племянник будет работать миссионером в Китае». А скоро и сам Бабий прислал свой первый отчет: «За этот год я уже достаточно «окитайлся». Легко приспособился к китайским обычаям и поведению среди людей... Умею даже есть с помощью китайских палочек».

Но почин Н. Бабия не нашел поддержки среди униатских священнослужителей. Очень уж далеко был малоизвестный Китай. Другое дело — Украина, куда все время были направлены их взоры.

Однако, даже потерпев полное поражение в осуществлении всех своих планов на Украине, Шептицкий не успокоился. Любыми путями и средствами он пытался засыпать на территорию Советского Союза миссионеров, шпионов в рясах, на которых возлагалась задача способствовать осуществлению захватнических планов немецкого фашизма и Ватикана.

Униатский миссионер мог выдать себя за кого угодно. Так, сам Шептицкий, выполняя задание австро-немецкой разведки, пробирался в Россию как коммерсант, представитель велосипедной фирмы. Тит Войнаровский, как уже отмечалось, появился в Белоруссии, выдавая себя за немца, перекупщика леса; Н. Бабий нарядился в китайское платье; Теодор Мацкив и Иван Ласько считали, что лучше и безопаснее надеть фашистский мундир. Но за сладкоречивыми обещаниями греко-католического миссионера, за елейной улыбкой всегда скрывались преступные цели.

---

¹ «Мета» — клерикальная газета, орган Украинского католического союза, выходила во Львове с 1931 года.

Православные архиереи и униатские душпастыри

Говоря о деятельности униатов, нельзя обойти молчанием вопрос об их тесных связях с иерархами русской православной церкви, которые в отдельные исторические моменты находили общий язык с униатскими душпаstryями.

В своих проповедях и беседах православные священники уверяют, будто бы церковь с давних времен стояла на страже интересов народа, заботилась о его нуждах, духовно и материально облегчала его долю. В действительности же в историю нашей Родины многие мрачные страницы вписаны именно православной церковью. Ловко играя на слепой вере в бога, духовенство на протяжении столетий притупляло классовое сознание масс, помогая самодержавию держать их в темноте и рабстве.

В. И. Ленин беспощадно клеймил провокационную и предательскую деятельность православного духовенства. По его словам, верхушка православной церкви управляла «жандармами во Христе», «чиновниками в рясах»¹.

До 1905 года клерикализм² в России существовал в замаскированной форме. После первой русской революции православная церковь под влиянием разнозданной черносотенной реакции все больше и больше наливалась ядом клерикализма. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Клерикализм существовал в скрытой форме, пока в целости и неприкословенности существовало самодержавие. Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу... Первая же брешь, пробитая революционным пролетариатом и крестьянством в крепостническом самодержавии, сделала тайное явным»³.

Царское правительство, русская буржуазия и вер-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 22.

² Клерикализм — реакционное направление в капиталистических странах, имеющее целью усилить господство церкви и духовенства в политической и культурной жизни страны.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 432.

хушка православной церкви, напуганные революцией, ставили перед собой задачу приспособить церковь к новым условиям, чтобы с ее помощью повести успешную борьбу с революционной пропагандой.

Весной 1909 года главари контрреволюционной буржуазии выпустили сборник «Вехи». На его страницах авторы пытались дать «теоретическое» обоснование черносотенным погромам, борьбе реакции с материализмом и атеизмом. В. И. Ленин беспощадно критиковал попытки представителей контрреволюционной буржуазии оклеветать рабочее движение. В статье «О «Вехах»» Владимир Ильич поставил знак равенства между реакционными взглядами авторов сборника и программой черносотенной газеты «Московские ведомости». Он показал, что в период реакции воинствующий клерикализм является показателем упадка церкви, буржуазия стремится использовать религию для подавления революционного движения, а православные иерархи охотно идут ей навстречу.

Напуганные революцией царское самодержавие и реакционная буржуазия начали заигрывать с Ватиканом, видя в нем верного союзника в борьбе с растущей революционной активностью масс. Папа в свою очередь обратился к архиепископам и епископам католической церкви в России со специальной энцикликой, в которой повелевал им включаться в самую активную борьбу с пролетарскими организациями. Энциклика заканчивалась восхвалением царя Николая II и призывом создавать организации по образцу черносотенного «Союза русского народа».

«Князь» греко-католической церкви митрополит Шептицкий давно искал повод найти общий язык с православными иерархами. Такой момент, как ему казалось, наступил после 1905 года. Используя страх православного духовенства перед революцией, Шептицкий стремился навязать ему унию. Чтобы добиться этого, Шептицкий всячески стремился начать тайные переговоры с православными иерархами. По его указанию Федоров посетил волынского архиепископа Антония Храповицкого. Однако первая попытка наладить взаимоотношения не удалась. В своем донесении Федоров в мрачных красках опи-

сывал переговоры с Антонием: «Не буду упоминать о его гнусных намеках на болезнь вашего высоко-преосвященства...— писал Федоров,— он более, чем другие, смотрит на католическую иерархию, как на хорошо организованную банду мошенников, с которыми можно бороться всеми способами: хорошими и плохими»¹.

Другой после такого недвусмысленного высказывания отказался бы от всяких попыток сблизиться с архиепископом Антонием. Но Шептицкий прошел хорошую школу у отцов-иезуитов. Он знал, что Антоний рано или поздно в связи с нарастанием революционного движения, присмиреет. И Шептицкий не ошибся в своих расчетах. Вскоре между православным и униатским владыками началась тайная переписка. Вначале она носила несколько нерешительный характер и дальше богословских рассуждений не шла. Но, поскольку политическое положение как в России, так и в Австро-Венгрии все более обострялось, очень скоро владыки откровенно заговорили о том, чтобы объединить свои силы для борьбы с революцией. В одном из писем к Шептицкому Антоний лицемерно заявлял: «В учении веры нет ничего такого, что обязывало бы нас считать разъединение православных и католиков вечным»².

Чтобы задушить революцию, Антоний был готов объединиться не только с Ватиканом, но и с самим дьяволом. Все догматические разногласия между православной и католической церковью, во имя которых было пролито море человеческой крови, были им забыты.

Не удивительно, что, получив такое письмо, Шептицкий, как он позже писал Антонию, от радости даже прослезился. А чтобы рассеять последние сомнения своего коллеги, святоюрский митрополит ответил ему: «Мне кажется, что уже настало время... явно говорить о будущем соединении. Единение церковное ничем не повредит могуществу России. И сам процесс единения, мне кажется, может пройти без

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1577, стр. 210.

² Там же, дело 1516, стр. 49.

всяких потрясений в государстве (не так, как во времена унии и войн Хмельницкого). В эпоху национального движения о религиозной борьбе не может быть и речи. Все заняты национальной политикой, о церкви же и вере все позабыли, и тем лучше, не будут мешать делу»¹.

Яснее, вероятно, не скажешь. Пока народ боролся за социальное и национальное освобождение, духовные отцы тайно готовили ему новое ярмо. Православные иерархи призывали себе на помощь греко-католических священников, ловких, имеющих опыт в борьбе с революционным движением. Но, думая о введении новой унии, Шептицкий не забывал о печальном опыте Брестской унии². Он писал Антонию, что Брестская уния, «хоть и была святой и великой вначале, сбилась потом с истинного пути, пошла на службу польской политике и потеряла в результате этого свою силу, свою идею. Итак, оставленная поляками, нетерпимая русскими, она стала позорищем миру и упала от собственного бессилия»³.

Страх перед революцией толкнул Антония на то, чтобы пойти на Союз с Шептицким. Он договаривается с владыкой отайной встрече в Почаевской лавре, чтобы там с глазу на глаз обсудить вопрос об объединении церквей.

Чтобы понять всю глубину падения волынского архиепископа Антония Храповицкого, необходимо более детально ознакомиться с его деятельностью. Член синода, он был верным слугой русского самодержавия. Ему принадлежит циничное признание, ярко характеризующее верноподданнические чувства православных иерархов: «Если Царское Село прикажет, мы и кабана посадим в митрополиты»⁴.

В 1905 году, в разгар русской революции, этот воинственный мракобес, являясь руководителем во-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1577, стр. 50.

² Брестская уния — объединение православной и католической церкви на Украине с подчинением православной церкви папе Римскому и признанием основных догматов католицизма. Принято на соборе в Бресте в 1596 году. По требованию верующих уния расторгнута в 1946 году.

³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1577, стр. 50.

⁴ Там же, стр. 210.

лынского отделения черносотенного «Союза русского народа», заявил: «Перестрелять бы двести тысяч сволочей, и был бы конец свободам».

Таково было кредо Антония, таково было его отношение к народу, к верующим.

Во время первой мировой войны, когда русская армия заняла Львов, архиепископ Антоний и его коллега по «Союзу русского народа» епископ Евлогий приехали в Галицию, где благословляли русификаторскую политику царских чиновников. Эту политику русского самодержавия в Галиции поддерживала и верхушка галицийских москвофилов. Продолжал заигрывать с москвофилами, а также с Антонием и Евлогием и «тайный советник австрийского имперского двора» Андрей Шептицкий.

А вскоре Шептицкий был выслан в Россию, Евлогий же — посвящен в сан православного митрополита Галиции. И новоиспеченный митрополит, и архиепископ Антоний продолжали помогать царскому правительству проводить такую же колонизаторскую политику угнетения украинского народа, какой свыше 150 лет придерживалась австро-венгерская монархия. Это вызвало волну возмущения прогрессивной общественности России. С большой статьей «Вера отцов», в которой разоблачалась деятельность царских колонизаторов, выступил известный русский писатель В. Г. Короленко. Вполне понятно, что в условиях военного времени и суровой царской цензуры писатель не мог детально осветить черносотенную политику архиепископа Антония и епископа Евлогия. Однако в конце статьи он сделал вывод о том, что «польское изезуитство одного столетия как бы протягивает руки православному миссионерству другого»¹.

Деятельность Антония и Евлогия в Галиции прервала отступление русских войск. Вторично оба православные владыки попали во Львов уже после разгрома и изгнания с Украины петлюровских банд. Интересное описание встречи Шептицкого с белоэмигрантами Антонием и Евлогием оставил секретарь Шептицкого монах-vasiliianin Гродский.

---

¹ «Русские записки». Петроград, 1916, № 9.

Как писал Гродский, Шептицкий, узнав, что митрополиты Антоний и Евлогий стоят у ворот обители, забыл про свои больные ноги и «бросился приветствовать... нежданных гостей». «Не доходя нескольких шагов, Шептицкий протянул руки, приветствуя Антония и Евлогия богослужебной фразой: «Обнимем друг друга». Затем каждого из них обнял и расцеловал». Антоний сказал, что они не имеют убежища и просят оказать им гостеприимство. «Митрополит Андрей, не дослушав, взял седобородого старца за руки и ввел его в свой дом, а другие пошли за ним».

О дальнейшем Гродский повествует так: «Владыки прожили три дня, а потом выехали в Краков, а оттуда через Румынию в Херсон к Деникину»¹.

Известно, что на территории, занятой Добровольческой армией, Антоний вел активную антисоветскую агитацию, организовал «высшее церковное управление».

Не менее интересны записки Гродского о посещении митрополита Шептицкого другим православным епископом, также членом синода, Алексеем.

«В то время, когда поляки заняли Галицию, в Киеве были большевики,— писал Гродский,— епископ Алексей оставил украинскую столицу вместе с одним помещиком, который был потомком гетмана Сагайдачного и переехал в Каменец-Подольск. Но большевики продолжали наступать, и тогда Алексей через польский фронт приехал во Львов и стал просить у митрополита приюта... Алексей жил у митрополита, писал брошюру об упадке русской церкви. Спасение Украины он видел в Риме»².

Таким образом, в годы после Великой Октябрьской социалистической революции святоюрская обитель была не только надежным убежищем православных иерархов, но и переправочной базой. Примечательно, что при встречах униатский митрополит и православные иерархи забывали о своих религиозных расхождениях, их объединяла общая ненависть к народу, поднявшемуся на штурм старого мира.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 35, стр. 34.

² Там же, стр. 36.

Изгнанные революцией из России, православные владыки продолжали бороться за восстановление самодержавия, открыто используя церковный амвон для антисоветской агитации. В 1921 году в югославском городе Сремски Карловци под председательством «высокопреосвященного Антония» открылся собор русских архиепископов, оказавшихся в эмиграции. Это соборище провозгласило создание «самостоятельной» православной церкви за рубежом.

Терпя одно поражение за другим, православные иерархи не хотели складывать оружия. Под руководством Антония они начали собирать белогвардейское охвостье, готовясь к «освободительному» походу на СССР. Антисоветскую политику православной церкви полностью поддерживала католическая церковь. В одном белогвардейском листке, который выходил тогда в панской Польше, было напечатано, что «Ватикан сочувствует движению Антония» и что вся белогвардейская эмиграция должна «объединиться вокруг представителей Ватикана», которые разбросаны по всему миру и «имеют большие возможности»¹.

Не будем подробно излагать историю Карловацкой церкви. Скажем лишь одно, что она с первых дней своего существования шла в русле антикоммунизма и остается на этих позициях до сих пор.

В то время когда начала действовать Карловацкая церковь, на землях панской Польши существовала так называемая украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ), которую возглавил митрополит Дионизий. Политическое кредо митрополита Дионизия ничем не отличалось от программы Карловацкого синода. Он был таким же ярым монархистом и ненавидел Советскую власть не меньше, чем карловчане.

Яркое представление о черносотенно-фельдфельском духе, который господствовал в украинской автокефальной церкви, дает одна из газетных статей, автор которой побывал в канцелярии православного митрополита в Варшаве: «Сидят там господа, одетые,

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 266, дело 64, бюллетень 137, стр. 4.

правда, в рясы православных душпастырей, но в разговорах между собой в присутствии посетителей, не стыдясь, называют друг друга «господин полковник», «господин штабс-капитан», «господин поручик» и т. д... Благодаря поведению гвардейских офицеров, создается впечатление, будто вся канцелярия митрополии для них пересадочная станция, на которой они ожидают... возвращения под старые знамена»¹.

Реакционная роль духовенства этой церкви особенно проявилась после установления фашистской диктатуры Пилсудского в 1926 году. Митрополит Дионизий, выслуживаясь перед Пилсудским, назначил на главные посты в митрополии епископов польской ориентации. В то время когда католические ксендзы при помощи фанатиков и шовинистов поддерживали в Галиции и на Волыни колонизаторскую политику панской Польши, а в Варшаве разобрали на строительный материал православный собор, иерархи УАПЦ беспокоились в первую очередь о своих теплых местах.

Неприкрытое надувательство верующих и интриги словно ржавчина разъедали украинскую автокефальную православную церковь. В канцелярию митрополита в Варшаве поступали десятки заявлений верующих, которые требовали убрать из их парадии скомпрометировавшего себя священника.

Автокефалисты быстро шли к краху. Однако на помощь им пришло правительство Пилсудского. Видя в православных владыках своих верных прислужников, высокопоставленные польские чиновники пригласили их к себе и общими силами разработали кардинальные средства спасения церкви. В результате переговоров в польском бюджете появилась еще одна статья расходов: для покрытия нужд автокефальной церкви.

Позже встречи между православными иерархами и польскими правительственными чиновниками происходили неоднократно. Для автокефальной церкви наступает пора «благоденствия». Вот как описал автор одной статьи «трогательный союз», который за-

¹ «Войовничий безвірник», 18 декабря 1929.

ключили между собой в панской Польше ксендз, поп и раввин: «Я часто бываю на белорусских кресах (окраинах.— В. Д.). Национальной вражды в яркой форме я там не замечал. Наоборот, всюду стремление к тесному сотрудничеству для блага государства и народа и среди чиновников, и среди общественности.

В маленьком местечке открывали народный дом, организованный исключительно местной польской интеллигенцией. На освящение пригласили ксендза, священника и раввина. Речи провозглашали на польском, русском и белорусском языках. За скромным праздничным чаем, рядом с помощником старости сидели представители местного самоуправления, полиции и общественности и те же самые три духовные особы. И сердце мое радовалось за родной славянский народ, который так просто и естественно усвоил основы демократизма и социальных отношений и проводил их на практике»¹.

В особенно трудные моменты на помощь архиереям автокефальной церкви приходил и сам униатский владыка. Так, в 1933 году, когда реакционные круги католического духовенства начали новое наступление на православные парохии, Шептицкий выступил со специальным пастырским письмом, в котором с наигранным гневом писал, что последние события уничтожают в душах православных «саму мысль о возможности объединения, представляют вселенскую церковь враждебной и опасной для православного народа»². Понятно, что Шептицкого волновали не интересы верующих, а необдуманные действия ксендзов, которые могли повредить «возможности объединения», то есть заключению реакционного союза двух церквей для борьбы с революционным движением.

Еще теснее отношения между православными и униатскими иерархами в Польше стали в годы Великой Отечественной войны. Шептицкий очень активно переписывался с предателем Родины, бывшим петлюровским «министром», митрополитом Илларионом

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 62, стр. 84.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 1, дело 5977, стр. 104.

(Иваном Огиенко), который уверял: «Приятно мне было убедиться, что наша общая многолетняя симпатия осталась и дальше неизменной и неразрывной. Два последних десятилетия я имел честь и возможность не только учиться у вас мужеству в национальной политике, но и пользоваться вашим теплым ко мне отношением».

Илларион не скрывал, что считает Шептицкого своим учителем в проведении «национальной политики», которая по сути своей была политикой предательства украинского народа. В минуту самовосхваления он писал, что за свои поступки отвечает «перед богом, народом и историей» и надеялся дожить до того времени, когда «обе церкви сблизятся, как две родные сестры»¹.

В мрачные годы фашистской оккупации послания православных и униатских иерархов абсолютно ничем не отличались друг от друга. И Шептицкий и архиереи автокефальной церкви требовали от верующих беспрекословного выполнения приказов гитлеровских захватчиков, благословляли грабеж и разбой, которые те творили на временно захваченных землях Украины и Белоруссии. Письма митрополита Иллариона были полны восторженных слов в адрес фюрера и его армии. 12 июля 1942 года националистическая газета «Наступ», выходившая в Праге, напечатала телеграмму епископов автокефальной церкви Гитлеру. Владыки уверяли фюрера: «В гдовщину, когда по Вашему приказу храбрые сыны великого немецкого народа вступили на украинские земли... мы, епископат Украинской православной автокефальной церкви, посылаем от себя и всего украинского народа, сынами которого мы являемся... уверения в нашей самой искренней благодарности за освобождение и нашей верности высоким идеям, к осуществлению которых призвало вас провидение...»

В то время когда лучшие сыны и дочери украинского народа стояли насмерть в борьбе с немецкими оккупантами, кучка церковников осмелилась объ-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2665, стр. 60.

явить себя представителями украинского народа и от его имени заверять Гитлера в своей верности. Большего лицемерия нельзя себе представить.

В период немецкой оккупации епископы автокефальной церкви поддерживали связи с гестапо и украинскими буржуазными националистами. Внимательно следил за деятельностью автокефалистов Шептицкий. «Свои» люди регулярно информировали святоюрского владыку обо всем, что происходило у «православных». Например, православный епископ Сильвестр регулярно доносил Шептицкому о всех спорах и противоречиях, возникавших между иерархами при распределении выгодных приходов и должностей.

После краха фашистской Германии епископы автокефальной церкви разбрелись по всему свету. Они нашли новых хозяев. Митрополит Илларион оказался в Канаде, Мстислав (Скрипник) в США, другие в Англии, ФРГ. История их ничему не научила. Как и раньше, они мечтают о реставрации на Украине старых порядков, вознося молитвы всевышнему, предлагая услуги всем, кто ищет предателей и отщепенцев, готовых на все за доллары и марки.

«Благодеяния» униатского владыки

На протяжении многих лет униатское духовенство и буржуазные националисты распространяли сказки о бескорыстии Шептицкого, о его многочисленных пожертвованиях в пользу народа, восхволяли митрополита как благодетеля и мецената. В частности, они приписывали ему организацию, субсидирование и всестороннюю поддержку целого ряда так называемых «народных институций». Националист Лонгин Цегельский даже насчитал 21 «предприятие», «которые создал или содержал митрополит»¹.

Прежде чем начать подробный рассказ о «благо-

---

¹ Лонгин Цегельский. Митрополит Андрей Шептицкий. «Америка», 1937, стр. 38.

деяниях» униатского владыки, познакомимся с действительной сущностью их. Известно, что греко-католическая церковь была одним из наиболее крупных землевладельцев края. Общая площадь ее хозяйств во Львове, Перигинском, Якторове, Уневе, Крилосе, Зарванице¹ составляла 36 119 гектаров земли. Доход от этих имений, например, только в 1936 году превышал 439 тысяч злотых². В 1927 году греко-католическая церковь насчитывала 747 парофий. За каждой из них на основе так называемого конкордата, заключенного Римом с панской Польшей, закреплялся участок, которым полностью распоряжался священник. Все эти парофии имели 30 658 гектаров земли³. Следовательно, униатское духовенство владело в Западной Украине 66 770 гектарами земли.

Другим важным источником дохода греко-католической церкви был земельный банк⁴. В 1920 году он имел 3500 тысяч злотых акционерного капитала, а в 1938 году — уже 5 миллионов злотых. Большая часть дохода принадлежала семье графов Шептицких.

Банк осуществлял крупные валютные операции. О росте его валютных фондов свидетельствует увеличение дивидендов. В годы первой мировой войны, когда в Западной Украине были уничтожены десятки сел, погибли сотни тысяч людей, банк не только не пострадал, а даже выплачивал своим вкладчикам от 3 до 6 процентов ежегодно. После войны дивиденды банка возросли еще больше⁵. В 1920 году они составили 10 процентов, в 1921 — 15, в 1922 — 30 процентов, а в 1923 году, в период девальвации, банк выплатил своим вкладчикам 500 процентов диви-

¹ Перигинское — поселок городского типа Ивано-Франковской области; Якторов, Унев — села Львовской области; Зарваница — село Тернопольской области; Крилос — село Ивано-Франковской области.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 1-а, дело 3176, стр. 177.

³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2095, стр. 109.

⁴ «Земельный банк» — украинский буржуазный акционерный банк во Львове, основан в 1910 году.

⁵ Отчет о деятельности земельного банка во Львове за 1937 год. ЦГИА в г. Львове, библиотечный № 28149.

дендов! В тридцатые годы, в связи с кризисом, доходы банка снизились, однако дивиденды не падали ниже 2—7 процентов в год. Львовская газета «Сель-Роб»¹ 22 мая 1932 года писала: «Земельный банк назначил в этом году (во время кризиса) 225 тысяч злотых чистой прибыли для распределения акционерам».

Банком руководил так называемый надзорный совет. В него входили наиболее опытные в финансовых делах священники, епископы и украинские буржуазно-националистические деятели. Долгие годы главой надзорного совета был известный финансовый туз, униатский священник Тит Войнаровский, а одним из его членов — бывший петлюровский атаман Юлиан Шепарович.

Эта националистическая и униатская «элита» насаждала среди служащих банка палочную дисциплину, жестоко их эксплуатировала. О порядках, существовавших в банке, подробно рассказали в своих жалобах униатскому финансовому воротиле Титу Войнаровскому и надзорному совету сами служащие. Оказалось, что со дня создания банка они получали заработную плату ниже, чем в других банках. Причем это делалось открыто. Вместо денег деятели из управы и надзорного совета щедро одаряли служащих обещаниями будущего повышения платы. И это в то время, «когда только за один 1930 год доход банка увеличился в четыре раза»².

На протяжении ряда лет служащие банка жаловались на невыносимые условия труда. Но к их голосу деятели из надзорного совета не прислушивались. Они увольняли по своему усмотрению непокорных, снижали плату за труд, а с практикантами вообще предпочитали не расплачиваться.

Финансовые авантюры банка как бы завершали весь цикл пастырской деятельности духовных отцов. Деньги, собранные с верующих или добытые спекуляцией землей, продажей продуктов сельского хо-

¹ Орган рабоче-крестьянского революционного социалистического объединения, созданного в 1926 году по инициативе Компартии Западной Украины. Объединение было запрещено польским правительством в сентябре 1932 года.

² ЦГИА УССР в г. Львове, оп. 1, дело 20, стр. 29.

зяйства, жилых домов и другими операциями, попадали в банк, а оттуда их пускали в различные финансовые комбинации. Это еще больше закабаляло рабочих и крестьян, зато духовенство получало весьма заметные материальные блага. Поэтому естественно, что священники в своем огромном большинстве активно поддерживали земельный банк и были, как правило, его внештатными агентами на местах.

Весьма характерной в этом отношении является карьера некоего Дмитрия Шуля. Старожилы Стоянова (Радеховский район Львовской области), вероятно, до сих пор поминают недобрый словом этого «бандита в ряде», как писали о нем крестьяне в одной из своих многочисленных жалоб.

Прибыв в Стоянов в конце 1933 года, ставленник Шептицкого и украинских буржуазных националистов Шуль в первую очередь взялся за должников земельного банка. В центральном государственном историческом архиве во Львове сохранился подробный список должников банка, который составил Шуль¹. На одном из документов он так и подписался: «Д. Шуль, священник и агент земельного банка»².

В буржуазно-помещичьей Польше в то время свирепствовал кризис. На сельскохозяйственные продукты не было спроса, а правительство Пилсудского вводило все новые и новые налоги, которые тяжелым бременем ложились на плечи крестьян. Художник-юморист, высмеивая политику правительства Пилсудского, нарисовал на страницах одного из журналов обнищавшего крестьянина, который вынужден был продать корову, чтобы уплатить налог за собаку.

Экономический кризис в первую очередь ударили по селу. Обнищавшие до крайности крестьяне не могли платить банку ни долгов, ни процентов. В письме, адресованном в митрополичий ординариат³, крестьяне Стоянова просили «о снижении цены на землю хотя бы до 20 долларов с одного

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 207, стр. 63.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 1-б, дело 5074, стр. 13.

³ Митрополичье управление,

морга и ликвидации полностью процентов со дня заключения контрактов».

Свою просьбу крестьяне мотивировали тем, что за три года цены на сельскохозяйственные продукты резко упали. «За такую корову, которая в 1929 году стоила 50—60 долларов,— писали они,— ныне крестьянин не получит и 10 долларов... Многие из нас хотели перепродать купленные ранее участки земли хотя бы за половину цены, но теперь на землю нет ни одного покупателя. Пребываем в крайней нужде... все зерно продано, так что наши дети по нескольку дней не имели куска хлеба»¹.

Казалось бы, что в это тяжелое для стояновцев время добрый пастырь Шуль должен был всеми силами помогать верующим. Но его совершенно не интересовало бедственное положение крестьян. Наоборот, чтобы содрать долги за землю, он подал на них в суд.

Зная, чьи приказы выполнял Шуль, стояновцы неоднократно обращались к Шептицкому, настоящему хозяину банка. Но святоюрский владыка был глух к просьбам крестьян.

Униат Ю. Дзерович, прославляя действия митрополита Шептицкого, привел такой пример: «В Миловане Товмацкого уезда во время распродажи имения небольшими участками митрополит подарил двор с несколькими десятками моргов поля обществу «Прорвіта»² для садово-овощеводческой школы, обязав устроить на каникулы львовских детей»³.

Долгие годы эта басня использовалась униатским духовенством и украинскими буржуазными националистами для возвеличивания авторитета митрополита Шептицкого и его «пастырского милосердия». Архивные же документы свидетельствуют о том, что имение в Миловане Шептицкий не подарил обществу «Прорвіта», как писал о том Ю. Дзерович, а продал.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 1-б, дело 5074, стр. 62.

² Украинское культурно-просветительное товарищество в Галиции. Основано в 1868 году. Находилось под влиянием буржуазно-националистических и клерикальных организаций.

³ «Богословіє». Львов, 1926, стр. 74.

В своем заявлении от 5 июля 1908 года сами члены главного общества «Просвіта» во Львове Петр Оганиновский и Иван Брык подтверждали: «Главный отдел общества «Просвіта» во Львове сим заявляет, что покупает у его эксцеленции митрополита графа Андрея Шептицкого имение в Миловане на следующих условиях:

1. Каждому очередному греко-католическому митрополиту во Львове предоставляется право утвердить названного главным отделом директора хозяйственно-садоводческого заведения в Миловане.

2. На купленном имении лежит обязательство общества «Вакаційних осель»¹ использовать на время каникулярных недель палаты и примыкающий парк для молодежи без ущерба для хозяйственно-садоводческого заведения².

В 1919 году члены главного отдела общества «Просвіта» на своем совещании решили докупить еще у «эксцеленции» высокопреосвященного митрополита Андрея графа Шептицкого имение в Миловане общей площадью около 135 моргов за 60 000 крон³.

Из приведенных документов мы видим, что «отцовская» любовь униатского владыки к обществу «Просвіта» и львовским детям имела свою, довольно-таки земную, материальную базу. Пользуясь своей неограниченной властью, Шептицкий продал обществу «Просвіта» землю, принадлежавшую униатской церкви, на самых кабальных условиях, а после этой финансовой махинации, униаты распространяли слух еще об одном «милосердном деянии» митрополита.

Но на этом дело о распродаже имения в Миловане не кончается. Описывая митрополиту свои финансовые мероприятия, униат Тит Войнаровский писал, что он разделил на небольшие участки в Миловане 1097 моргов 857 саженей земли и продал их

¹ Общество «Вакаційних осель» — общество, которое занималось посредничеством при найме домов на летние каникулы.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 682, оп. 1, дело 65, стр. 119.

³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 682, оп. 1, дело 67, стр. 148.

крестьянам «ввиду невыгодности и больших расходов для дальнейшего использования этих земель»¹. С нескрываемой гордостью Войнаровский указывал, что, несмотря на тяжелое положение крестьян, ему, таким образом, удалось не только продать землю за ту цену, которую назначил владыка, но еще и получить доход в 160 тысяч крон.

Сколько же нужно было иметь неприкрыто гцинизма и лицемерия, чтобы сочинить и распространять басню о «милосердии» Шептицкого в то время, когда униатская церковь богатела на крестьянской крови и сиротских слезах.

А богатства греко-католической церкви действительно росли с каждым годом. Возглавляемое Шептицким духовенство приводило в порядок старые имения, покупало новые. В 1934 году около 20 тысяч золотых было истрачено на нужды имений Зарваница и Унев, 430 тысяч — на покупку четвертой части имения Богородчаны. Приблизительно в это же время возникли замыслы о создании предприятий, которые не имели никакого отношения к церкви. Униатский владыка, например, купил за полмиллиона долларов пустырь на окраине Львова, Кайзервальд, где намеревался построить стекольный завод. В тридцатые годы митрополичий ординариат приобрел типографию «Библъос», которая также давала значительные доходы. Из своих личных средств Шептицкий финансировал кондитерскую фабрику «Фортуна нова», вложив туда свыше 60 тысяч долларов, и ряд других предприятий.

На покупке имения Богородчаны мы остановимся более подробно, чтобы на этом примере показать, к каким аферам прибегали Шептицкий и его приспешники.

4 ноября 1932 года епископ Хомишин обратился к Шептицкому с письмом, в котором писал, что вследствие кризиса «парцелляция² части имения, которая была непригодна к использованию, затормозилась и остался долг около 400 тысяч американских долларов». Попытка получить заем в варшавских

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 682, оп. 1, дело 65, стр. 154—155.

² Распродажа мелкими участками.

банках потерпела неудачу. В связи с этим он приходит к выводу, что «следует добиваться развязки дела собственными силами»¹.

Для этой цели Хомишин направил в Богородчаны двух доверенных людей, инженеров Теофила Рижевского и Северина Рыбачевского, которые за солидные комиссионные должны были сделать все, чтобы выкачать из крестьян деньги на оплату имения. Униатские прислужники сделали свое дело, а чем это «благодеяние» обернулось для крестьян, видно из письма, напечатанного в прогрессивной газете «Праця» 28 января 1934 года.

«В 1930 г. «осчастливили» нас епископ Григорий Хомишин при помощи «Сільского господаря»², парцелляцией. Епископ распродал мелкими участками 600 моргов поля вместе с пустошью по 140 долларов за морг. Сам же он купил это поле, вместе с инвентарем, у графа Шенборна по 60 долларов за морг. Крестьяне, не зная этого, заплатили часть денег, а на остальные дали векселя... Это и послужило причиной катастрофы. Епископ Хомишин, несмотря на то, что крестьяне уже с излишком возвратили деньги, уплаченные им графу, захотел взыскать поскорее всю прибыль (по 80 долларов за морг) и опротестовал векселя. В результате многие крестьяне вынуждены были лишиться не только купленного ими участка, но и собственных хозяйств: продали скот и хаты, живут в конюшнях. То, что осталось, возьмет амбарщик на новые векселя. Вот какое «благо» принесла нам епископская парцелляция».

К этому письму крестьян трудно что-нибудь прибавить. Оно обвиняет униатского епископа Хомишина в том, что тот занялся лихоимством, забыв про заповеди господни, забыв про совесть и честь.

Алчность Шептицкого, епископов и других униатских деятелей не знала границ. Для осуществления своих планов митрополит и его подчиненные занимались фальсификацией, провокациями и шантажом.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 682, оп. 1, дело 20, стр. 48.

² «Сільский господарь» — «Сельский хозяин» — одна из организаций украинских кулаков в Галиции, которая занималась сбытом сельскохозяйственных продуктов, выступала посредником при финансовых сделках и продаже земли.

24 февраля 1960 года львовская газета «Вільна Україна» напечатала ряд статей под названием «Фальшивка владыки», в которых на документальных материалах разоблачалась одна из авантюр греко-католического митрополита. Выяснилось, что хитрый униат долгие годы мечтал завладеть наследством бывшего русского царя Николая II, которое хранилось в иностранных банках. Для этого он хотел использовать авантюристку Наталью Меньшову, которая выдавала себя за Татьяну Романову, дочь царя. До Шептицкого такие же планы вынашивали отцы-иезуиты. Однако несколько попыток выдать Меньшову за наследницу Николая II закончились провалом: она была разоблачена бывшими царедворцами как авантюристка, иезуиты отказались от нее. Тогда к ее услугам прибег Шептицкий. Он поселил Меньшову в василианском монастыре, где она постриглась в монахини и стала сестрой Таисией. По указанию Шептицкого Таисия начала детально знакомиться с воспоминаниями, хроникой и мемуарами царедворцев. Униатский владыка учил «смиренную» христову невесту: «Нужно, чтобы ты жила жизнью царской семьи — теперь твоей семьи. Ведь ты учишься в драматической школе и знаешь, когда артист исполняет какую-либо историческую роль, он много читает, чтобы хорошо знать героя, его характер, изучает обстановку и условия, в которых жил его герой. Так делай и ты».

Однако и у Шептицкого ничего не вышло. Попытка заполучить наследство русского царя сорвалась.

Сохранились документы, которые рассказывают еще об одной авантюре Шептицкого. Старый знакомый митрополита, белоэмигрант князь Петр Волконский во время своих странствий по городам Европы натолкнулся в одном из монастырей ордена доминиканцев на монаха — наследника миллионера и сообразил, что за его счет можно поживиться. На радостях Волконский писал Шептицкому «Питер Якоб де Грейтер (фамилия монаха.— В. Д.) принадлежит к одной из богатых католических семей Голландии и Бельгии. Отец его жертвует огромные суммы на церковь. Одна его дочка уже в монастыре. Вторая — должна вступить. Сын Якоб — уже известный свои-

ми трудами монах. Все они, как вы знаете, вносят или должны внести вклад в монастыри (это много миллионов гульденов)»¹.

Чтобы задуманная акция имела для посторонних «законный» характер, Волконский советует митрополиту обратиться к генералу ордена доминиканцев с просьбой: пусть Грейтера откомандируют во Львов для работы над богословскими трудами по истории унии. «Генералу не трудно будет удовлетворить вашу просьбу и отпустить патера...» — замечал Волконский. Он надеялся, что, когда де Грейтер приедет во Львов, Шептицкий и монахи, спекулируя на «высоких» целях распространения католицизма в России, сумеют выманить у него отцовское наследство.

Через некоторое время Волконский снова информировал Шептицкого о намерениях патера де Грейтера, который уже находился под его влиянием. «Покидая провинцию и отдаваясь целиком делу унии, он видит возможность плодотворной работы только в том случае, когда попадет в полное распоряжение вящего высокопреосвященства,— писал Волконский.— При этом все деньги, которые неминуемо должны поступить в его распоряжение, он желает распределить по вашему указанию на дело святой унии. Он со спокойной совестью может лишить провинцию этих денег, поскольку провинция очень богата и получила от его семьи, как я уже писал, огромные средства. А наше дело унии так нуждается»².

Но и на этот раз затея митрополита провалилась. Доминиканские монахи не отпустили де Грейтера во Львов, так как были сами заинтересованы в получении наследства его отца.

Правда, бывало, что униатским иерархам «везло» в финансовых делах. Так, например, только за период деятельности Тита Войнаровского, который, по словам Л. Цегельского, был как бы министром финансов владыки и митрополии, в кассу греко-католической церкви поступили миллионные суммы за счет распродажи церковных земельных угодий. От-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2096, стр. 126—127.

² Там же стр. 123—125.

цы-униаты и буржуазные националисты утверждали, что Шептицкий эти деньги тратил на «национальные, религиозные и благотворительные организации во Львове и в крае»¹. Так ли это?

Одна из глав книги Л. Цегельского о святоюрском владыке называется «Основатель национального музея». «Наиболее значительным культурным делом митрополита,— пишет этот «исследователь»,— являются основание, организация и материальное обеспечение Украинского национального музея во Львове». Взволнованный до слез «благодеяниями» Шептицкого Цегельский патетически восклицает, что, если бы владыка ничего больше не сделал для украинского народа, «этот музей ставит его в один ряд с лучшими сынами Украины»².

В. И. Ленин, разоблачая связи клерикальных кругов с националистами всех мастей, указывал, что в годы разгула великодержавного черносотенного шовинизма верхушка либеральной буржуазии угнетаемой нации обычно выдвигает на одно из первых мест так называемый «национальный вопрос». Делая выписки из книги черносотенца С. Н. Щеголева «Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма» (Киев, 1912), В. И. Ленин поставил краткую, но очень многозначительную пометку: «В Львове основан церковно-археологический музей, который «Рада» называет «национальным» (украинским). Основатель — Андрей Шептицкий митрополит униатский, «вождь клерикальной партии в Галиции»³.

Вся дальнейшая история «национального музея имени митрополита Андрея Шептицкого» является ярким подтверждением выводов В. И. Ленина о том, что лозунг, требующий свободы «национальной культуры», клерикальное духовенство вместе с буржуазией использует в эпоху классовой борьбы для обмана народных масс. Об этом свидетельствует и пись-

¹ Лонгин Цегельский. Митрополит Андрей Шептицкий, стр. 40.

² Там же, стр. 31.

³ Ленинский сборник XXX. Партиздан ЦК ВКП(б), 1937, стр. 14—15.

мо униатского владыки австро-венгерскому наместнику Галиции в связи с открытием музея. Верный слуга австро-венгерской монархии писал, что музей открыт «в юбилейный год 60-летнего господства австрийского императора и короля венгерского Франца-Иосифа и в память о тех правах и свободах украинского народа в австрийском государстве, на основе которых он достиг значительной степени национального развития»¹.

Нетрудно видеть, что основание музея носило чисто демонстративный характер и было рассчитано на обман украинского народа, на раздувание шовинистического угара. К тому же, прикрывая свое предприятие вывеской «национальный музей», Шептицкий в действительности создал музей церковной старины с целью пропаганды религии, что еще раз разоблачает цели, которые ставил перед собой владыка.

История, искусство, культура — все освещалось в работах музея с религиозной точки зрения. Например, в 1923 году из восьми напечатанных музеем работ шесть представляли собой сугубо церковные исследования. В 1934 году главной была «работа» священника М. Кравчука «О жизни Иисуса Христа».

Заметим, что 150 тысяч крон, которые митрополит истратил на музей, он вернул с лихвой. Когда владыка возвратился из России, в 1917 году специально созданный «Комитет» собрал среди населения и вручил ему «на радостях» полмиллиона крон. Следовательно, расходы Шептицкого были перекрыты более чем в три раза!

Уместно здесь упомянуть и о том, что со дня своего основания музей пополнялся экспонатами и финансировался при самом активном участии широких кругов общественности. Богатой коллекции украинской живописи, различных культурных памятников он меньше всего обязан Шептицкому, а больше всего настойчивости, воле и таланту директора музея профессора И. Свенцицкого и его немногочисленных соратников. Именно они, живя впроголодь, стойко перенося лишения, сумели сохранить фонды музея.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 418, оп. 1, дело 83, стр. 267.

Трівкій ювілейний памятник.

ЗА ЗДВІННЕННЯ ШПІТАЛЮ ІМ. МИТРОНОЛАТА АНДРЕЯ ШЕЛІЦЬКОГО.

ДО ВСЬОГО УКРАЇНСЬКОГО ГРОМАДЯНСТВА

— Юлька! Юлька! — крикнул я вдруг, пытаясь, как она сказала без Юльки не вспомнить.

Такого впечатления оно было ЗДОРОВЬЕ ШПАЛЬЮ, утюг у Юльки. Старые тапочки, из подножки вымытой изолят, мокрый бельё, будто извержение магнитоизделий не испортило Юлькиного Юльки, та и карапузом Юльки.

Но позд, но утка изменила, из багета, за звон покидать, че я звіс, аммо не удача гравитации змінила відому: від звіс, від звіс ряб'ю не сміє відмінити листу на першому відмінний (зат любов), та починається складністю крилоди. Не пісні такове, но діареї Юльки буде заспокоїти забороненого пісні.

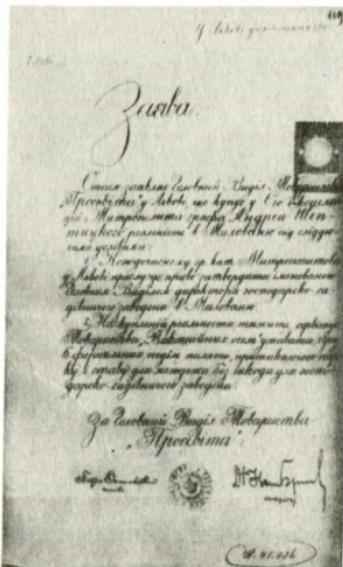
Дано у Мюні, Станиславої, Переносці в день 17. січня 1838 р.

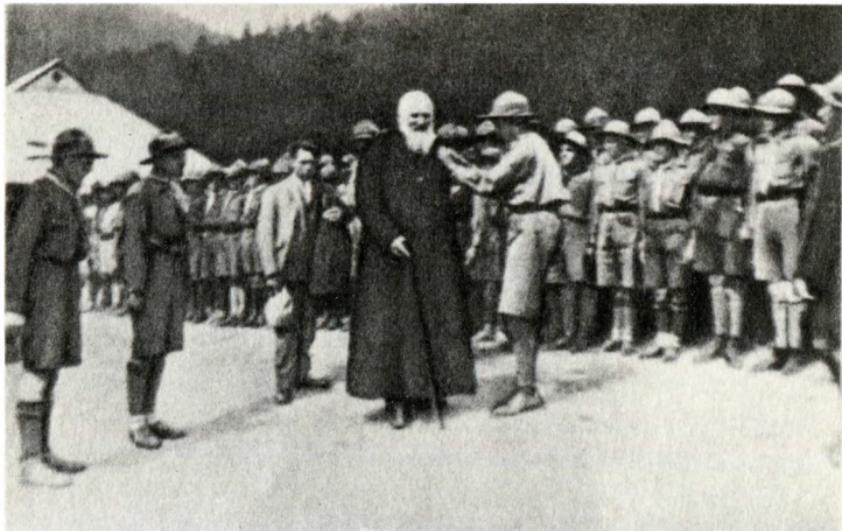
Журни переслати до Земського Банку Гівотччого (Львів, вул. Слов'янського ч. 14) а до
посольства буде зважати.

RECOMMENDED BY DOLBY STEREO.

Митрополит Шептицкий освящает знамя сичевых стрельцов. Под этим знаменем сичевые стрельцы помогали австро-немецким оккупантам топтать украинскую землю, грабить украинский народ.

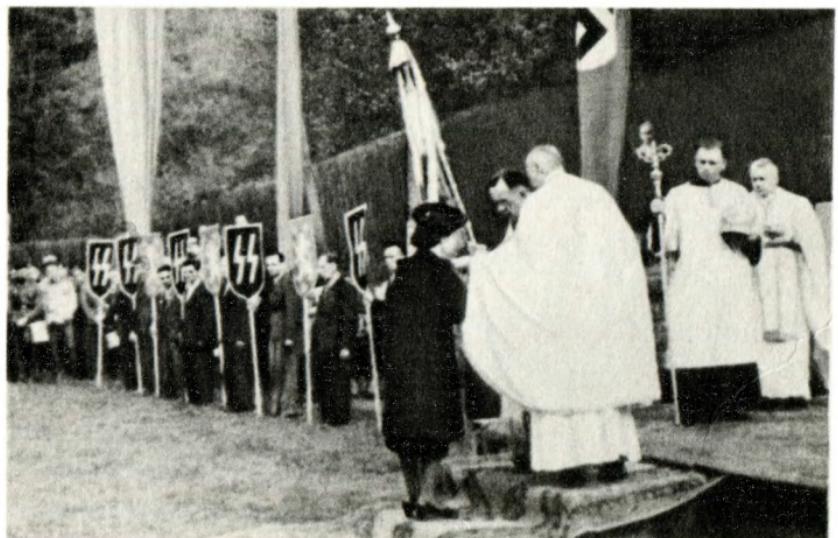
Обращение украинского епископата к народу Западной Украины о сборе пожертвований на строительство госпиталя им. Шептицкого. Позднее униаты утверждали, что госпиталь построен на средства Шептицкого.

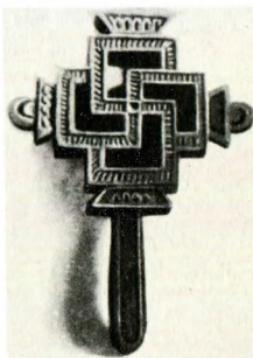
Шептицкий благословляет «молодых католиков» Украины. В ответ на благословение его награждают «Почетным знаком» фашистской свастики.

Вице-ректор духовной семинарии Василий Лаба совершает литургию перед добровольцами дивизии СС «Галичина».

«Трогательная» встреча военного преступника Франкá и униатского епископа Слипого.

Крест с фашистской свастикой посередине, которым униатские пастыри благословляли обманутую молодежь на братоубийственную войну.

Униатская стигматичка в момент вызванного самовнушением обморока. Ее поза соответствует позе распятого Христа.

Старые враги становятся друзьями.
Кардинал Слипый и архиепископ Бучко.

В созданную униатами дивизию СС «Галичина» приехал сам рейхсфюрер СС Гиммлер.

Все годы своего существования музей находился в тяжелом материальном положении. Служащие его получали мизерную зарплату. Один из них, А. Зеленский, жаловался в письме к Шептицкому: «На эту плату не могу прожить... И что, собственно, можно купить за эти деньги, как должен прокормиться? У меня упадок сил, хожу как тень; не имею сил даже ежедневную работу выполнять как следует»¹.

Чтобы выпутаться из долгов, оплатить самые необходимые расходы, Свенцицкий вынужден был сдавать помещение музея посторонним людям, закладывать музейные экспонаты и ежегодно унижаться перед Шептицким, выпрашивая займы.

В 1939 году Свенцицкий в своем отчете митрополиту писал, что на протяжении 35-летнего существования музея получал ежегодно от владыки 7400 золотых, в то время как ему было необходимо 1800 золотых ежемесячно. Особенно очевидна мизерность подачки митрополита на музей, если сравнить ее с его ассигнованиями на так называемую католическую прессу, которые только в 1933 году составляли 267 тысяч золотых. Только украинские буржуазные националисты и униатское духовенство могли считать их «княжьим даром».

Работая в таких тяжелых условиях, И. Свенцицкий мечтал о лучших временах. Он дважды побывал в Советском Союзе, выступал с докладом на конференции в Харькове. Возвратившись после одной из поездок в СССР во Львов и очутившись снова в затхлой атмосфере клерикального мракобесия и разгула национализма, Свенцицкий в статье «Кое-что о науке, литературе и искусстве Галицкой Украины за последние 40 лет» сумел подняться над националистическими измышлениями. Со всей откровенностью и прямотой ученого сравнивал он деятельность разных «народных институций» Западной Украины с бурным развитием науки, литературы и искусства в Советской Украине и сделал вывод, что так долго продолжаться не может, что скоро должны произойти перемены: «Тогда-то украинская книжка будет иметь сотни ротационных машин; научные книги

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 418, оп. 1, дело 103, стр. 67.

пойдут сотнями и тысячами, литературные — сотнями тысяч, а по искусству и музеям — тысячами. Будет тогда у нас своя украинская энциклопедия, свой хороший театр, большой концертный зал... Львовская и Киевская Академии наук, украинский национальный музей»¹.

Характерным примером иезуитского фарисейства святоюрского владыки является история со строительством «госпиталя имени митрополита Шептицкого». Ложь, будто этот госпиталь сооружен на деньги Шептицкого, кое-кто распространяет и ныне. А в действительности владыка отдал лишь несколько соток земли монастырского огорода. Это и был «княжий дар» митрополита. А деньги на госпиталь были собраны среди простого люда.

Строительство госпиталя, начавшееся в 1930 году, продолжалось вплоть до 1938 года. А после того как он был сооружен, начался новый сбор денег — на этот раз уже для лечения больных. Стоимость одной госпитальной койки была оценена в 8 тысяч американских долларов. Митрополичий орденариат оплачивал две койки для священников, а остальные девяносто восемь коек содержались за счет верующих². О каком же «великодушном даре» митрополита может идти речь!

Подобным же образом «помогал» Шептицкий и сиротам. После возвращения из России в 1917 году он принял делегацию украинской общественности, члены которой передали ему 312 тысяч крон на создание «фонда имени митрополита Шептицкого» для украинских сирот. Деньги собрали население, пострадавшее от войны. Чтобы помочь сиротам, люди отрывали от себя последнее. А что же Шептицкий? Поблагодарив делегацию за приношение, он в тот же день купил на эти деньги землю, доход от которой пошел в кассу греко-католической церкви.

А что можно сказать о деятельности Шептицкого на школьной ниве? Известно, что в монастырях по указанию митрополита были открыты школы, которые занимались «обучением» молодежи: юношей и

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 418, оп. 1, дело 83, стр. 389.

² «Львівські архиєпархіальні відомості», 1934, № 4, стр. 97.

девушек. О том, как «сладко», например, жилось воспитанницам, свидетельствует письмо директора одной из львовских гимназий в греко-католический ординариат с просьбой вникнуть в дела такой школы по улице Спортивной, 3. «Длительное время замечалось в школе неутешительное явление,— писал автор письма.— Упомянутые ученицы (то есть те, которые жили при монастыре.— В. Д.) часто болеют, плохо выглядят, грязно одеты...»

На вопросы опекунов класса, ученицы отвечали уклончиво, а в конце признались, что им приходится жить в очень тяжелых условиях».

Далее директор извещал, что по его инициативе школу посетила делегация учителей. Она наблюдала весьма печальную картину. Помещение отапливается через два-три дня. «Часть гимназисток живет вместе со служанками, которые позволяют себе высказывать оскорбительные и нецензурные замечания по адресу молодых девушек». Нет врача, бани, и девушки месяцами не мылись. Кормят их плохо. «Если условия останутся такими же,— подводил итог автор письма,— дирекция будет вынуждена запретить гимназисткам проживать там»¹.

Но Шептицкого все это мало трогало. Если он и проявлял интерес к монастырским школам, то только на словах.

Униатские священники и украинские буржуазные националисты, на разные голоса прославляя митрополита, утверждают, что он всегда был покровителем художников и писателей, ценителем искусств. Богослов Ю. Дзерович растроганно писал: «...такой могучий художественный талант, как Новаковский, воспитанник Krakowskoy akademii искусств, только благодаря стараниям митрополита служит нашей украинской нации»².

Новаковский... Это имя заставляет перелистать страницы биографии известного украинского художника, которые дополняют новыми штрихами облик Шептицкого. А жизнь Алексея Новаковского в действительности была очень трудной. В одном из

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2531, стр. 44—45.

² «Богословие». Львів, 1926, стр. 66.

писем Шептицкому он заявлял: «О нормальных условиях творчества не может быть и речи... Со временем академии я никогда не имел финансовой и материальной возможности для творчества... Много сил и здоровья пропало безвозвратно не только из-за нехватки моделей, красок, соответствующей работы, невозможности выезда на лоно природы, нехватки учебников, необходимой литературы, музейной помощи и т. д., а просто в связи с недостатком средств на удовлетворение самых насущных жизненных потребностей. Не здоровья мне, однако, жаль, а бесполезно потраченных десятков лет, потерянных возможностей для работы и той трагической убежденности, что я не сделал и десятой доли того, что мог бы сделать при наличии нормальных условий для работы. Эту трагедию я продолжаю переживать ежедневно. Чувствую в себе силы для работы и необходимость в ней, но не имею возможности для этого»¹.

Позже Новаковский попал в полную материальную зависимость от Шептицкого и по его заказу рисовал картины богословского содержания, портреты самого владыки и епископов греко-католической церкви. Задавленный нуждой, вынужденный ради куска хлеба выполнять заказы митрополичьего двора, Новаковский так и не смог до конца своих дней вырваться из ловко сплетенной Шептицким паутины. За пять лет до смерти художника его друг, учитель Коломыйской гимназии Дмитрий Николишин, набравшись смелости, написал митрополиту письмо полное укоров и горечи: «Меня очень расстроила печальная ситуация... Душа кричит: твори, твори, заканчивай старое и начинай новое, а тут нет на краски... Ба, не то что на краски, на обед...»

Далее Дмитрий Николишин извещал, что жена Новаковского жаловалась в одном из своих писем: «Прошу поверить, что умираем с голоду — я как-то еще держусь, а детям грозит туберкулез... Долгов и расходов много, а дохода нет»².

И это происходило в то время, когда десятки кар-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 311, стр. 85.

² Там же, стр. 15—17.

тин Новаковского лежали в кладовых владыки и за каждую из них художнику были заплачены копейки.

После смерти жены Новаковский, чтобы как-то выпутаться из тяжелого материального положения, выпросил у Шептицкого разрешение поселиться в доме, принадлежавшем музею. Через некоторое время униатский орденариат предъявил Новаковскому счет на 8570 золотых за наем помещения. Заплатить такую огромную сумму он, конечно, не мог. Тогда дело передали в суд. Слуги митрополита устроили над больным художником позорное судилище.

В расправе над Новаковским активное участие принимал ректор духовной академии, нынешний кардинал Иосиф Слипый. На заседании надзорного совета музея, в состав которого входил Слипый, 28 июля 1934 года было принято решение о выселении семьи художника из помещения. На просьбы Новаковского дать ему время найти помещение ответили отказом. Жестокая расправа над морально угнетенным художником ускорила его смерть. Вот так «по-отцовски» отплатил «меценат» Шептицкий художнику А. Новаковскому за его многолетний труд для церкви.

Только в годы Советской власти творчество Новаковского получило широкую популярность среди украинского народа. Его картины выставлены в залах Государственного музея украинского искусства во Львове. Именем художника названа одна из львовских улиц.

Еще красноречивей фарисейство митрополита Шептицкого и его окружения проявилось по отношению к безработным. В пастирском послании «Поможем безработным» Шептицкий жаловался, что многие обращаются к нему за помощью: «Те, кто просят, ссылаются при этом на евангельскую заповедь: «Просите и дадут вам». Когда с такой надеждой обращаются к людям, ошибаются. Эти слова просьбы относятся не к людям, а к молитве, к Богу. О людях по-другому сказано в святом письме: «Не надейся на князей, на сынов человеческих, ибо у них нет спасения». Это ли не лицемерие! Это ли не фарисейство!

Вместо конкретной помощи Шептицкий дает безработным совет — почаще посещать божьи храмы, а священникам предлагает поставить в каждой церкви на видном месте поднос, куда верующие (те самые безработные) будут кладть золотые. Собранные таким образом деньги следует раздавать тем, кто имеет в них особую нужду. Заканчивается послание словами: «Христианин должен использовать свободу безработицы для молитвы и молитвой выпрашивать помочь на жизнь»¹.

Даже секретарь Шептицкого Гродский оставил по поводу этого послания запись: «...в Архиепархиальных ведомостях есть несколько таких указаний, что если бы их поместил юмористический журнал «Комар», никто бы не догадался, что это... текст митрополита...»².

Получая громадные доходы, Шептицкий проявлял неимоверную скучность, когда вопрос касался помощи прихожанам. Он старался, как правило, от делаться небольшой подачкой. Сохранились десятки документов, где рукой митрополита указано, сколько следует выдать просителю. Так, на прошении о помощи погорельцам села Грабовцы рукой владыки написано: «50 золотых». Следовательно, на каждого погорельца приходилось по одному золотому. Вот она щедрость митрополичья!

В палате владыки велась книга учета денег, которые «князь» греко-католической церкви выдал просителям. Именно эта милостыня (ибо подачки от одного до пяти золотых иначе нельзя назвать) и дала повод униатскому духовенству и украинским буржуазным националистам восхвалять заслуги Шептицкого как «благодетеля».

Но обман всегда всплывает наружу. В черные годы клерикального и националистического засилья находились люди, которые разоблачали лицемерие владыки. Так, неизвестный поэт послал Шептицкому язвительные строки под названием «В альбом А. Ш.»:

¹ «Львівські архиєпархиальні відомості», 1934, № 9, стр. 187.

² ЦГІА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2397, стр. 15.

Как долго ты, владыка, на престоле,
так долго наш народ в тяжкой неволе.

Поэт с гневом писал, что Шептицкий, вместо того чтобы отстаивать интересы народа, «подчинению учит раба»¹.

Интересно в этом отношении признание епископа И. Бучко, который в 1931 году в связи с празднованием тридцатилетнего пребывания Шептицкого на митрополичьем престоле писал: «А сколько натерпелся в своем юбилейном году сам достойный юбиляр?.. На юбилия посыпалось столько напастей со стороны враждебной прессы, столько наговоров, столько клеветы! Самые благородные его почины закидали грязью. Его портрет порван и сожжен публично при издевательствах распоясавшейся толпы»².

Так по праву оценивал народ «отцовскую» заботу иезуита графа Шептицкого.

Дела «чудотворные»

По утверждению богословов, христианство является единобожной религией. Но в действительности это далеко не так. В самом деле, наряду с триединным Богом (Бог — Отец, Бог — Сын, Бог — Дух Святой) и Богородицей, христиане признают множество так называемых «святых», то есть лиц, которые своей преданностью Господу удостоились быть посредниками между Богом и людьми, обрести посмертный дар чудотворения. Поклоняясь «святым», верующий ожидает их сверхъестественного вмешательства, защиты перед лицом Господа. Он верит им, связывает с ними все свои надежды.

Греко-католическая церковь помимо общехристианских имела своего собственного «святого» — Иосафата Кунцевича³. О деятельности Кунцевича на стезе Полоцкого епископа, о его позорной смерти от

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 1, дело 5877, стр. 2.

² «Львівськіє епархіальні відомості», 1931, № 1, стр. 1—2.

³ Полоцко-Витебский греко-католический архиепископ, (1617—1623 годы). См. «Наука и религия», 1963, № 1.

рук своих же прихожан, а также о том, как Ватикан и духовенство использовали его имя на протяжении трех с половиной столетий для пропаганды унии на Украине, писалось уже неоднократно.

Мы остановимся на событиях не очень давних, на некоторых «чудесах», к которым прибегало униатское духовенство в тридцатых годах, когда буржуазно-помещичья Польша содрогалась от массовых забастовок, а Шептицкий, с тревогой наблюдая за растущей революционной активностью масс в Западной Украине, в одном из писем в Берлин к папскому визитатору¹ Петру Вергуну писал: «У нас во всем крае пропаганда большевиков с каждым днем распространяется все больше. Реально растет опасность большевистского переворота»².

Революционную борьбу западноукраинских рабочих и крестьян не могли остановить ни террор пилсудчиков, ни провокации и демагогия украинских, польских и еврейских буржуазных националистов. Тогда на помощь буржуазному правительству пришло греко-католическое духовенство. Оно приложило немало усилий к тому, чтобы, разжигая религиозный фанатизм, отвлечь внимание трудящихся от освободительного движения. На землях Западной Украины в широком ассортименте начали появляться «обновленные» иконы, кресты, нашлись даже свои собственные униатские стигматики, то есть люди, «которые имели на теле раны, подобные ранам распятого Христа». Как уверяли верующих их пастыри, бог наделил стигматиков даром «предсказывать» будущее, «исцелять» больных и творить много других «чудес».

Об одной из таких стигматичек Шептицкий писал игуменье монастыря василианок в Канаду: «У нас очень плохо, и все больше распространяется большевистская пропаганда, посылаю вам один экземпляр моего последнего послания против коммунизма. В монастырях, однако, имеем очень святые души. Знаете уже, вероятно, о нашей стигматичке, кажется, нет сомнения, что эта душа избрана богом и рас-

¹ Визитатор — папский уполномоченный.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2306, стр. 73.

пространяет на весь чин большую божью благодать»¹.

Шептицкий не назвал имени этой «чудотворицы», но, сравнив документы и даты, можно прийти к выводу, что он имел в виду одну из первых униатских стигматичек Евстахию Бохняк, о которой церковнослужители распространяли всевозможные не-былицы. От приглашений отцов-настоятелей приехать в парофию «наставить и укрепить» в вере прихожан у Бохняк отбою не было. Она с удовольствием разъезжала по Львовщине и Прикарпатью, выполняя заказы духовенства. В награду за свою «работу» Евстахия получала щедрые пожертвования крестьян.

Среди греко-католических слуг божьих, которые надеялись с помощью «святой» поправить свои дела, был и священник из села Стоянова на Радеховщине Дмитрий Шуль, о котором говорилось выше. У Шуля были на то особые основания. Ведь положение в Стоянове создалось сложное.

В тридцатые годы, несмотря на разгул фашистского террора пилсудчиков, в селах активно действовали подпольные коммунистические и комсомольские организации. Подпольщики имели значительное влияние на крестьян Стоянова, разоблачали предательскую деятельность украинских буржуазных националистов, вели антирелигиозную пропаганду, распространяли прогрессивную литературу.

В условиях обостренной классовой борьбы все усилия Шуля, направленные на то, чтобы привить прихожанам любовь к господу богу и его служителям, терпели неудачи. Когда не хватало слов, пастырь пускал в ход кулаки. Так, в одной из многочисленных жалоб крестьяне подробно рассказывали о том, как Шуль избил верующего. По этому поводу юмористический журнал «Комар» 4 октября 1936 года писал, что стояновскому пастырю мало слова божьего, «поэтому учит парафиян обычной палкой». Приняв во внимание физическую силу отца-униата и его «любвеобильные пастырские методы», «Комар» наградил Шуля шутовской медалью.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2306, стр. 138.

Многие крестьяне под влиянием атеистической пропаганды коммунистов и комсомольцев порывали с религией. Даже в большие праздники церковь посещало не более 20—30 человек, да и то в основном пожилого возраста. Кошелек Шуля пустел. Перепуганный «отец» возложил все свои надежды на «чудо» и пригласил Евстахию Бохняк.

О «торжественных» минутах пребывания Бохняк в Стоянове сохранились весьма интересные воспоминания очевидцев и пояснения Шуля Шептицкому о постигшей его неудаче.

Чтобы собрать побольше людей, Шуль вывесил афишу о том, что в Стоянов приедет украинская стигматичка, которая исцеляет больных и творит другие чудеса. В тот день к церкви пришло немало селян. Кроме стояновцев прибыли жители и близлежащих сел с больными и калеками. Люди хотели собственными глазами увидеть «чудеса» Бохняк. И вот представление началось. Священники дали знак, и крепкие хлопцы, подняв носилки, на которых возлежала Бохняк, под церковный перезвон направились к церкви. Вслед за ними в церковь ворвалась толпа юродствующих женщин. Места всем не хватило. Под натиском толпы упал иконостас. Часть верующих стала пробиваться к выходу, поднялась паника. Из толпы доносились стоны женщин, плач детей.

А священников интересовало одно: сбор денег. Они бубнили о «чудесах» святой, обходя с тарелками своих пасомых.

После того как деньги были собраны, «чудотворицу» на носилках обнесли вокруг церкви и она трижды благословила толпу: «Мир вам». На этом, собственно, и закончилось «явление Стаси Бохняк народу». Никаких чудес, а тем более исцеления больных, не произошло, если не считать «чудом» того, что круглая сумма золотых исчезла в бездонных карманах униатских пастырей. Визит «святой» в Стоянов не укрепил веры, как надеялся Шуль, а, наоборот, еще больше ослабил ее.

Невзирая на провал подобных «чудес», один из их организаторов, доктор богословия Чехович, посыпал Шептицкому длинные письма с новыми прожек-

тами. Он выдвигал новые идеи «ради поднятия христианской веры и укрепления авторитета церкви». Опытный иезуит предлагал, в частности, покончить с кустарницей в фабриковании «чудес». Завидуя своим французским коллегам, которые «изобрели Лурд»¹, Чехович убеждал Шептицкого: «Изучая сверхъестественные явления среди украинского народа, я пришел к выводу, что самое главное — это строительство Чайковичей наподобие Лурда... наши Чайковичи своей сверхъестественной силой и славой превзойдут французский Лурд».

Перспектива «создать» собственный Лурд, который к тому же еще и затмевал бы французский, не привлекла, однако, Шептицкого. Как выяснилось позже, Шептицкий просто боялся новых скандалов с «чудесами».

А их было немало. Газеты печатали статьи, в которых высмеивали «чудеса» униатской стигматички. Шептицкий вынужден был создать специальную «авторитетную» комиссию, которая бы освидетельствовала новоустановленную «чудотворицу». Эта «чрезвычайная комиссия», на заседании под председательством владыки, вынуждена была признать, что «при всей благожелательности к Евстахии Бохняк» «в явлениях, связанных с ее личностью, нет ничего чудесного»².

Сам Шептицкий в письме к епископу Наряди в Югославию обо всей этой неприглядной истории с сожалением писал: «Комиссия богословов, призванная изучить случаи известной вашей эксцепленции Стешки Бохняк, на основании выводов врачей и сестер василианок, которые почти две недели без перерыва наблюдали за Стешкой, пришла к заключению, что это случай сознательного или несознательного обмана со стороны Стешки...»³

Чтобы отмежеваться от авантюристки, митрополит приказал выселить ее из жилого дома, принадлежавшего церкви св. Юра. 18 июля 1939 года он

¹ Лурд — небольшой городок на юге Франции, центр религиозного паломничества католиков.

² ЦГИА УССР во Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 529, стр. 165—166.

³ Там же, дело 2306, стр. 158.

подписал специальное распоряжение, в котором запретил всем священникам под страхом канонического наказания приглашать в свою паффию Евстахию Бохняк или помогать ей в поездках по краю.

Таким образом, Шептицкий письменно еще раз подтвердил, что отцы-униаты долгие годы обманывали верующих и все «чудесные» видения, «обновление» икон, «позолочение» крестов, «исцеление» больных, которые приписывались Евстахии Бохняк и другим стигматичкам, были надувательством доверчивых людей.

Казалось бы, что после такого конфуза рассудительный владыка откажется от мысли об инспирации «чудес». Но нет. Как свидетельствуют архивные документы, митрополит и его смиренные душпастыри в то время готовили к канонизации нового униатского «святого». На этот раз к кандидату в «святые» предъявляли очень серьезные требования. Выбор владыки пал на Леонида Федорова. Шептицкого не остановило то, что Федоров был русским и его кандидатуру могли не поддержать украинские буржуазные националисты. Митрополит не беспокоился — с ними он всегда находил общий язык.

В 1935 году Шептицкий в письме к своему брату, игумену студитского монастыря в Уневе, приказывал, чтобы монахи упоминали в своих молитвах имя Федорова: «Нет ни малейшего сомнения, что он будет для наших монахов могучим покровителем в небе, отдав жизнь за святую веру. Монахи обязаны окружить его память благочестием... Не сомневаюсь, что все, кто этой работой занимаются (то есть распространением унии.— В. Д.), будут его считать в душе своим покровителем. Сам святой отец, как только представится возможность, захочет его прославить, поэтому нам надо делать все возможное, чтобы подвести дело к этому»¹.

Таково было первое официальное указание о подготовке к канонизации нового униатского святого. Наставляя монахов, Шептицкий надеялся на их опыт в фальсификации различного рода «чудес». Но он ошибся. Монахи далее обычных «обновлений» икон

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2306, стр. 36.

и разных «пророческих слов» не шли, поэтому властыке пришлось подстегнуть их фантазию. В одном из писем, извещая о «мученической» смерти Федорова за греко-католическую церковь, он высказал надежду, что «бог прославит его чудесами, ибо уже теперь некоторые люди убедились в его могучей опеке перед господом богом. Он будет могучим защитником вашей работы и каждую минуту будет вам помогать. Поручаю вам усиленно просить бога о его прославлении. Фотографии получите в свое время. Теперь их делаем. Пусть бог благословит»¹.

После такой подсказки монахи и монахини сразу поняли, что от них требуется. В женских монастырях стали происходить различные «чудеса». Одна из монашек немедленно «исцелилась» после молитвы новому «заступнику божьему», другой, сам кандидат в «святые», «явился» прямо в часовне.

С требованием почитать Федорова как святого греко-католической церкви Шептицкий обратился к некой Стефании Соломон, проживавшей тогда во Франции. «Если нужно чудо для исцеления одной из ваших сестер,— писал ей митрополит,— просите об этом чуде нашего мученика Леонида Федорова, экзарха католической русской церкви... Очень прошу молиться о нем. Это послужило бы делу приобщения к нам России и Большой Украины...»²

Подготовка к причислению к «святым» Леонида Федорова держалась в секрете. Духовенство пока еще молчало «о чудесах» нового униатского «святого». Вероятно, Шептицкий хотел выждать и подобрать удобный момент, чтобы предать огласке «ниспосланное богом благодеяние».

Спустя некоторое время «объявились» столько «чудес», что уже можно было приступить к их соответствующему «оформлению». С этой целью Шептицкий направляет советника и референта митрополичьей консистории Василия Томовича в монастырь василианок. Томович должен был подтвердить документами все «чудеса» и «исцеления», сфабрикованные монахинями.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2306, стр. 56.

² Там же, стр. 60.

Завершить канонизацию нового «святого» помешал освободительный поход Красной Армии на земли Западной Украины осенью 1939 года. В новых условиях вопрос о «святыости» Федорова отошел на задний план. У отцов- униатов появились другие заботы. О Федорове Шептицкий вспомнил лишь на второй год немецкой оккупации. В мае 1942 года епархиальный синод униатской церкви в разделе декрета о «почитании святых» поручил духовенству и верующим прославлять «чудесами и молитвами» Федорова, чтобы вписать его в «каталоги блаженных и святых». Но и на этот раз ввести Федорова в пантеон святых не удалось. Помешала неблагоприятная для фашистов обстановка на фронте. Намерение создать нового униатского святого так и осталось неосуществленным.

Одновременно с подготовкой к «прославлению» Федорова Шептицкий задумал еще ряд подобных «мероприятий». Митрополит прекрасно понимал, что без постоянного подогрева религиозных чувств разного рода «чудесами» и «исцелениями» вера в сверхъестественные силы заглохнет, а с ней исчезнут и церковные доходы.

Но крупным «чудесам» уже не суждено было осуществиться. Жизнь, властно вторгаясь в замыслы и планы Шептицкого, ломала их. Они так и оставались несбыточными. Время «чудес» уходило навсегда.

Суфраганские раздоры

История греко-католической церкви печально известна тайной борьбой за выгодные должности, богатые приходы. Раздоры между духовенством не прекращались ни на один день. Во время междоусобиц возникали заговоры, были и победители, были и поверженные во прах. Митрополичья консистория больше напоминала двор царька, чем место пребывания подвижника,бросившего грешный мир ради служения Богу.

Однако интриги, провокации и злоупотребления униатского духовенства не получали в народе огласки, так как отцы духовные были связаны между со-

бой так называемой «ротой присяги» — клятвой, которую давали греко-католические священники, прежде чем занять соответствующую должность. Священник, осмелившийся нарушить «роту присяги», подлежал суровому церковному суду и наказанию. Страх лишиться доверия владыки и впасть в немилость заставлял молчать даже наиболее свободных и своенравных пастырей.

Непосредственным исполнителем и свидетелем многих интриг в вотчине Шептицкого был его много летний личный секретарь, монах-vasiliianin Иосиф Гродский. Сохранились его дневники, которые приподнимают завесу над некоторыми тайнами львовской греко-католической епархии. Дневники эти проникнуты духом осуждения униатского клира, верхушки ордена василиан за их выступления против Шептицкого. Преданный слуга митрополита, Гродский не хотел понять, что владыка стал жертвой иезуитских интриг, которыми сам занимался всю свою жизнь.

Выходец из низов народа, Гродский в своих записках против собственной воли разоблачил лицемерие и продажность униатского духовенства. Со здоровым крестьянским юмором рассказывает он, в частности, как Шептицкий и его сторонники выбирали суффрагана¹. После смерти владыки суффраган, как правило, занимал его место. Естественно, на эту должность было немало претендентов. Шептицкий из кожи лез вон, чтобы сделать своим наследником родного брата Климентия, игумена монастыря студитов. Однако римская курия отклонила его кандидатуру. Шептицкому не к лицу было просить вторично за своего брата. За него это сделала львовская капитула². Униатские деятели вместе с Шептицким составили такой список кандидатов, чтобы заставить Рим согласиться на кандидатуру Климентия. В список был внесен, например, Бачинский, которому было уже девяносто лет, а вместе с ним и другие лица, явно не удовлетворявшие святой престол. Но когда папский нунций в

¹ Суффраган — епископ без епархии, помощник митрополита, с правом наследования митрополичьего престола.

² Совещательный орган при епископе, состоящий из священнослужителей.

Варшаве Ляври прочитал список, он откинул его в сторону и воскликнул: «Хватит уже с нас Шептицких».

Неудача заставила искать других кандидатов. Наиболее подходящими казались игумен василианского монастыря Галущинский, ректор малой семинарии Бучко и ректор духовной академии Слипый. Описывая возню вокруг кресла помощника митрополита, Гродский делает вывод: «Следовательно, мы видим, что речь шла о выборе не способного кандидата в руководители, а только такого, который не высказывал бы собственных взглядов...»¹

Что и говорить, характеристика Галущинскому, Бучко и Слипому дана весьма исчерпывающая!

После длительной борьбы помощником митрополита Шептицкого был назначен епископ Иван Бучко. Суффраганские раздоры Гродский описал во всех подробностях: «Посвящение д-ра Бучко произошло в Риме во время собора всех украинских иерархов. Варшавский нунций в то время уже был кардиналом в Риме. Он почему-то был обижен на митрополита Андрея (может, потому, что митрополит не дал обеда в его честь, когда он наносил ему визит). Кардинал Ляври давал новому суффрагану епископу Иоанну многочисленные указания. Говорил о необходимости... наблюдать за деятельностью митрополита и обо всем доносить в Рим. А за это обещал, что после смерти митрополита займет его место...»²

Узнав оговоре кардинала Ляври с Иваном Бучко, Шептицкий перестал ему доверять. Чтобы обезопасить себя, он начал искать информаторов среди приближенных суффрагана. «Сам митрополит,— писал Гродский,— который был возмущен кардиналом Ляври, пошел по его следам. Сказал ректору малой семинарии о. Перридону, чтобы ему доносил обо всем, что епископ Иоанн пишет в Рим. Шептицкий ожидал доносов на себя. Отец Перридон поддерживал дружеские отношения с епископом Иоанном, и митрополит надеялся, что его помощник будет откровенен с о. Перридоном».

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2351, стр. 5.

² Там же.

Имея свой глаз и свое ухо возле Бучко, Шептицкий успокоился. Но, на беду, бельгийский подданный Перридон, желая сделать карьеру, задумал построить на площади возле собора св. Юра помещение для семинарии. Шептицкий был против этого строительства. Имея в руках козырь — тайное поручение Шептицкого следить за Бучко, Перридон продолжал настаивать на своем. В результате, как писал Гродский, «Перридон потерял доверие... Митрополит снял его с ректорства, а на его место назначил отца д-ра Глинку. И тогда Перридон, задетый за живое, рассказал епископу Иоанну о том поручении, которое имел от митрополита, и эти показания дал под присягой. Митрополит же утверждал, что никогда таких поручений отцу Перридону не давал. «Подумай сам,— сказал он мне,— мог бы я такому дураку, как Перридон... поручить такое дело?» «Это довольно правдоподобно,— делает вывод Гродский,— однако нельзя предположить, чтобы о. Перридон давал ложную присягу»¹.

Со временем вражда и недоверие между Шептицким и его помощником епископом Бучко углублялись все больше. Так, в письме от 15 мая 1934 года митрополит на четырех страницах обвиняет суфрагана в том, что тот «самовольно решает дела». Бучко в свою очередь с презрением отзывался о владыке как о человеке, который в «старческом неразумном упрямстве» не дает ему «развить необходимую для епархии деятельность».

Обвинение в том, что Шептицкий препятствует развитию греко-католической церкви, вывело митрополита из равновесия. Отныне не могло быть и речи о каком-либо примирении. Приближалась развязка. И она наступила после отъезда папского визитатора Гудечко, который приезжал во Львов проверять жалобы на отцов- униатов, а также имел поручение выяснить причины раздора между митрополитом и его помощником.

Проводив визитатора, Шептицкий начал настоящее следствие, но не против тех униатов, которые

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2351, стр. 6.

провинились, а против тех, кто написал донос Гудечко об этих провинившихся. Владыка составил письмо, содержащее шестнадцать вопросов, которое разослал всем, кого вызывал визитатор. Того, кто не ответил хотя бы на один пункт, митрополит мог считать клеветником. Такое письмо получил и Бучко. Шептицкий имел все основания подозревать, что о порядках во львовской архиепархии мог донести Ватикану только его помощник.

Епископ Бучко действительно оказался в затруднительном положении. В то время как другие священнослужители быстро сориентировались, сообразив, что визитатор уже далеко, а карающая десница митрополита может их настичь в любую минуту, и написали ответы, Бучко этого не мог сделать. Признавшись владыке в том, что доносы в Рим писал он, суфраган утратил бы среди духовенства авторитет. Он явно растерялся, но пытался выкрутиться, уклониться от ответа.

Занимая одну из высших должностей во львовской епархии, Бучко хорошо знал все ее тайны. Именно поэтому его подробный отчет в Ватикан и вызвал бурную реакцию у опытного интригана Шептицкого. Владыка прекрасно понимал, что, пытаясь скомпрометировать его в глазах римской курии, Бучко заботился в первую очередь о своих личных интересах. К этому методу Шептицкий и сам неоднократно прибегал во время борьбы за власть. Вместе с тем в руках митрополита были свои козыри. Он знал, например, что Бучко довольно часто наезжал к священнику Максимилиану Коверко, который имел приход в селе Бродках. Визиты эти приходились, как правило, на то время, когда самого Коверко не было дома, и епископ мог без помех развлекаться в обществе красивой попадьи. Как водится в таких случаях, последним об истинной цели частых заездов Бучко в такую скромную парфию, как Бродки, узнал сам Коверко, но ловкий отец суфраган сумел это дело как-то замять.

Были за Бучко и другие грешки, поэтому Шептицкому несложно было приструнить его. Не прошло и полугода после отъезда апостольского визитатора, как от гонора Бучко не осталось и следа. Он начал

просить владыку забыть о прежних раздорах. Однако Шептицкий был неумолим.

12 августа 1935 года митрополит написал Бучко: «В последнем своем письме упоминаете о «недоразумениях», которые желали бы любой ценой ликвидировать или уладить по-хорошему. В ваших руках возможность это сделать, но необходимо, чтобы вы, прежде всего, выполнили весьма неприятную обязанность и отзовали все доносы и сплетни, которые написаны против меня и духовенства в ваших письмах в Рим и апостольскому визитатору и которые по-богословски нельзя называть иначе, как словом «клевета»¹.

Как ни изворачивался Бучко, но наступил день, когда он понял, что выхода нет и необходимо ответить на все вопросы, поставленные Шептицким. Письмо суфрагана открывает неприглядную картину обычаев духовенства. Ближайший помощник Шептицкого без прикрас написал о вымогательстве и жадности некоторых священников и отцов-клиришан. Так, Бучко упоминал, что збаржский и новосельский декан² Теофил Копистянский брал слишком высокую плату за пастырские функции, присвоил деньги от продажи церковных земель. Среди верующих он был известен больше как «финансминистр» (бизнесмен), чем священник.

Доверенный человек Шептицкого — советник и референт митрополичьей консистории Василий Томович самовольно брал деньги из кассы кафедрального храма, нажился при продаже земли, принадлежавшей церкви св. пятницы во Львове. Вместе с другим советником митрополичьей консистории Александром Ковалевским Томович брал взятки при распределении пастырских отличий, выгодных парафий и должностей. Бучко отмечал, что, по рассказам священников, «протекции отцов Томовича и Ковалевского людям, духовно и морально ничтожным, имели

---

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 1-а, дело 3176, стр. 237.

² Священник, под надзором которого находится несколько парафий.

решающее значение при получении отличий и должностей»¹.

Достаточно было священнику, который хотел получить хорошую парафию, обратиться к «всемогущему» о. Томовичу с «подношением», то есть купить его любимые папиросы «Кабаносы», положив в коробку 50 долларов, и можно было считать успех обеспеченным. Много «важных» вопросов Томович и Ковальский решали в ресторанах «Жорж» или «Централка». Ходили слухи о мздоимстве и таких авторитетов греко-католической церкви, как Бачинский и Дорожинский.

После откровенного признания Бучко отношения между митрополитом и суффраганом немного улучшились. Но это было затишье перед бурей. Бучко прежде всего мечтал расквитаться с Перридоном за предательство. Улучив момент, когда Шептицкий отдыхал в Поддютном, он связался с польскими властями и добился выдворения бельгийского монаха за пределы Польши.

Возвратившись на родину, в Роттердам, Перридон послал Шептицкому письмо, в котором жаловался, что стал жертвой интриг. Митрополит послал письменный запрос суффрагану. Бучко ответил, что ему ничего не известно о деле бельгийского монаха.

Однако владыку нелегко было обмануть. Он знал, чьих рук это дело. И теперь уже Шептицкий решил избавиться от непокорного епископа. Униатские пастыри, сориентировавшись в обстановке, начали бойкотировать Бучко. Его жизнь стала невыносимой. Только настоятель греко-католической церкви в Вене Мирон Горнякевич на правах старого приятеля Шептицкого осмелился выступить в защиту суффрагана. «В частности, что касается дела епископа Ивана, с которым я много и долго говорил,— писал он митрополиту,— у меня сложилось впечатление, что его трагедия началась тогда, когда он по своей молодости и неопытности дал себя втянуть в роль какого-то агента Рима, а в силу своей горячности не смог разобраться в практической жизни... отличить вещи боль-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 1-а, дело 3176, стр. 235.

щие и серьезные от мелочей, на которые, хоть они нам порой и не нравятся и противны, часто следует смотреть «сквозь пальцы» ради большого добра и святого покоя»¹.

Однако Шептицкий был непреклонен. Он продолжал преследовать своего помощника.

Когда доведенный до отчаяния Бучко спросил одного из каноников, почему с ним так несправедливо обращаются, тот лицемерно ответил, что «священники выступают в защиту митрополита». Повествуя об этом, Гродский с горечью писал: «Уже четвертый год как митрополит — калека... его окружают двурушники... потакают его делам или начинаниям, а за спиной, в тесных кругах, говорят совсем другое»².

Браждовал Шептицкий и с монахами-vasiliанами, которые подчас выступали с резкими обличениями митрополита. В одном из анонимных писем, полученных владыкой, монах-vasiliанин призывал митрополита «выбросить из сердца своего пустую дьявольскую амбицию, кроме которой у вас до сих пор ничего святого не было, а вместо нее получить от бога совесть и честь священника, о которых вы — с тех пор, как стали епископом — и знать не хотите. Дай-то боже, чтобы вы перестали обманывать мир и бога, себя и людей. Будьте уверены, что так же, как вы... других обманываете, так и вас обманывают все ваши политические и неполитические приятели». Далее аноним откровенно писал, какое мнение о деятельности владыки сложилось у vasiliан: «Митрополит Шептицкий — это дикий осел; если хотите, чтобы он шел вперед, то должны его, как осла, за хвост тянуть назад, и наоборот»³.

Прежде чем закончить эту главу, где мы кратко рассмотрели только некоторые моменты распрай между Шептицким и подчиненным ему духовенством, напомним, что ныне греко-католические священники и монахи-vasiliане в Западной Европе и

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, дело 358, оп. 1, дело 242, стр. 163.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2397, стр. 14—15.

³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2534, стр. 84—85.

Канаде тщательно скрывают от верующих правду о былых конфликтах. Они хорошо понимают, что, лишив «князя» униатской церкви ореола святости, тем самым развенчивают миф о «высокой морали» и «святых» делах униатских иерархов. Поэтому они всеми правдами и неправдами стремятся прославить Шептицкого.

Даже архиепископ Бучко, у которого есть все основания таить злобу на Шептицкого, сейчас словно забыл о своей долголетней вражде с владыкой и выступает одним из самых ревностных проповедников его культа. В 1955 году экс-суффраган скомпоновал краткую биографию львовского митрополита, в которой с иезуитским лицемерием на правах человека, «имевшего счастье» лично знать Шептицкого, дал ему такую характеристику: «Своей жизнью постоянно был образцом высоких христианских добродетелей и как покорный, глубоковерующий монах, и как энергичный миссионер — проповедник, и как автор глубоко аскетических произведений, и как добрый, наилучший пастырь, опекун обиженных вдов и сирот, отец украинской науки и искусства»¹.

Бучко сознательно извращает факты биографии владыки, ибо видит главную цель в подготовке беатификации² митрополита. Для этой же цели отцы-униаты начали распространять за границей листовки, в которых недвусмысленно писали: «...кто получит милость или чудо с помощью божьего слуги Андрея Шептицкого, пусть сообщит».

Беатификация галицийского владыки — еще одна грязная страница истории греко-католической церкви.

Осиное гнездо

С целью подготовки преданных Ватикану и австрийской короне пастырей еще в 1783 году во Львове была открыта греко-католическая духовная семинария. За время своего существования она воспитала

¹ Листовка «Молимося за прославу великого митрополита Андрея». Напечатана в Риме 15 мая 1955 года.

² Беатификация — причисление к лику блаженных в католической церкви.

не одно поколение униатских священнослужителей, которые, пользуясь поддержкой австрийских властей, активно работали над «окатоличиванием» украинского населения Галиции, разжигали национальную вражду между братскими народами.

В 1928 году по воле Шептицкого рядом с духовной семинарией была открыта греко-католическая духовная академия. С тех пор в одном помещении на улице Коперника, 36 действовали два учебных заведения. Основной задачей их наставников, как и раньше, была подготовка миссионеров. В правилах для воспитанников греко-католической духовной семинарии во Львове, утвержденных в 1929 году Шептицким, откровенно указывалось, что для «приобщения Востока... нужны люди, которые умели бы... трудиться, как апостолы, в голоде и холода... скитаться с места на место, не иметь порой крыши над головой, терпеть всякого рода преследования, клевету, трудности, жить только для одной цели»¹.

Отгородившись от мира шестиметровыми стенами, греко-католические пастыри воспитывали фанатиков-миссионеров, продававших за папские и императорские грамоты и ордена интересы украинского народа.

В начале тридцатых годов духовным наставником в малой семинарии стал бывший сичевик Лев Глинка. Для униатского духовенства это была очень колоритная фигура. В 1914 году Л. Глинка пошел добровольно служить в австрийскую армию. Потом принимал участие в авантюрах сичевых стрельцов, воевал против Красной Армии. Во время наступления белополяков попал в плен, но бежал. После окончания войны учился на факультете гражданского права. На тридцать втором году жизни Л. Глинка под влиянием Шептицкого, следя его примеру, решил посвятить свою жизнь господу. Он окончил львовскую духовную семинарию, а после на деньги митрополита учился в Григорианском университете в Риме. Делая ставку на Глинку, Шептицкий считал, что он будет ревностно выполнять свои новые обязанности. Но тот переусердствовал. В результате в

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 451, оп. 2, дело 362, стр. 4.

семинарии произошел ряд скандалов. Возникла вражда между воспитанниками и преподавателями семинарии и академии. В самой семинарии несколько впавших в немилость семинаристов покончили жизнь самоубийством. Дело приняло такой оборот, что в 1932 году Шептицкий вынужден был снять Глинку, а на его место поставить бельгийского монаха Якова Франца Тома Перридона. Правда, в жизни семинаристов от этого ничего не изменилось. Наоборот, вражда между преподавателями и воспитанниками учебных заведений разгорелась с новой силой. Напуганные наставники не знали что делать. Выполняя решения митрополичьей консистории, Перридон приказал заложить смежные двери между семинарией и академией. По распоряжению ректора академии начали строить забор, чтобы разделить двор на две части.

Однако эти срочные мероприятия «благословенного покоя» не дали. Днем плотники ставили забор, а ночью семинаристы подпиливали столбы и валили его. И так повторялось несколько раз. Тогда вице-ректор академии Малиновский отдал распоряжение закрыть входные ворота, перекрыть воду и, таким образом, повести осаду семинарии. Малиновский уже готовился праздновать победу, когда внезапно ударили морозы и академия осталась без топлива, ибо ключи от подвала с углем были у Перридона. «Академики» сидели в нетопленных помещениях, а семинаристы топили так, что печи лопались от жары.

Наконец разговоры о домашней войне среди будущих душпаstryрей просочились за семинарские стены. Одна из газет в статье «Тени единственной высшей школы края» приподняла в какой-то степени завесу над порядками в осином гнезде греко-католической церкви. Газета сообщала, что вражда раздувалась самими наставниками. В обоих униатских учебных заведениях существовала хорошо продуманная система надзора и выслеживания инакомысливших. Все письма воспитанников просматривались воспитателями. Отправлять их в городе запрещалось. Для этой цели в семинарии висел специальный ящик. Воспитанники, обслуживающий персонал и даже сами наставники доносили друг на друга.

«Правила для питомцев», утвержденные Шептицким, замечалось в статье, «подошли бы больше монахам-трапистам, известным своей суровой аскетической жизнью, которым разрешалось говорить только: «Помни о смерти». Приведя ряд примеров, автор приходил к заключению, что все делалось с единственной целью: «Богослов должен надеть черный коптур¹ на голову, закрыть глаза и верить только в то, что ему скажет настоятель или вице-ректор дисциплины». Заканчивалась статья весьма примечательным выводом: «Богослов высшей школы воспитывается неразумным существом, которое не имеет никакой воли, своего взгляда, ни искры собственной инициативы... не в силах понять житейской действительности... питомцам прививают зло, портят душу... И это делается сознательно»².

Одним из главных требований, которое Шептицкий предъявлял к воспитанникам семинарии и академии, было принятие обета безбрачия. Для «окатоличивания» украинского народа его экспеленции нужны были не связанные с семьей священники-миссионеры, которыми он мог распоряжаться по своему усмотрению. При этом митрополит Андрей имел в виду и материальную выгоду. Деньги и имущество священников, которые приняли обет безбрачия, после их смерти оставались в ведении греко-католической церкви, а не отдавались родственникам. Кроме того, это позволяло Шептицкому значительно увеличить общее число духовенства. Там, где раньше в парафии был один священник с семьей из четырех-пяти человек, по подсчетам владыки, могло жить четыре-пять неженатых пастырей. Таким образом, митрополит надеялся усилить влияние греко-католической церкви на все круги населения.

Наиболее энергичным поборником введения обета безбрачия был станиславский епископ Г. Хомишин. Высмеивая бурную деятельность Хомишина на этой ниве, газета «Громадьский голос» язвительно писала,

¹ Монашеский головной убор.

² «Новый час», 19 января 1932.

что его отец поступил очень плохо, не приняв в свое время обета безбрачия: «тогда бы Григория не было на свете»¹.

Выполняя указания митрополита, Лев Глинка в бытность свою в семинарии заставлял двенадцати-четырнадцатилетних мальчиков, учеников младших классов семинарии, давать обещание, что они не будут обзаводиться семьями. Семинаристы должны были принимать клятву: «Даю слово чести, что буду так духовно над собой работать, чтобы принять сан священника холостым. Если после окончания святого богословия не буду в силах это сделать, то уже теперь отрекаюсь от духовного сана»².

Владыка не отступился от этого правила даже тогда, когда часть воспитанников заявила, что оставит учебу, но клятвы давать не будет. Шептицкий знал, что семинаристам некуда деться, покричат и перестанут. Если же кто и отсеется, заявлял экспеленция, то и в этом не будет беды, ибо «в семинарии и академии учится 340 питомцев, а для епархии хватит 100. Отсюда выходит, что нормально может быть допущена к тайне священства всего одна третья часть»³. В то же время митрополит вынашивал план приема в академию бельгийцев и французов-католиков.

Слухи о «бунте» семинаристов стали распространяться среди интеллигенции Львова. Юмористический журнал «Комар» поместил остроумную карикатуру. Будущих богословов художник показал за «светской работой». Один из них подбивал каблуки, другой подметал улицу, а третий писал рекламные стихи о пользе мороженого. По мнению художника, воспитанники духовной академии были только и способны на это.

Положение учащихся униатской семинарии и академии усложнялось еще и тем, что получение образования в другом учебном заведении было для них недоступно. Тот же «Комар» поместил карикатуру, которая не требовала никакого объяснения: «Легче

¹ «Громадський голос», 23 января 1924.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 1789, стр. 2.

³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 9, стр. 29.

верблюду пролезть через игольное ушко, чем крестьянскому сыну поступить в институт».

Но и после окончания духовного учебного заведения не так просто было добиться посвящения и получить приход. Нужно было иметь не менее 30 мортгов земли. Так что безземельное крестьянство и тут оказывалось в незавидном положении.

Неуверенность в завтрашнем дне вызывала в душах будущих священнослужителей вполне понятную тревогу. Среди них шла скрытая борьба за право быть посвященным и получить приход. «Домашняя» война становилась для воспитанников семинарии и академии первой иезуитской практикой. Принудительное принятие богословами обета безбрачия, в свою очередь, вызывало много трагедий. Характерны в этом отношении письма священника Романа Яценкива из Перемышля. 9 мая 1939 года он сообщал Шептицкому о самоубийстве своего соседа, принявшего обет безбрачия священника, который «всадил себе в сердце обычные ножницы». Вспоминая шаг за шагом о своей жизни, Яценкив писал: «Эксцеленция, я не согласен с двойной моралью... Богу свечка, а бесу огарок, я не хочу признавать этого... Разве обиду моей сломанной жизни можно заменить выгодами сибарита-монаха или городского духовника? Считаю, что нельзя... Вы мне, эксцеленция, искалечили жизнь, заставив принять целибат»¹.

6 апреля 1944 года Роман Яценкив снова обращается к Шептицкому: «Неужели вы не можете решить мое дело и доведете меня до самоубийства (как это сделал мой брат по вашей вине). Сколько это будет продолжаться, сколько времени будут еще меня наказывать... трепать нервы?.. Прошу вас, эксцеленция, найти для меня какой-либо выход из этого заколдованных круга»².

Так калечилась жизнь семинаристов во имя фанатичной идеи. Будущим миссионерам прививались ханжество, лицемерие и предательство. Униатскому владыке нужны были люди, которые могли бы в лю-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2586, стр. 134—135.

² Там же, дело 2747, стр. 38.

бой обстановке выполнять его волю, не останавливаться перед преступлением.

Одна из наиболее мрачных страниц истории греко-католической церкви относится к периоду Великой Отечественной войны. С первых же дней немецко-фашистской оккупации Шептицкий и его приспешники стали преданно служить гитлеровским захватчикам. В июле 1941 года во Львовском оперном театре немецкие оккупанты и их прислужники, украинские буржуазные националисты, провели сбощице, посвященное «освобождению» Львова. На это «торжество» Шептицкий направил своего ближайшего помощника, ректора духовной семинарии Иосифа Слипого.

Слипый принимал деятельное участие и в создании дивизии СС «Галичина». Сохранился снимок того времени. Иосиф Слипый с важным видом, отдавая дань «историческому» моменту, самоуверенный и самодовольный, сидит в окружении немецких офицеров. Еще бы, ведь он дождался «освобождения» от ненавистных «советов», пришло его время: он принимает участие в создании «украинской» военной части в составе фашистской армии для борьбы против Советского Союза.

Ослепленный религиозным фанатизмом он шел на все, преследуя одну цель: униатская церковь должна получить возможность протянуть свои щупальца по всей Украине. Поэтому униатская церковь и Иосиф Слипый не подняли голоса протesta в то время, когда немецкие фашисты проводили «акции» по массовому уничтожению мирного населения Львова. Он не поднял голоса в защиту военнопленных лагеря «Цитадель», узников яновского лагеря смерти и многих других лагерей, которые создали немецкие оккупанты на землях Западной Украины. Напротив, он охотно встречался с палачами украинского народа. На фотоснимке можно увидеть, с каким умилением он жмет руку военному преступнику генерал-губернатору Польши, имперскому министру Гансу Франку, которого Международный Военный Трибунал приговорил к смертной казни за тяжкие злодеяния. Это ему, Гансу Франку, принадлежит фраза, раскрывающая звериную сущность и человеконенавистнические планы немецкого фашизма: «Если мы выиг-

раем войну, тогда, на мой взгляд, поляков и украинцев... можно пустить хоть на фарш»¹.

Но и не дожидалась окончания войны, немецкие оккупанты только во Львове (по данным акта Львовской областной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков) уничтожили более 400 тысяч человек. Это за три года оккупации!

Униатское духовенство принимало самое активное участие в создании дивизии СС «Галичина», а святоюрский владыка был, по сути, крестным отцом этой банды фашистских наемников. Поэтому с полным правом можно сказать, что именно на совести митрополита гибель сотен обманутых юношей, которые отдали жизнь, защищая чужие интересы.

Усилиями Шептицкого и его прислужников духовная академия и семинария были превращены в вербовочные пункты дивизии СС «Галичина». Вице-ректор семинарии Василий Лаба срочно был назначен «референтом душпастырства при галицийской боевой управе стрелецкой дивизии СС «Галичина»». Униат Василий Лаба перед вступлением Красной Армии во Львов в 1939 году бежал в гитлеровскую Германию. Советская власть была ему не по душе. Он не нашел с ней общего языка еще во времена Октябрьской революции, когда был полевым духовником сичевых стрельцов. До своего бегства в Германию он преподавал в духовной академии патрологию — «творения отцов церкви». Находясь в гитлеровской Германии, он скоро нашел общий язык с теми, кто опекал украинских буржуазных националистов. А когда фашисты оккупировали Львов, объявился в городе и развил кипучую деятельность, вербую украинскую молодежь в дивизию СС «Галичина». Он не жалел слов для восхваления гитлеровцев и уже считал себя полноправным членом гитлеровского рейха.

Трудно представить, до какого цинизма доходил этот гитлеровский холуй. 2 мая 1943 года, во время богослужения, Лаба произнес проповедь, в которой

---

¹ «СС в действии. Документы о преступлениях СС», М., «Прогресс», 1968, стр. 512.

благодарил немецких оккупантов за разрешение создать дивизию, уверяя присутствующих, что будто бы так «хочет бог». «А если бог так хочет, то это божье дело, и за этим божьим делом мы пойдем».

Сохранились десятки документов, которые свидетельствуют о том, что греко-католическое духовенство, воспитанники семинарии и академии, участвовали в операциях немецких карателей. Так, священник Иван Гриньох, который в свое время читал «философию» в богословской академии, служил капелланом в известном своими преступлениями украинском карательном батальоне «Нахтигаль». В своей автобиографии он с гордостью писал: «С воинской частью прошел я всю кампанию первых недель войны на линии Радимне — Яворов — Львов — Тернополь — Проскуров — Жмеринка — Браилов — Винница. За участие в боях меня представили к награждению железным крестом»¹.

Совсем иное по тону письмо коллеги Гриньоха, капеллана батальона «Нахтигаль» В. Дурбака. В нем нет и следа опьянения «победами» над мирным населением, наоборот, чувствуется страх перед расплатой. «Железнодорожные пути бывают минированы, очень часто поезда обстреливают из пулеметов,— жаловался В. Дурбак Шептицкому.—...Сентябрь был полон всяких неожиданностей. В последнее время партизаны, превратившиеся теперь в нормальные воинские соединения, стали очень агрессивны. 30 сентября похоронил я в общей могиле двадцать шесть лучших, самых отважных хлопцев из нашего куреня. Не такого финала наших надежд мы ожидали... Не видим конца. Березовыми крестами устилаем мы наш воинский путь, что когда-то вел на Киев. Кочуем по болотам Белоруссии, уже теряем надежду. Придется ли когда-нибудь увидеть златоглавый Киев, или, может, нам предстоит снова устилать молодыми трупами чужую землю, за чужое дело... На днях еду в Могилев, а оттуда, вероятно,— в служебную командировку в Берлин. Может, удастся мне выпутаться

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2689, стр. 26—27.

из всей этой истории. Хватит уже с меня этого «войска»¹.

Шептицкий получал немало писем от бывших семинаристов, которые подробно докладывали о своей службе в карательных отрядах. Некоторые из них слезно просили отзвать их назад. Характерны в этом отношении письма ученика монахов-василиан Михаила Демчишина. После окончания пятого курса семинарии он добровольно пошел служить в дивизию СС «Галичина» рядовым солдатом. Однако националистический угар у него очень скоро выветрился. Демчишин понял, что час расплаты за преступления неминуемо приближается. Чтобы спасти свою шкуру, он начал посыпать Шептицкому письма, умоляя забрать его из дивизии, ибо ему, мол, нужно закончить учебу в академии и принять посвящение в сан. Пытаясь разжалобить митрополита, этот святоша писал: «Уже третья неделя, как я не был на божьей службе (в нашей сотне в это время занятия), не исповедовался. А святая исповедь и святое причастие так мне теперь необходимы, как никогда раньше»².

Через некоторое время Демчишин шлет заявление с аналогичной просьбой в митрополичий орденариат. Но Гитлеру нужны были в первую очередь солдаты, поэтому Шептицкий не очень спешил с возвращением своего вчерашнего воспитанника из дивизии СС «Галичина». 6 апреля 1944 года Демчишин пишет еще одно письмо в митрополичий орденариат. Это была его последняя надежда сбежать с фронта. Письмо напоминало вой перепуганного до смерти преступника, которого вот-вот поймают на месте преступления.

Как известно, летом 1944 года под Бродами стрелковая дивизия СС «Галичина» была разгромлена Советской Армией. Тяжелые минуты переживал разбитый паралическим старым интриганом. На его глазах гибло все, чему он отдал свою жизнь. Чтобы сохранить свое последнее детище — духовную академию, Шептицкий обращается за помощью к полковнику СС Альфреду Бизанцу.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2693, стр. 40—41.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 418, оп. 1, дело 264, стр. 4.

Однако фашистам было уже не до митрополита. Война, начатая Гитлером, приближалась к своему неминуемому концу. Каждый спасал свою шкуру как мог. Всеми покинутый, Шептицкий доживал последние дни. Тяжелым положением владыки решили воспользоваться выпускники духовной академии. Они настояли, чтобы их посвятили в священники с правом вступления в брак. Так было покончено с обетом безбрачия униатского духовенства.

После освобождения Львова от гитлеровских оккупантов в доме семинарии и академии разместился полевой госпиталь. Сохранилось письмо начальника госпиталя к ректору академии И. Слипому. В нем указывалось, что раненые лежат во дворе семинарии под дождем и снегом. Поэтому начальник госпиталя просил освободить большую комнату, занятую под церковный музей. Ректор отказался помочь раненым бойцам. Более того, он в категорической форме потребовал, чтобы госпиталь выехал из помещения семинарии, ибо, мол, воспитанники «вопреки церковным законам, вынуждены жить частным порядком за стенами духовной семинарии и могут подвергаться различным опасностям военного времени»¹.

В то же время И. Слипый обратился к местным властям с письмом, в котором писал, что «студенты богословы всегда при всех властях на основе конкордата с Римом были освобождены от воинской службы»². Как видим, у ректора была очень короткая память. Он «забыл» о том, что еще недавно по его личному разрешению подчиненные ему пастыри, а также семинаристы служили в дивизии СС «Галичина», принимали участие в карательных экспедициях против мирного населения.

Львовская семинария и академия окончательно обанкротились и после ликвидации Брестской унии были закрыты, а в их помещении разместилось студенческое общежитие Львовского государственного университета имени Ивана Франко.

Рассказ о воспитанниках униатской семинарии и

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2748, стр. 106.

² Там же, стр. 123.

академии будет не полным, если коротко не вспомнить о судьбе тех юношей, которые не пошли служить в дивизию СС «Галичина». Большинство из них прошло службу в Советской Армии, многие учились затем в техникумах и институтах. Сейчас они работают преподавателями, инженерами, врачами. Ни один из них не стал священником. Так жизнь внесла свои корректизы в планы Шептицкого и его приближенных, которым так и не довелось осуществиться.

На службе реакции

Последние годы господства греко-католической церкви на землях Западной Украины были самыми позорными за всю ее бесславную историю. Никогда еще провокации, обман, клевета, продажность не культивировались среди украинского духовенства так широко, как в этот период.

После провозглашения Пием XI (1922—1939) крестового похода на Восток униатские иерархи создали так называемый Украинский католический союз (УКС), главной целью которого было объединение всех реакционных сил Западной Украины. 1 января 1931 года в помещении львовской богословской академии состоялась торжественная служба, «которую отправил преосвященный Бучко за намерения союза». После богослужения присутствующие принесли Шептицкому присягу — беспрекословно выполнять программу УКС. Торжество закончилось провозглашением приветственной телеграммы папе Пию XI.

Для распространения идей союза, обработки всех слоев населения в духе слепого фанатизма Шептицкий основал ряд изданий. Главным рупором УКС стала газета «Мета», первый номер которой открывало обращение митрополита. Шептицкий демагогически утверждал, что УКС не имеет и не может иметь никакой партийной и политической программы, поскольку борьбу за права народа необходимо вести «законными методами» (?).

10 апреля 1932 года украинская буржуазная газета «Діло» напечатала интервью своего корреспондента со святоюрским владыкой под интригующим заго-

ловком: «Митрополит Шептицкий против «католических партий». Принцип «сверхпартийности» Шептицкий пояснял так: «Каждая католическая организация должна остерегаться, чтобы к своим католическим принципам не примешивать принципов политических. Она может позволять некоторым своим членам вести ту политику, какую они хотят, но все вместе... как организация, они должны стоять над всеми партиями, над всеми политиками». В заключение владыка заявил, что УКС будто бы не имеет программы потому, что «политические программы разделяют украинцев», а единственная цель союза «объединение всех для работы на благо украинского народа в христианско-католическом понимании».

Может быть, Шептицкий действительно хотел занять «нейтральные позиции»? Нет, факты говорят об ином. Шептицкий и отцы-униаты в проповедях с церковного амвона и на страницах своих многочисленных изданий повели самую разнуданную националистическую пропаганду, а в своих антисоветских измышлениях оставили далеко позади даже опытных деятелей из УНДО¹.

Новая униатская организация была разоблачена в прогрессивной печати. «Католический союз,— писала газета «Сель-Роб» 15 февраля 1931 года,— имеет задание втягивать трудящихся в фашистский лагерь в первую очередь при помощи разговоров о защите религии, христианской морали и т. д. Но речь идет не о морали, а об интересах буржуазии».

Показав на конкретных примерах, как митрополит Шептицкий демагогической болтовней о религиозной свободе и морали защищает интересы помещика и капиталиста Шептицкого, газета отмечала, что деятельность союза направлена на поддержку реакционного польского правительства. «Митрополит Шептицкий,— указывал автор,— при помощи «неполитического» католического союза выполняет для польских фашистов задачу консолидации украинского фашистского лагеря по программе... петлюров-

¹ Украинское национально-демократическое объединение (1925—1939 годы) — партия украинской буржуазии и помещиков, которая активно сотрудничала с польским помещичье-буржуазным правительством.

щины, а для украинских фашистов он создает возможность перехода на такие позиции без серьезных организационных и политических изменений». Таким образом, констатирует автор, главной целью УКС является объединение украинской и польской буржуазии для борьбы с освободительным движением трудающихся и подготовки войны под «лозунгом защиты религии в Советском Союзе».

С первых же дней своего существования УКС повел яростную кампанию против Советского Союза, призывая остатки петлюровских банд принять участие в захватническом походе на Страну Советов. «Епископ Бучко,— писала коммунистическая газета «Сила» 10 мая 1931 года,— как верный христианин, призывает создавать боевые «католические» организации для борьбы с классово-сознательными рабочими и крестьянами здесь в Галиции и готовиться к походу на Восток. Ибо Советский Союз это «царство сатаны», а большевики — это «дьявольские семена», это «куколъ», который необходимо как можно скорее уничтожить. Так говорит украинский фашист в епископской рясе. К этому же стремится католический союз, эта «христианская» и «неполитическая» партия».

Воинствующих клерикалов поддерживали буржуазные националисты. В начале тридцатых годов их газеты все чаще призывали к новому походу на Советский Союз. Националистические «теоретики» и неоднократно битые Красной Армией офицеры сичевых стрельцов выдвигали различные планы, которые, по их мнению, должны были привести к полному поражению Страны Советов. Одним из них был проект развязать войну против СССР при помощи... японской армии, которая была в тот период главной ударной силой империализма на Востоке.

Находясь за 10 тысяч километров от возможного «театра военных действий», эти горе-теоретики подсчитали, что в Туркестане и на Дальнем Востоке живет около трех миллионов украинцев. Из этих людей, которые ни сном ни духом не ведали о воинственных замыслах сичевиков и, конечно, не могли их разделить, националисты мечтали создать армию, которая потом вместе с японскими генералами начала бы

наступление на Советский Союз. Но японофилы не нашли поддержки у Шептицкого. Старый интриган хорошо понимал, что «освобождение» Украины при помощи японских генералов — несбыточная фантазия.

По указанию владыки «Мета» напечатала язвительную статью, в которой подвергла беспощадной критике украинских буржуазных националистов. «Кому уж только не прислуживали те или иные украинские круги в течение 15 лет во имя будто бы освобождения Украины?» — писал некий клерикал, закрывая глаза на то, что отцы-униаты шли той же дорогой предательства интересов украинского народа плечом к плечу с националистами. Высмеяв «освободительные» потуги националистов, которые собирались строить «мать-Украину» при помощи Японии, автор статьи делал вывод: «С тех пор, как существует украинский примитивизм (читай: украинский буржуазный национализм.— В. Д.), такого рекорда у нас еще не было»¹.

Автор предлагал японофилам не витать в небесах, а опуститься на греческую землю и «организовать себя внутренне». Так «Мета» дала понять националистам, чтобы они оставили несбыточные фантазии и прислушались к голосу митрополита.

Под натиском энергичных униатских пастырей из УКС националистов очень скоро удалось приручить. Чтобы показать, к каким «высоким» целям им необходимо готовиться, 17 апреля 1932 года «Мета» печатает программную статью под многозначительным заголовком «Колебания и выравнивания». Проанализировав «украинскую национальную политику» за последние полтора десятилетия, анонимный автор вынужден был констатировать, что она «не имела четко определенной тактики». Газета делала вывод, что постоянные политические колебания, нереальные планы привели к упадку «украинской общественной энергии». Не обошел автор молчанием и грызню в лагере националистов. Выход из этого положения он видел в объединении всех националистических и клерикальных сил для борьбы с коммунистическим

¹ «Мета», 6 марта 1932.

движением, что и был призван сделать УКС. «Украинский коммунизм не существует,—вещал автор,— а украинский национализм должен быть готов ко всем средствам борьбы с коммунизмом, не исключая массового физического уничтожения, хотя бы и целой миллионов человеческих жизней».

Это была одна из многих попыток отцов-униатов развязать руки украинским буржуазным националистам, узаконить массовые убийства мирного населения, лишь бы искоренить коммунистические идеи из сознания трудающихся Западной Украины.

Политика УКС с особой силой проявилась во время подавления польским правительством революционного движения на Западной Украине во время так называемых пацификаций¹, когда против восставших украинских крестьян были брошены тысячи казнокраделей. В то время как прогрессивные люди всего мира начали кампанию против пацификаций, отцы-униаты выступили с заявлением, в котором отрекались от всякого участия в освободительной борьбе. К заявлениюм буржуазных партий о своей лояльности в отношении к польскому правительству присоединил свой голос и «отец украинской нации» Шептицкий, прибывший для этой цели в Варшаву. Одобрав политику правительства, он выразил свое неудовольствие по поводу того, что репрессии в некоторой мере затронули украинскую буржуазию, «которая никогда в действительности не боролась и не борется против Польши». Комментируя предательскую политику украинской буржуазии и «князя» украинской церкви митрополита Шептицкого, газета «Сила» гневно писала: «Так плюет сегодня украинская буржуазия на то, чем еще совсем недавно выхвалялась ради своих демагогических целей»².

К такому же выводу пришла прогрессивная «Украинская газета», издававшаяся в Берлине и нелегально распространявшаяся в Западной Украине. В номере от 24 октября 1930 года были помещены две карикатуры и статья, разоблачавшие деятельность

¹ Пацификация — усмирение восстания, выступления масс.

² «Сила», 12 октября 1930.

Шептицкого и украинской буржуазии во время пацификации.

Возвратившись из Варшавы во Львов, униатский владыка издал пастырское послание, в котором призывал рабочих и крестьян к смирению перед властью. В «дни всенародной печали», как лицемерно назвал Шептицкий дни разгула карателей, он предлагал духовенству и верующим «воздерживаться от каких-либо церковных манифестаций в честь погибших».

Но вскоре Шептицкий увидел, что в результате разоблачения прогрессивной прессой переговоров владыки с польскими правительственные кругами авторитет его пошатнулся. К этому прибавилась обида владыки на то, что министр внутренних дел Складовский весьма нелюбезно принял митрополита. Шептицкий такого не прощал. Стремясь доказать общественности, что он «сочувствует» пострадавшим, а также для того, чтобы досадить Складовскому, владыка разрабатывает план, достойный иезуита. В жилом доме церкви св. Юра он открывает госпиталь для крестьян — жертв карателей.

Известно, что во время кровавой пацификации пострадало несколько тысяч крестьян. А «госпиталь» Шептицкого мог вместить только... двенадцать человек. Каким был этот госпиталь, свидетельствует протокол комиссии львовского городского старосты. В нем указывалось, что в «комнате длиной около 15 метров, шириной около 4 метров на металлических койках лежали одетые и обутые больные. Одеяла грязные, света в комнате мало, так как окна выходили на крышу. Помещение находилось в антисанитарном состоянии»¹.

Но Шептицкого не волновало отсутствие элементарных условий для лечения больных. Ведь этот госпиталь был очередным трюком владыки, который заботился только о сохранении своего престижа. Именно поэтому он пригласил в госпиталь иностранных корреспондентов, которые сделали ряд фотографий и опросили избитых крестьян. Материал этот затем был передан в Лигу наций.

Так святоюрский митрополит рассчитался за пре-

¹ Львовский обл. гос. архив, ф. 1, оп. 51, дело 241, стр. 5.

небрежительное отношение к нему во время визита в Варшаву. Деятели УНДО использовали этот шаг Шептицкого, чтобы начать в националистической прессе кампанию за выплату польским правительством компенсации за ущерб, причиненный им во время пацификации. Газета «Сель-Роб» писала, что один известный ундowski деятель даже подсчитал сумму, которую должно было получить «украинское общество» за кровь крестьян. Конечно, никто и не думал выплачивать эту компенсацию. Но очередная интрига Шептицкого показала польским правителям, что с митрополитом надо быть поосторожней.

В тридцатых годах экономический кризис капитализма чрезвычайно обострил политическое положение в Польше. Пережитки феодализма, страшный земельный голод, кабальная зависимость крестьян, увеличение налогов в связи с вооружением армии, а также содержание огромного бюрократического аппарата тяжелым грузом ложились на плечи трудящихся. Несмотря на пацификацию, в Галиции революционное движение охватывало все более широкие слои рабочих и крестьян. Начались массовые поджоги панских имений, усадеб польских осадников¹ и духовенства. Националистические и клерикальные газеты писали, что поджоги — проявление борьбы между православными и католиками. Борьбу трудящихся за свои права клерикалы хотели свести к религиозной вражде. Однако факты говорят об ином. Крестьяне жгли имения не только помещиков, но и униатских священников и ксендзов.

Примечателен тот факт, что забастовки происходили и на предприятиях, принадлежавших униатской церкви. Так, в марте 1932 года рабочие митрополичьей типографии «Библьос», которая печатала газету «Мета» и другие униатские издания, начали так называемую «итальянскую» забастовку². Поводом послужило очередное снижение заработной платы, осуществленное надзорным советом митрополичьего орденариата. Директор типографии Нагирный

¹ Осадники — польские военные поселенцы на границах с СССР.

² Одна из форм забастовки, когда рабочие бросают работу, но остаются на территории предприятия.

притеснял печатников как только мог. Он дошел до того, что стал обыскивать рабочих. Это переполнило чашу терпения, и они бросили работу. Забастовочный комитет предъявил надзорному совету ряд требований: увеличение платы на 26 процентов, снятие Нагирного с должности директора, прекращение обысков.

Беспримерная в истории униатской церкви забастовка продолжалась 12 дней. Две недели не издавались клерикальные газеты и журналы. Слухи о забастовке распространились по всей Галиции, нанося ощутимый удар по престижу греко-католической церкви.

Чтобы выпутаться из затруднительного положения, священнослужители стали прибегать к разного рода провокациям: засылали к забастовщикам штрайкбрехеров, ундовских ораторов, которые уговаривали рабочих прекратить забастовку. В типографию пришел даже член надзорного совета отец Перридон, но ничто не могло сломить волю забастовчиков, рабочие твердо стояли на своем. Тогда митрополичий орденариат обратился за помощью к полиции. Та не заставила себя ждать и силой разогнала забастовщиков. После этого забастовщики выбили камнями окна в митрополичьем доме и на квартире Нагирного. Их арестовали. Началось следствие, во время которого выяснилось, что рабочие «Библьоса» получали плату на 15—20 процентов ниже, чем в других типографиях. Общественность могла еще раз убедиться в том, что, прикрываясь демагогическими лозунгами о любви к народу, униатские пастыри жестоко эксплуатировали трудящихся.

Когда в Германии пришел к власти Гитлер и при помощи отрядов штурмовиков разгромил прогрессивные силы немецкого народа, а страну опутал паутиной концлагерей, главари «Организации украинских националистов» (ОУН) стали во всем копировать фашистских головорезов. Они начали формировать отряды по образцу отрядов фашистских штурмовиков. Активное участие в подготовке оуновских штурмовиков принимали Шептицкий и греко-католические пастыри. 26 июня 1936 года «Мета» напечатала статью «Самооборона против коммунизма». Автор

призывал всесторонне поддерживать националистическую организацию «Луг»¹, насчитывавшую в то время, по его подсчетам, «40 тысяч дисциплинированных членов», которых опекало около сотни священников.

Но эта очередная провокация униатов и националистов встретила сопротивление трудящихся, понимавших, что их намереваются втянуть в новую братоубийственную войну. В тяжелых условиях полицеистского террора, когда были разгромлены прогрессивные организации, закрыты многие газеты, а коммунистическая партия была загнана в глубокое подполье, коммунисты вели агитацию среди молодежи, которая, поддавшись мутной волне клерикальной и националистической демагогии, записывалась в организации «луговиков» и «сичевиков». Коммунисты разъясняли молодежи подлинный смысл событий, происходивших в мире, призывали бороться с угрозой фашизма и реакцией, наступавшей на трудящихся.

Раздувая басни о «героизме» сичевых стрельцов времен гражданской войны на Украине, униаты и буржуазные националисты изображали их борцами за свободу украинского народа.

Характерно, что в годы Великой Отечественной войны униаты и националисты на могилах сичевых стрельцов раздували антисоветскую истерию. В 1943 году они организовали шествие «добровольцев» дивизии СС «Галичина» на эти могилы. Во Львове оно началось от церкви св. Юра. Тем самым униаты и украинские буржуазные националисты подчеркивали преемственность традиций. До какой подлости и измены интересам народа докатились они в то время, свидетельствует статья «На стрелецких могилах», напечатанная в профашистской газете «Львівські вісті» 16 июня 1943 года. Ее автор, пожелавший остаться неизвестным, прославляя «подвиги» сичевых стрельцов в годы первой мировой войны и революции в России, еще раз подчеркнул традиционную политику украинских буржуазных национали-

---

¹ Украинская националистическая молодежная организация, основанная в 1925 году.

стов и униатского духовенства, которые преданно служили сначала австрийской монархии, а через двадцать пять лет с таким же усердием угождали немецким оккупантам. «Добровольцы СС «Галичина», — писал автор,— окружили кладбище с трех сторон. Около креста неизвестному солдату в серых немецких шинелях стоят солдаты со знаком трезуба на шапках и на медных застежках поясов... Торжественные аккорды панихиды. Полная глубокого чувства проповедь о. д-ра Лабы, который первым стал душпастырем дивизии СС «Галичина». Раздалась военная команда: «Курень, смирно!» Сотник Хроновский рапортует, что все собравшиеся готовы биться, а если нужно будет, то и умереть за те же идеалы, за которые полегли солдаты, похороненные на этом кладбище».

Здесь что ни слово, то ложь и самая подлая фальсификация фактов. Прикрываясь националистической демагогией, униат Лаба готовил «добровольцев» дивизии СС «Галичина» к массовым убийствам украинцев, к истреблению сотен, тысяч людей.

По указанию митрополита Шептицкого в начале 30-х годов была создана так называемая католическая акция украинской молодежи (КАУМ). Руководителем этой фашистской организации был один из главарей украинских буржуазных националистов Андрей Мельник¹, а капелланом — приближенный митрополита Иван Гриньох. Прикрываясь лозунгами защиты религии, христианской морали и борьбы за «независимость» Украины, КАУМ готовила провокаторов, террористов и палачей украинского народа. Вместе со своими советниками, униатскими священниками, Шептицкий охотно посещал лагеря, где муштровали будущих предателей, оказывал им и «духовную» и материальную помощь. Сохранились подлинные фотографии, на которых зафиксированы «пастырские беседы» митрополита с воспитанниками КАУМ, а также награждение Шептицкого почетным знаком фашистской свастики. На одном из этих сбо-

¹ Андрей Мельник — бывший полковник гетманской армии на Украине в 1918 году. Позднее, до 1938 года, управляющий имениями митрополита Шептицкого. После 1938 года главарь «Организации украинских националистов» (ОУН).

рищ униатский владыка откровенно заявил о своем желании «объединить крест и фашистскую свастику».

Несколько лет спустя, когда воспитанники КАУМ «Луга», «Пласта» и других националистических организаций стали основным ядром батальона «Нахтигаль» и дивизии СС «Галичина», к ним приехал сам обер-палач Гиммлер. Шептицкий был удовлетворен. Но он мечтал о большем. Он хотел иметь свою собственную гвардию, которая помогала бы ему расправляться с революционным движением в Западной Украине и была готова выступить в «крестовый поход» против Страны Советов. О своем плане Шептицкий писал настоятелю Мукачевского василианского монастыря Глебу Кинаху, убеждая его, что необходимо, чтобы монахи готовились «к мученической смерти, ибо нет ни малейшего сомнения, что в ближайшие годы будут раздаваться венки мучеников, и не сотнями, а тысячами». «Не было с древних времен такой минуты,— писал он,— когда бы церкви были столь необходимы люди, добровольно идущие на смерть. По моему мнению, теперь всюду должны создаваться батальоны смерти, то есть батальоны людей, решившихся на все, готовых на все и стремящихся туда, где их ждет неминуемая смерть. Каждый новициант¹ до некоторой степени является таким батальоном»².

Комментарии, как говорят, излишни. Следует только подчеркнуть, что «батальоны смерти» нужны были владыке не для парадов, а для борьбы с революционно настроенным народом. Старый агент австро-немецкого империализма готовил черные силы украинских буржуазных националистов, униатских попов и монахов для похода на Советскую Украину.

---

¹ Монастырь.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2306, стр. 147.

Фашистские наемники

Воссоединение Западной Украины с братской Советской Украиной униаты встретили враждебно. Однако, понимая, что открытые выступления против Советской власти ничего не дадут, Шептицкий вел скрытую борьбу. Он обращался к духовенству с письмами, в которых призывал его притаяться до поры до времени. Монахам и монахиням он предоставил право носить светскую одежду и даже работать в советских учреждениях и на предприятиях. Как подчеркивал Шептицкий, живя вне монастырских стен, они имели возможность «много делать для божьего дела», ибо «не монашеская одежда делает человека монахом, а дух покорности и молитвы»¹. Это было прямое указание не только уйти в тень до «лучших времен», но и заниматься сбором шпионских сведений для митрополита.

Зная за собой немало грехов и опасаясь, что рано или поздно вся его многолетняя враждебная украинскому народу деятельность будет разоблачена, Шептицкий решил опередить события. Он строил расчет на том, что будет арестован новой властью, а это даст ему возможность приобщиться к «мученикам за веру». Старый интриган хотел «достойно» сойти с политической и духовной арены, прославив свое имя. Это, по его замыслу, был верный путь попасть в «святые», в то же время «мученичество» владыки помогло бы униатам раздуть новую антисоветскую истерию, разжечь религиозный фанатизм, а следовательно, укрепить позиции церкви.

Шептицкий рассчитывал и на то, что по призыву папы Пия XII мировая реакция всталала бы на защиту митрополита, и это еще более увеличило бы его популярность не только на Украине, но и далеко за ее пределами.

Это был детально разработанный план. Осталось только получить на «мученическую смерть» разрешение в Ватикане. С этой «скромной» просьбой Шеп-

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2633, стр. 10.

тицкий и обращается к папе Пию XII: «Прошу и молю, чтобы святейший отец разрешил своим апостольским отцовским благословением пойти... на смерть за веру и единство церкви. Церковь из-за моей смерти ничего не потеряет, а может только иметь пользу».

Приближенные митрополита со дня на день ожидали его ареста. Наконец кто-то из слабонервных не выдержал. В Вену полетела зашифрованная телеграмма, в которой говорилось, что большевики наконец арестовали владыку. Украинские буржуазные националисты и отцы-униаты, находившиеся в Вене, забили тревогу. Сенсационное сообщение распространилось с небывалой скоростью и уже на следующий день достигло Филадельфии. Газета «Америка» 7 ноября 1939 года напечатала статью о «расстреле большевиками во Львове митрополита Андрея Шептицкого». Авторы нарисовали страшную картину, как большевики врываются в комнату, где возле окна за столом, заваленным деловыми бумагами, сидит старенький, парализованный митрополит... Большевики издеваются над старцем, а он, как и положено святым людям, смиленно сносит насмешки и бросает печальные взгляды на «город, который он любил и за который боролся сорок лет». Да, это была мученическая смерть, ради прославления унии, о какой только и мечтал Шептицкий!

Однако на этот раз разжечь религиозный психоз и начать антисоветскую кампанию националистам и греко-католическим пастырям не удалось. «Сенсация» лопнула как мыльный пузырь. Оказалось, что никто и не думал арестовывать, а тем более расстреливать Шептицкого. Организаторы мистификации потерпели крах. План Шептицкого был сорван.

В апреле 1940 года митрополит обратился к духовенству с большим пастырским письмом, в котором громогласно отрекался от своей многолетней реакционной деятельности. «Чтобы избежать каких-либо недоразумений,— писал он,— должен в первую очередь заявить, что я коммунизм, как таковой, никогда не называл и не называю нашим врагом или врагом церкви... А если случайно могло показаться, что коммунизм или коммунистов называю врагами, то виноваты в этом или неточное выражение моих мыслей

или ошибка, к которой привело неясное мое выскакивание»¹.

Митрополит отмечал, что ведет борьбу не с коммунистами, а с атеистами и, беспокоясь о спасении атеистов, смотрит на них как на «ослепленных и больных братьев». Этой иезуитской демагогией Шептицкий хотел отвести от себя всякое подозрение в антисоветской деятельности и таким образом выиграть время.

Прошло немногим более года, и Шептицкий снова «сменил» свои убеждения. С первого же дня немецкой оккупации он стал верным наемником гитлеровцев. В церкви св. Юра состоялась торжественная служба в честь «освобождения Львова непобедимой немецкой армией»². 5 июля 1941 года Шептицкий обратился к духовенству и верующим с пастырским письмом, в котором благодарил фашистских захватчиков за «освобождение от врага» и призывал «всех, кто чувствует себя украинцем, работать в пользу новой власти».

Служба гитлеровским палачам венчала многолетнюю предательскую деятельность «отца украинского народа» графа Андрея Шептицкого. 19 июля 1941 года представитель немецкой хозяйственной инспекции обратился к униатскому митрополиту с предложением подкрепить своим авторитетом распоряжения немецкого командования. Уже через неделю владыка состряпал письмо, в котором поручал священникам после богослужения «огласить верующим их обязанности» в отношении «освободительной» немецкой армии. В этом унизительном документе до мельчайших подробностей было расписано, сколько следует сдавать зерна, мяса, молока, масла, яиц и птицы, чтобы удовлетворить оккупантов. Митрополит решительно предупреждал: «Кто продает зерно тайком... грешит против бога, государства и народа и подлежит строгому наказанию»³.

Одновременно Шептицкий позволил духовенству совершать богослужения по сокращенной программе, а верующим — работать в воскресенье и праздники.

¹ «Львівські архієпархіальні відомості», 1940, № 4, стр. 49.

² «Українські щоденні вісті», 8 липня 1941.

³ «Українські щоденні вісті», 27 липня 1941.

Так униатский владыка отдал своих пасомых на поругание врагу. Эта «мудрая и дальновидная» политика «князя» церкви наилучшим образом содействовала осуществлению планов фашистских захватчиков по ограблению украинского народа.

Чтобы угодить оккупантам, Шептицкий благословлял вывоз молодежи на каторжные работы в Германию. Беря в свидетели самого бога, митрополит повелевал юношам и девушкам беспрекословно подчиняться гитлеровцам. «Вы призваны к тому, чтобы стать участниками христового царства,—вещал старый лицемер.—Нынешней жизнью нужно... заслужить вечную награду»¹. Вливая в души молодежи яд религиозного смирения, Шептицкий стремился морально разоружить ее, превратить юношей и девушек в бессловесный рабочий скот. Не надеясь, что его напутственных слов будет достаточно и молодые люди в тяжелых условиях немецкой каторги будут повиноваться, владыка отправил с ними в рейх наиболее испытанных пастырей во главе с апостольским визитатором униатской церкви в фашистской Германии Петром Вергуном. «Пастырские послания» П. Вергуна к галицийским юношам и девушкам, транспорты которых прибывали в Германию,—приимер самого низкого морального падения. «Вы, дорогие братья и сестры, оказались в эмиграции и пользуетесь гостеприимством великого немецкого народа,—поучал свою паству униатский работоговец.—Стоя у станков, выполняйте работу солидно и добросовестно и не давайте поводов к нареканию, ибо это наносит вред доброму украинскому имени».

После призыва верно служить немецким оккупантам униат П. Вергун заверял юношей и девушек, что «церковь, как тому учит история, стоит и будет верно стоять на страже украинской народной мысли». Поэтому, призывал он, «храните крепко веру и моральные начала ваших предков, а тогда найдете правду и счастье ныне и в вечности»².

Еще откровеннее высказался униат П. Вергун после оккупации немецкими захватчиками Киева.

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2665, стр. 83.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 451, оп. 3, дело 284, стр. 6—7.

Забыв всякий стыд, он писал в своем послании: «...понимайте ваш труд как службу богу, как исполнение божьей воли. Оставайтесь на месте, на которое поставил вас господь бог. Не оставляйте самовольно вашей работы, только поймите, что выполнение долга вашего является в глазах божьих святым делом... тогда верный своим обетам добрый хозяин благословит вас и вы услышите когда-нибудь господне слово: «Добрый слуга и верный, в малом был ты верный, над многими тебя поставил, будь в радость своему господину»¹.

Так униаты делали все от них зависящее, призываая на помощь господа бога, для того чтобы удержать в рабском повиновении галицкую молодежь и тем самым угодить немецким захватчикам.

Следуя указаниям митрополита Шептицкого, униатские священники с небывалой дотоле ревностью служили молебны за победу немецкого оружия, проклинали с церковного амвона Советскую Армию и советский народ, которые героически боролись против гитлеровского нашествия. Некоторые дошли до того, что благословляли верующих крестом с вырезанной на нем фашистской свастикой.

После захвата Львова гитлеровцы превратили его, по сути дела, в концлагерь. Они вешали, расстреливали ни в чем не повинных людей. В Яновском лагере смерти погибло около 200 тысяч человек. В концлагере «Цитадель», размещенном в старых австрийских казармах во Львове, и в Рава-Русском лагере фашисты уничтожили почти 200 тысяч военнопленных. Извещая об ужасах, творившихся в лагере «Цитадель», один из униатских священников, который не осмелился назвать своего имени, писал Шептицкому: «Доктор С. сообщает о вопиющем случае: он имеет 167 больных тифом и дистрофиков, которым нужно давать диетическую пищу, для этих 167 человек ему выдали сегодня в кухне 3,9 килограмма крупы и больше ничего... один хлеб, который весит 1200 грамм, дают на 7, а то и 8 человек... За два месяца из 5000 человек умерло 876»².

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 451, оп. 3, дело 284, стр. 24—25.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2665, стр. 55.

Еще более ужасные факты сообщал Шептицкому свидетель массовых расстрелов, надеясь, что владыка возьмет под свою опеку невинных людей и остановит расправы так называемой «украинской полиции». «...Наша украинская полиция... — писал он, — не считаясь ни с чем, арестовывает за пустяки и отдает немцам на улицу Лонского¹, где немцы... только расстреливают. Арестовывают невиновных, а в большинстве случаев сводят личные счеты... Я уже на все это смотреть не могу... Позавчера немцы расстреляли 300 украинцев, 270 поляков и часть евреев, да это не первый раз. С тех пор как немцы здесь, каждую неделю два-три раза расстреливают»². Далее автор извещал Шептицкого, что среди священников собора Юра есть тайные агенты гестапо, которые послали много невинных людей на смерть.

Письма с информацией о кровавых преступлениях гитлеровцев поступали и из многих районов Львовской области. Так, священник из Белых Ослав, что возле Делятина, Владимир Пилипец писал Шептицкому о расстреле немецкими оккупантами семидесяти жителей этого села³.

Получая подобные письма, «князь» униатской церкви ни разу не выступил в защиту невинных жертв. Он молчал и тогда, когда дым печей Яновского лагеря смерти достиг Львова.

30 июня 1941 года националист Стецько-Карбович при помощи гитлеровцев и с благословения Шептицкого заявил о создании «украинского правительства». Сам акт провозглашения «украинской державности» проходил в обстановке помпезности как «важнейший» момент для украинских националистов и «отца украинского народа» Шептицкого.

От имени униатского владыки на соборище националистических авантюристов выступил архиепископ Иосиф Слипый. Он заявил, что «митрополит приветствует всем сердцем и всей душой этот великий почин — возобновление украинской державности и при-

¹ На этой улице (теперь улица Мира) находилась тюрьма.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2694, стр. 211.

³ Там же, стр. 8.

зывает всех верующих и весь народ взяться немедленно за работу для этого великого дела»¹.

К словам Слипого присоединился и «долголетний душпаstryрь украинского студенчества» Гриньох, который был тогда духовником известного своими зверствами батальона «Нахтигаль», возглавляемого гестаповцем Теодором Оберлендером и националистом Романом Шухевичем. Ради такого «торжественного» события Гриньох вырядился в серый военный мундир гитлеровских оккупантов.

Едва украинские буржуазные националисты создали так называемое «правительство», как между ними с новой силой разгорелась старая вражда. Борьба велась за «теплые» и выгодные места, каждый старался урвать кусок получше и побольше. На первых порах эту грязню они маскировали заявлениями об «идейных» разногласиях. Но вскоре вожаки ОУН забыли об осторожности и начали открытые распри, разоблачая друг друга в закулисных интригах и тайных махинациях. Глава ОУН Андрей Мельник стремился убрать со своего пути к власти Степана Бандеру и Ярослава Стецько², стоявших во главе так называемого «правительства», и распространял компрометирующие их листовки.

Наблюдая за этой грязней и хорошо зная «способности» соперников, Шептицкий понимал, что в азарте борьбы они могут развалить всю «Организацию украинских националистов». Чтобы сохранить ее, нужно было принять энергичные меры. 7 июля 1941 года митрополит пишет «пану полковнику» А. Мельнику письмо, в котором требует «найти общий язык с Бандерой» и покончить с грязней, которая наносит вред «украинскому делу»³.

---

¹ «Самостійна Україна», 12 липня 1941.

² Степан Бандера — сын униатского священника, один из главарей ОУН, организатор террористических актов в Западной Украине во время и после Отечественной войны. Агент фашистской разведки. После поражения фашистской Германии стал агентом американской и английской разведок, по заданию которых перебрасывал шпионско-диверсионную агентуру в СССР. Ярослав Стецько — один из руководителей ОУН с 1941 года. Близкий помощник и преемник Бандеры после смерти последнего. Проживает в ФРГ.

³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 11, стр. 2.

В ликвидации «конфликта» между сторонниками Бандеры и Мельника принимал посильное участие и ректор духовной академии Иосиф Слипый. От своего информатора, бывшего ректора малой духовной семинарии униатского священника Льва Глинки, он получал довольно точный отчет о деятельности соперничавших группировок. В 1939 году приближении Красной Армии ко Львову, Глинка сбежал в гитлеровскую Германию, где установил тесные связи с украинскими националистами. Как только началась война, он перебрался в Krakow. 5 августа 1941 года он послал И. Слипому подробное письмо, в котором сообщал о грызне между руководителями ОУН: «Говорил я с Мельником и некоторыми лицами из бандеровской группы. Сложилось впечатление, что в настоящий исторический момент бандеровцы сильнее, чем группа Мельника. Непримиримость противников делает невозможной дальнейшую работу по их примирению. Бандеровцы были бы хорошими носителями украинских национальных интересов, если бы они имели столько же рассудительности и опыта, сколько идейности, импульсивности и амбиции. Боюсь, что о мельниковцах нельзя этого сказать... А жаль, так как мельниковцы в смысле отношения к церкви кажутся мне более ценным фактором. Украинские ведущие эмигранты, и прежде всего Мельник, Кубиевич, а также некоторые другие, прямо-таки страдают слепым, к тому же ошибочным подражанием иностранным образцам государственности».

В этом писании Глинка намекал, что Мельник в своей деятельности во всем следует немецкому «фюреру», а с точки зрения униатского священника этого нельзя делать, так как есть один «отец» украинского народа — митрополит Шептицкий.

Глинка раскрыл авантюристическую политику украинских буржуазных националистов. Сделал он это не для того, чтобы показать их враждебную деятельность, а лишь с одной целью — предупредить митрополита Шептицкого и его помощника И. Слипого, чтобы они знали, с кем имеют дело. Однако общие интересы униатского владыки и украинских буржуазных националистов так тесно переплелись, что, зная обо

всех позорных и кровавых преступлениях головорезов Бандери и Мельника, Шептицкий не мог и не хотел отказаться от их услуг.

Но пока Шептицкий пытался помирить своих воспитанников, гитлеровцы разогнали «правительство» Стецько и, таким образом, показали, что им надоела игра националистов в «самостийность».

Для митрополита это был гром с ясного неба. 22 июля 1941 года он обращается с письмом к министру иностранных дел Германии Риббентропу, в котором высказывает тревогу по поводу «присоединения Восточной Галиции к генеральному губернаторству». «Украинский народ с 1918 г. кроваво боролся против большевиков за самостийную соборную Украину... — писал в расстройстве чувств владыка. — Перечеркивание этого государственного идеала пошатнет его чистосердечные симпатии и полное доверие к немецкому правительству и подействует крайне вредно на интересы украинского народа и вообще на упорядочение отношений на Востоке Европы. Пресим вас не допустить этого»¹.

Просьбы Шептицкого не помогли. Оккупанты не желали иметь никаких посредников. Это был весьма ощутимый удар по престижу униатского владыки и украинских буржуазных националистов. Молча снеся унижение, Шептицкий посыпает Гитлеру приветственное письмо в связи с оккупацией немцами Киева: «Ваше превосходительство! Как глава украинской греко-католической церкви, я передаю Вашему превосходительству мои сердечные поздравления по поводу овладения столицей Украины, златоглавым городом на Днепре — Киевом... С особым уважением граф Шептицкий, митрополит»².

Но на это лакейское письмо униатский владыка даже не получил ответа. Гитлеру нужны были не приветственные телеграммы, а реальные доказательства преданности рейху. Владыка понял это. Вместе со своими приспешниками 14 января 1942 года он посыпает «фюреру» письмо с заверениями в своей

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2664, стр. 117.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2665, стр. 117.

преданности: «Мы заверяем Вас, Ваше превосходительство, что руководящие круги на Украине стремятся к более тесному сотрудничеству с Германией, чтобы объединенными силами завершить борьбу против врага и осуществить новый порядок на Украине и во всей Восточной Европе»¹.

Это позорное письмо подписали: сам Шептицкий, «председатель украинского национального совета в Киеве» Величковский, бывший подручный Петлюры Андрей Левицкий, «вождь» украинских буржуазных националистов Андрей Мельник. Чтобы угодить оккупантам, они растоптали остатки своей совести, отдавая на поругание врагу людей, которые им еще верили.

Некоторое время спустя владыка вновь занялся примирением националистов. А те продолжали свои распри, обливая друг друга грязью. Андрей Мельник, обличая своих противников, в одной из листовок писал: «Организация украинских националистов зашла в тупик, из которого нет выхода. К такому положению привели ее Р. Ярый»² и его марионетки Бандера и Стецько! Украинское общество отворачивается от ОУН! На ОУН сыплются удары со стороны немцев! И удары не за освободительную борьбу, а за безответственное ребячество... и истерию... Провокации, продажность, братоубийство и воровство стали системой организации под руководством Яры — Бандеры»³.

Хорошо зная Бандеру и Стецько, их недавний «компаньон» стал в позу «правдолюба» и со всей откровенностью принялся разоблачать их деятельность. Во время «решающих событий», писал Мельник, они «продали ОУН немцам, посылая массу членов служить в гестапо (например, сам брат Бандеры служит в гестапо, в гестапо служит и шурин Бандеры Врецьона) и в вермахт как разведчиков, переводчиков и других прислужников. Далее они создали марионеточный легион Бандеры⁴, который немцы

¹ «Правда про Унію». Львов, 1968, стр. 366—367.

² Р. Яры (Ярый) — один из руководителей организации украинских буржуазных националистов. Агент немецкой разведки, сторонник Бандеры.

³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 11, стр. 6.

⁴ Батальон «Нахтигаль».

возили в захваченные украинские города и села для того, чтобы показать украинскому населению видимость, будто создается украинская держава и украинское войско. Такой немецкой комедией было и создание «правительства Стецько» во Львове. Это «правительство» и бандеровскую клику немцы привезли во Львов на своих военных автомашинах сразу же за передовыми отрядами своих войск. Мы долго молчали, ибо многих дел, скрываемых кликой, просто не знали, а что касается других — они были обмануты той же кликой, к которой относились с безграничным доверием. Но скоро нам стало ясно, что клика преступных дураков ведет ОУН к гибели... Они морально разлагаются. Деморализовали ОУН деньги, реквизиции и воровство, массовый наплыв разных преступных элементов. Деморализовали ее преступления против своих же братьев-украинцев... которые стали жертвами деятельности доносчиков-провокаторов и душегубов-братоубийц!»¹

К этим обвинениям трудно что-либо добавить. И хотя в листовке ни словом не упоминалось о роли Шептицкого в действиях националистов, все знали, что он был их духовным отцом. Конечно, старый интриган принял соответствующие меры. Спустя некоторое время, 10 декабря 1941 года, «правдолюб» А. Мельник шлет Шептицкому покаянное письмо, в котором благодарит владыку за вмешательство в «партийные» дела. «Организация украинских националистов,— пишет он с лакейским угодничеством,— благодарна за неоценимую помощь вашей экзальтации во время недавних львовских событий², которые могли толкнуть народ в хаос непредвиденных последствий, и благодарна за вашу ценную помощь в наведении порядка в украинском обществе»³.

От «патриотического» гнева руководителя «фракции непримиримых» не осталось и следа. Прирученный митрополитом «блудный сын» возвратился к своим коллегам и очень скоро нашел с ними общий

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 11, стр. 6.

² Имеются в виду вооруженные столкновения между сторонниками Мельника и Бандери.

³ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2663, стр. 90.

язык. 14 января 1942 года Шептицкий, Мельник и другие оуновцы в письме к Гитлеру уверяли его, что «руководящие круги Украины готовы самым тесным образом сотрудничать с Германией»¹.

Чтобы окончательно покончить с враждой в лагере националистов, по указанию владыки 6 июля 1942 года во Львове были созваны «представители украинского общества с целью консолидации всех сил вокруг идеи строительства украинской державности». Сборище возглавляли опытные националистические и униатские демагоги, в частности К. Левицкий и И. Слипый. Будучи хорошо осведомленными о кровавых делах оуновцев и их «партийных» разногласиях, они заставили участников «дискуссии» подписать для оглашения лицемерное заявление о «полном единогласии всего украинского общества»².

Вмешательство Шептицкого в дела националистов уберегло на некоторое время ОУН от полной деморализации. Вполне понятно, что Шептицкий сделал это не из «отцовских чувств» к своим воспитанникам. Он стремился угодить гитлеровским оккупантам, которым необходимы были наемники для борьбы с народом Украины.

В 1943 году националисты приняли участие в формировании печально известной дивизии СС «Галичина». Возглавляемая немецким разведчиком Альфредом Бизанцем «военная управа» ОУН в короткое время создала в городах и селах Западной Украины вербовочные пункты и повела агитацию за мобилизацию украинской молодежи.

Активную переписку с Шептицким во время формирования дивизии СС «Галичина» вел украинский националист Евгений Побигущий. В начале войны Е. Побигущий в чине майора немецкой армии командовал батальоном «Роланд». Этот батальон, как и батальон «Нахтигаль», был сформирован немецким абвером из ярых националистов. Деятельное участие в формировании обоих батальонов принимал военный преступник Т. Оберлендер.

Под командой Е. Побигущего батальон «Роланд»

¹ Цит. по газ. «Украинское слово», 22 мая 1957.

² ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 358, оп. 1, дело 11, стр. 11.

прошел по землям Украины и Белоруссии, пролив море народной крови. Он принимал участие в карательных операциях против партизан и мирного населения. Е. Побигущий пользовался у немецкого командования особым доверием. Еще бы! Ведь за него поручился сам Теодор Оберлендер. Не случайно, когда немецкие оккупанты начали формировать дивизию СС «Галичина», командовать одним из полков доверили Е. Побигущему.

В формировании этой дивизии всемерную помощь немецким оккупантам и оуновцам оказывали отцы-униаты. Некоторые из них охотно сменили сутицу на немецкий мундир. Руководителем священников дивизии стал вице-ректор духовной семинарии Василий Лаба. Призываая новобранцев к борьбе с Советской Армией, он заявил: «Мы получили возможность принять в этой тяжкой борьбе непосредственное участие с оружием в руках. Это единственный способ добить волю. К этому призывает нас бог, который когда-то звал крестоносцев бороться за освобождение святой земли под лозунгом: «Бог так хочет». И сегодня бог так хочет... это божье дело, и за этим божьим делом мы пойдем»¹.

8 июля 1943 года «военную управу» ОУН принял «эксцеленция Андрей граф Шептицкий». «Управа» пришла в полном составе во главе с полковником Бизанцем, чтобы доложить о своей работе. В своей речи, как сообщалось в прессе, Бизанц благодарил митрополита за «доброжелательное отношение его и подчиненного ему духовенства к факту формирования дивизии СС «Галичина». Митрополит поблагодарил Бизанца за сообщение и в продолжительной беседе выяснил все детали работы, связанные с формированием дивизии»².

За скучными строчками сообщения кроется очень многое. Владыка не задумываясь отправлял украинскую молодежь на явную гибель. Вот какой в действительности была «любовь» польского графа, униатского митрополита, к украинской молодежи. Подчеркивая роль Шептицкого в формировании дивизии СС

¹ «Станіславське слово», 2 мая 1943.

² «Львівські вісті», 9 июля 1943.

«Галичина», Бизанц писал: «Мне было очень приятно убедиться, как живо интересуется митрополит делом дивизии и как подробно он об этом деле проинформирован...»¹

Несмотря на чудовищный террор оккупантов, на физическое уничтожение сотен тысяч людей, коммунисты Львова продолжали борьбу. Львовская подпольная организация «Народная гвардия» им. Ивана Франко создала боевые отряды, которые действовали в разных районах области, наводя страх на карателей. Имелись в области и другие партизанские группы, к которым присоединялись все, кому были ненавистны фашистские захватчики. Партизаны не только карали убийц, но вели большую пропагандистскую работу, поддерживали у людей веру в победу над оккупантами, печатали и распространяли листовки, в которых разъясняли предательскую деятельность униатского духовенства во главе с митрополитом Шептицким и украинских буржуазных националистов.

Активную пропаганду партизаны вели во время формирования дивизии СС «Галичина». В одной из листовок «Народной гвардии» было, в частности, напечатано: «Немец, запятнавший себя кровью всех славянских народов Европы, нас, украинцев-славян, призывает и заставляет идти вместе с ним против наших братьев! Он хочет из нашей молодежи воспитать новых янычар, которые были бы его стражевыми псами над порабощенными народами Европы... Украинцы! Не позволяйте надругаться над собой! Не дайте позорить свое честное имя! Ни один патриот-украинец не пойдет в собачью дивизию Гитлера! А те, что пойдут,— это изменники своего народа. Пусть не ждут от нас пощады, когда придет время возмездия»².

В то время как Шептицкий в своих посланиях лицемерно призывал угнетенный украинский народ к новым и новым жертвам, к покорности и молчанию, к всесторонней помощи немецким оккупантам, «по-отцовски» советовал выполнять все их

¹ «Львівські вісті», 11 июня 1943.

² «Львовщина в Великой Отечественной войне», Львов, 1968, стр. 83.

распоряжения, коммунисты разоблачали демагогию униатского митрополита, показывали, кому он служит. «Настал час возмездия,— писали в своей листовке члены подпольной организации «Освобождение Отчизны».— В с. Дусанове на Перемышлянщине при отступлении Красной Армии сельские богачи ловили красноармейцев и издевались над ними, зверски мучили их, рвали тело на куски. Это делалось с ведома священника, который не встал на защиту несчастных мучеников. С приходом немцев священник с. Куревич Оришкевич требовал уничтожения всех, кто работал в сельсовете при Советской власти».

Срывая маску с униатов и украинских буржуазных националистов, в этой же листовке подпольщики писали: «Предатели народа — разные кубиёвики, полянские, добрянские¹ — вымолили у Гитлера разрешение на создание дивизии СС. Каждому понятно, галичане, записавшиеся в дивизию СС, должны идти биться против украинцев... которых много в Красной Армии. Итак, кто кого и за что должен бить?.. Братья братьев. Но священники на это не обращали внимания и почти всюду по селам убеждали молодежь записываться в дивизию СС. И сам верховный владыка митрополит Шептицкий отнесся благосклонно к этому братоубийственному мероприятию. На манифестациях произносили речи викарий Лаба и другие. Этих фактов достаточно, чтобы увидеть, как духовенство Галиции благословляет братоубийственную кровавую войну»².

Подводя черту под предательской деятельностью духовенства, авторы листовки, обращаясь к украинскому народу, заявляли: «Галицийские «руководители» считают, что священники... должны вести работу, направленную против своего народа, а народу нельзя и слова сказать об «отцах духовных», об их несправедливой и вредной деятельности против своего народа. ... Деятельность некоторой части галицких священников является не только несправедливой, а даже преступной, это можем подтвердить

¹ Фамилии украинских националистов, организаторов дивизии СС «Галичина».

² «Правда про Унію», Львов, 1968, стр. 359—363.

тысячами фактов. Об этом знает весь народ, на это имеются живые свидетели».

Успехи Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны содействовали все более широкому развертыванию подпольной борьбы в тылу врага. Подпольщики подрывали немецкие склады с боеприпасами и продовольствием, уничтожали фашистских палачей и украинских буржуазных националистов. В ответ немецкие оккупанты расстреливали сотни заложников, сжигали украинские села.

Митрополит Шептицкий то и дело выступал с новыми посланиями к населению Львовской области, призывая к покорности: «...буря, неистовствующая над Наднепрянской Украиной, приближается к нам,— писал он.— В ней гибнет... большая и лучшая часть украинского народа... Лучшие граждане, представители всех национальных организаций... предостерегают народ от грядущих опасностей... считают святым долгом... раскрыть всем глаза на ту пропасть, куда пытаются завести вас враги и обманутые люди, сея тревогу и подстрекая к противозаконным действиям, к невыполнению военных повинностей, к непослушанию законам и приказам военного времени»¹.

Униатский владыка остался верным себе, до конца используя весь свой авторитет и духовную власть для службы немецким оккупантам. Но все его усилия были обречены на провал. Как уже упоминалось выше, дивизия СС «Галичина», это детище немецких оккупантов, униатского владыки и украинских буржуазных националистов, окончила свое бесславное существование в «Бродовском котле». Духовники дивизии вместе с уцелевшими горе-вояками оказались среди эмигрантского охвостья, разделив судьбу многих других предателей народа.

Круг предательства замкнулся. Начав карьеру как ставленник австро-немецких империалистов, Шептицкий до последнего вздоха верно служил им. Наемник фашистов, он вместе с ними потерпел полный крах.

---

¹ «Львівські архієпархіальні відомості», январь, февраль, март, 1944, стр. 16—17.

Бесславный конец

После освобождения Львова от гитлеровских оккупантов резиденция Шептицкого опустела. Многие националисты и отцы-униаты, боясь ответственности за кровавые преступления, бежали за границу вместе со своими хозяевами. А те, кто остались, понимали, что для них существует один выход — хотя бы внешне подчиниться Советской власти и выполнить ее распоряжения. Первым, как всегда, тон задал сам владыка. «Князь» церкви, который еще недавно благословлял убийц из батальона «Нахтигаль» и дивизии СС «Галичина» на борьбу с советским народом, обратился к духовенству с призывом: «Одна из главных обязанностей церкви — помочь страждущим и спасти их в горе. Этого горя нынешняя война принесит так много, что чувствую необходимость снова напомнить всечестнейшему духовенству и верующим заповедь о любви к ближнему». Далее Шептицкий предлагал отцам-униатам начать сбор средств для помощи пострадавшим в войне. По приказу владыки предписывалось каждой парохии собрать «на раненых и больных Красной Армии самое малое 500 рублей и переслать в митрополичью консисторию, которая передаст их Красному Кресту»¹.

Такого от митрополита не ожидали даже униатские пастыри. У них еще были свежи в памяти его недавние призывы вести борьбу с большевиками не на жизнь, а на смерть. Но как удивились бы они, узнав, что тайком от всех Шептицкий готовит письмо И. В. Сталину. Трудно передать, сколько в этом письме фальши и лицемерия. «После победоносного похода от Волги до Сана и дальше,— писал Шептицкий,— вы снова присоединили западноукраинские земли к большой Украине. За осуществление этих заветных желаний и стремлений украинцев, которые испокон веку считали себя единственным народом и хотели быть объединенными в едином государстве, украинский народ приносит вам чистосердечную благодарность».

¹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 201, оп. 4-б, дело 2742, стр. 6.

Легко представить себе, до чего дошел вчераший прислужник оккупантов, если решился благодарить от имени украинского народа за воссоединение и освобождение от фашистского ига. Он, который делал все, чтобы помешать этому! «Эти... события,— писал далее старый лицемер,— вызвали и в нашей церкви надежду на то, что она, как и весь народ, обретет в СССР, под вашим руководством, полную свободу труда и развития, благополучия и счастья».

Хитрый иезуит рассчитывал таким путем спасти от гибели униатскую церковь и реабилитировать себя.

Но расчетам Шептицкого не суждено было осуществиться. Он доживал последние дни.

1 ноября 1944 года Шептицкий умер. Митрополитом униатской церкви стал Иосиф Слипый, с нетерпением ждавший этой минуты.

Заняв митрополичий престол, Слипый пошел по пути, проторенному Шептицким. Бывший фашистский прислужник сразу же обратился к Советскому правительству с письмом, в котором заявил: «...церковь, по божьему закону, не вмешивается в политические, военные и чисто светские дела, а всегда выполняет гражданский долг, согласный с божиим законом».

Может быть, дивизию СС «Галичина» Слипый помогал формировать также по божиим законам, а предательство интересов украинского народа, пособничество немецким оккупантам оправдывал «невмешательством в политические дела»?

Всячески стремясь сохранить греко-католическую церковь, Слипый обращается к Советскому правительству с предложением оставить в силе на территории Западной Украины конкордат, который был заключен между папской Польшей и Ватиканом в 1925 году. На основании этого конкордата Слипый просил Советское правительство предоставить ряд льгот и привилегий священникам, монахам и монахиням униатской церкви. Мало того, он просил «обеспечить церкви основание и содержание богословской академии, духовной семинарии, монастырей, церковных школ, церковных музеев».

Игнорируя тот факт, что церковь в СССР была отделена от государства еще в период Октябрьской революции, Слипый предлагал «допустить церковь к преподаванию религии во всех народных и средних школах и установить учителям религии зарплату, равную зарплате других учителей».

Новый митрополит просил также «выделить в Москве и Киеве по одной церкви для греко-католиков, которые там проживают, с правом львовскому митрополиту назначать священников в эти церкви». Иными словами, Слипый пытался узаконить существование греко-католической церкви в СССР, осуществить то, чего не удалось сделать Шептицкому,— открыть миссионерские приходы греко-католической церкви в Москве и Киеве.

Это была очередная попытка проникнуть на Восток. Во имя вековых устремлений римских пап униатские миссионеры выискивали новый «законный» повод для проникновения в ранее запретные для них края Советского Союза. Однако хитроумный план Слипого не удался.

А потом наступил день, когда Слипому и его ближайшим помощникам пришлось отвечать за свои преступления: за участие в создании дивизии СС «Галичина» и призывы к братоубийственной войне, за разжигание религиозного фанатизма и верное служение гитлеровцам, за шпионаж и всестороннюю поддержку оуновских палачей. Народный суд вынес им суровый, но справедливый приговор.

Тесное сотрудничество греко-католического духовенства с немецкими оккупантами во время Великой Отечественной войны, помощь оуновским бандам в военные и послевоенные годы, антисоветская агитация окончательно разоблачили отцов-униатов в глазах верующих как врагов украинского народа. Начался массовый отход верующих от униатской церкви.

В начале 1946 года, когда клерикалы готовились отметить 350-летний юбилей унии, по решению инициативной группы униатских священников и верующих был созван собор греко-католической церкви. Участники собора единогласно приняли решение навсегда порвать с Ватиканом и присоединиться к

православной церкви. Все 350 лет своего существования церковная уния держалась на вооруженной силе польских магнатов и австро-немецких империалистов. Потеряв их поддержку, она погибла.

Незначительная часть униатских священников, монахов и монахинь не приняла православия и, вопреки логике вещей и здравому смыслу, до сих пор все еще надеется на возрождение унии. Но жизнь уже сказала свое веское слово: уния потерпела крах. И, конечно, попытки восстановить ее так же тщетны, как и расчеты на то, что могут вернуться старые времена. Однако наиболее фанатичные приверженцы унии не теряют надежды. Их поддерживают те реакционные круги на Западе, которые особенно заинтересованы в возрождении унии. Одной из акций этих кругов является попытка причислить Шептицкого к лику «святых».

В 1958 году в Риме был затеян процесс беатификации Шептицкого. Но украинский народ, проклиная деяния первого униатского «святого» Й. Кунцевича, недобрый словом поминает и нового униатского «святого» Андрея Шептицкого. Народ Украины никогда не простит графу Шептицкому и его сподручным многолетней провокационной и предательской деятельности, сотрудничества с фашистскими оккупантами. И как бы ни фальсифицировали досужие писаки жизнь и деятельность униатского владыки и его приближенных, шила в мешке не утаить. Правда об их преступлениях станет в конце концов известна всем.

Огромные исторические преобразования, которые произошли в западных областях Украины в исторически короткое время, ликвидация социального и национального угнетения, развитие народного образования и культуры обусловили победу материалистического мировоззрения над темными силами реакции и мракобесия. В Западной Украине, где столетиями господствовала иезуитская мораль униатской церкви, калечившая душу народа, вырос новый человек — строитель коммунизма, строитель своего счастья, человек, которому принадлежит будущее.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
НАЧАЛО КАРЬЕРЫ	7
НОВЫЕ ИНТРИГИ	19
МИССИОНЕРЫ ЕГО ЭКСЦЕЛЕНЦИИ	32
ПРАВОСЛАВНЫЕ АРХИЕРЕИ И УНИАТСКИЕ ДУШПАСТЫРИ	51
«БЛАГОДЕЯНИЯ» УНИАТСКОГО ВЛАДЫКИ	61
ДЕЛА «ЧУДОТВОРНЫЕ»	79
СУФРАГАНСКИЕ РАЗДОРЫ	86
ОСИНОЕ ГНЕЗДО	94
НА СЛУЖБЕ РЕАКЦИИ	105
ФАШИСТСКИЕ НАЕМНИКИ	116
ВЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ	132

*Добрычев Владимир Павлович
в тени святого Юра*

Редактор *А. В. Белов*

Художник *В. В. Ашмаров*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Н. Е. Трояновская*

Ответственные корректоры
М. М. Мельникова, Г. Ф. Травушкина

Сдано в набор 12 августа 1970 г. Подписано в печать 11 но-
ября 1970 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 1.
Условн. печ. л. 7,35. Учетно-изд. л. 6,83. Тираж 100 тыс.
экз. А08871. Заказ № 3753. Цена 24 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

24 коп.

